

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

1

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместители главного редактора	ГРИЩЕНКО Ж. М. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: zhanna0607@mail.ru РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	КОБЯК О. В. – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

Бабосов Е. М.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е.	Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т.	Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И.	Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К.	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф.	Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д.	Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А.	Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А.	Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н.	Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editors-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyeu G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Karol A. D.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.42(476)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В БЕЛАРУСИ: ПОВЕСТКА ДНЯ ДО 2030 г.

М. А. ЩЕТКИНА¹⁾, А. Н. ДАНИЛОВ²⁾

¹⁾Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь,
ул. Красноармейская, 9, 220016, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется реализация Целей устойчивого развития в Беларуси, представлена Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., которая содержит в себе 17 Целей устойчивого развития, формирующих образ будущего мира. Республика Беларусь приступила к работе по имплементации Целей устойчивого развития на национальном уровне, опираясь на ключевые документы: Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года и Программу социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы. Разработана и обсуждена на первом Национальном форуме по устойчивому развитию (г. Минск, 24 января 2019 г.) концепция национальной стратегии, в которой сформулированы конкретные меры по реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Повестка-2030; Цели устойчивого развития; Национальный форум по устойчивому развитию; концепция национальной стратегии.

Образец цитирования:

Щеткина МА, Данилов АН. Реализация Целей устойчивого развития в Беларуси: Повестка дня до 2030 г. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:4–11.

For citation:

Shchetkina MA, Danilov AN. Implimentation of the Sustainable Development Goals in Belarus: an Agenda until 2030. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:4–11. Russian.

Авторы:

Марианна Акиндиновна Щеткина – кандидат социологических наук; Национальный координатор по достижению Целей устойчивого развития, заместитель председателя.

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Marianna A. Shchetkina, PhD (sociology); national coordinator for achieving the Sustainable Development Goals, deputy chairman.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IN BELARUS: AN AGENDA UNTIL 2030

M. A. SHCHETKINA^a, A. N. DANILOV^b

^aRepublic Council of the National Assembly of the Republic of Belarus, 9 Čyrvonaarmiejskaja Street, Minsk 220016, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.danilov@tut.by)

The article is devoted to analyzing the implementation of sustainable development goals in Belarus. The Agenda until 2030, which contains 17 Sustainable Development Goals that form the image of the future world, is presented. The Republic of Belarus has begun work on the implementation of the Sustainable Development Goals at the national level, relying on the key documents – the National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the period until 2030 and the Program for Social and Economic Development of the Republic of Belarus for 2016–2020. The concept of a national strategy was formulated and discussed at the first National Forum on Sustainable Development (Minsk, 24 January 2019), which formulated specific measures for the implementation of the Agenda-2030.

Key words: Republic of Belarus; Agenda-2030; Sustainable Development Goals; National Forum on Sustainable Development; National Strategy Concept.

Сегодня для многих становится очевидным, что «современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. Эти процессы всегда являются своего рода индикатором коренных качественных системных перемен» [1, с. 7].

Нарастает энерго-экологический кризис, выражающийся в исчерпании природных ресурсов, ускоренном загрязнении окружающей среды и увеличении числа природных и техногенных катастроф. Растет количество стран, охваченных депопуляцией, голодом, безработицей. Все более актуальными становятся вопросы миграции, распространения эпидемий, усиления социально-демографической поляризации стран и цивилизаций, роста числа локальных вооруженных конфликтов и агрессивных военных действий, международного терроризма.

Снижение темпов роста производительности труда и обновления основного капитала влечет за собой возникновение технологического разрыва между авангардными и отстающими странами и цивилизациями. Мировая экономика все больше превращается в сферу господства транснациональных корпораций и банков, снижаются темпы экономического роста, увеличивается пропасть между богатыми и бедными странами и социальными слоями [2, с. 17–33].

Неслучайно еще в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая проходила в Рио-де-Жанейро на уровне глав государств и правительств 180 стран, определяющим требованием было объявлено обеспечение баланса между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворением основных жизненных потребностей современного поколения и сохранением таких возможностей для будущих поколений, выбор пути, который предпо-

лагает управляемое, сбалансированное развитие общества и природы.

Основные параметры такой модели включают в себя экономические, социальные, политические, демографические, духовно-нравственные и экологические аспекты, ориентированные на достижение безопасности существования людей. П. А. Водопьянов и В. С. Крисаченко отмечают: «Самое существенное при переходе на новый путь устойчивого развития, соответствующий неиндустриальной перспективе, заключается в том, что качественное изменение отношения общества к природе возможно только при изменении характера (системы) внутриобщественных отношений» [3, с. 268]. Другое дело, что эти отношения меняются очень медленно и до сих пор во многих случаях воспроизводят идеалы и нормы потребительского общества.

Нельзя не признать правоту Н. Н. Моисеева, который после конференции в Рио-де-Жанейро писал: «Проблема устойчивого развития – это не проблема экономистов и технологов. Это проблема и экономистов, и технологов, и социологов, и... философов. Это проблема формирования новой цивилизации» [4, с. 146]. Конечно, когда доминирующим остается сугубо потребительский вектор социально-экономического развития, можно только констатировать нарастание опасных условий для жизнедеятельности людей. Поэтому многие установки, зафиксированные в стратегии устойчивого развития, в том числе на Конференции ООН по устойчивому развитию (Рио+20), состоявшейся в 2012 г., оказались скорее благим пожеланием, несбыточной мечтой. Реальная же ситуация, напротив, существенно ухудшилась.

Вполне оправданно, что в таких условиях самая авторитетная международная организация, которой является ООН, вместе с ведущими учеными и дипломатами мира находится в поиске ответов на новые вызовы времени.

Новая повестка дня ООН в области устойчивого развития

В сентябре 2015 г. страны – члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее – Повестка-2030). Она содержит 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), формирующих образ будущего мира, в котором отсутствуют нищета и голод, где люди могут реализовать свой потенциал в условиях равенства, в здоровой окружающей среде, где используются рациональные модели потребления и производства, принимаются неотложные меры сохранения планеты от деградации для устойчивой жизнедеятельности современного и будущих поколений.

Цели и задачи в области устойчивого развития комплексные и неделимые, глобальные по своему характеру и универсально применимые, при этом они дают возможность учитывать национальные различия, возможности и уровни развития каждого государства, уважают национальные стратегии и приоритеты.

Каждое государство устанавливает свои собственные национальные задачи, руководствуясь глобальными пожеланиями, но принимая во внимание национальные условия. Правительство также решает, как учитывать глобальные задачи при национальном планировании, принятии мер и разработке стратегий.

Устойчивое развитие – это не только самостоятельная цель, но и наилучший из имеющихся в распоряжении международного сообщества инструмент предупреждения самых разных проблем. Теперь задача состоит в том, чтобы мобилизовать все силы на реализацию этих программ для достижения реальных и осязаемых результатов.

С точки зрения социологии устойчивое развитие является социальным процессом. В его основе лежит теория социальных изменений, связанных с преобразованием всех сфер человеческой жизни. Оно

представляет собой синтез глобального и локального развития, направленный на развитие как системы в целом, так и каждой подсистемы в отдельности – экономической, экологической, социальной.

Экономический подход в устойчивом развитии рассматривает экономику как безотходную систему, экологичную, энерго- и материалосберегающую, нацеленную на создание экологически приемлемой продукции.

Экологическое развитие составляет основу устойчивого развития, поскольку обострение экологических проблем представляет угрозу для жизни всего человечества. Экологическое развитие должно обеспечивать сохранность и жизнеспособность природных систем в целях сохранения глобальной стабильности биосферы планеты.

Социальная составляющая направлена на достижение равенства, справедливого распределения социальных благ между всеми членами общества, полноценное удовлетворение базовых потребностей людей в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, сохранение духовного достояния и культурного многообразия человечества. Перед человеком стоят задачи переосмыслить внутренний потенциал, найти новое самоопределение, новую парадигму развития человечества.

Все 17 ЦУР взаимосвязаны и универсальны, главный подход – «никого не оставить в стороне». С одной стороны, это соблюдение интересов каждого, с другой – все должны быть привлечены к реализации поставленных целей. Партнерство и сотрудничество – условия достижения ЦУР, которые структурируют по пяти основным направлениям, так называемым 5Р: люди, процветание, мир, партнерство, планета. ЦУР – это стратегия всего человечества, и проблематика их достижения прочно закрепляется в стратегической национальной повестке дня всех государств мира.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь

В Беларуси уже проведена значительная работа по национализации ЦУР, создана национальная архитектура управления деятельностью по их достижению (рис. 1), которую характеризует межведомственный подход.

Решением Президента Республики Беларусь в 2017 г. учрежден пост Национального координатора по достижению ЦУР, создан Совет по устойчивому развитию на уровне заместителей руководителей органов государственного управления и руководства регионов страны.

В двухпалатном белорусском парламенте была создана единая парламентская группа для работы по вопросам ЦУР. Она занимается оценкой регуляторного воздействия законопроектов на про-

цессы устойчивого развития и обеспечением парламентского контроля в данной области. Впервые в европейском регионе состоялись открытые парламентские слушания «Партнерство ветвей власти как необходимое условие успешного достижения Целей устойчивого развития». К важному достижению парламентской группы также можно отнести принятые поправки к Закону Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах». Согласно введенному необходимости принятия нормативного правового акта в обязательном порядке должна оцениваться с точки зрения его соответствия ЦУР.

Учитывая главный принцип Повестки-2030 – никого не оставить в стороне, а также ориентируясь

на цель 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития» при Совете по устойчивому развитию создана партнерская группа с участием представителей общественных объединений, бизнеса, научных кругов, международных организаций. В ней широко представлена молодежь, женские объединения, деловые круги и т. д. Эта группа имеет открытый характер и состав.

Переход к устойчивому развитию страны в целом возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов. В целях координации работы на местах во всех областях Беларуси созданы и работают региональные группы по ЦУР.

Деятельность Совета по устойчивому развитию парламентской, партнерской и региональных групп ведется в четырех основных направлениях (рис. 2): экономика, экология, социальные вопро-

сы, мониторинг. Лидеры каждой из групп вырабатывают общее видение и подходы, которые используются в работе по достижению ЦУР.

В соответствии с решением Совета по устойчивому развитию каждая из 17 ЦУР закреплена за государственными органами, в компетенцию которых входит решение соответствующих вопросов. При этом все задействованные государственные органы входят в состав четырех отраслевых блоков: экономика, экология, социальная сфера, мониторинг. Это обеспечивает четкий учет и координацию работы по достижению ЦУР.

Межведомственная рабочая группа по экономике. Анализ 17 ЦУР показал, что шесть из них в наибольшей степени характеризуют экономическую компоненту. Они не только актуальны для устойчивого развития нашей экономики, но и совпадают с такими национальными приоритетами,

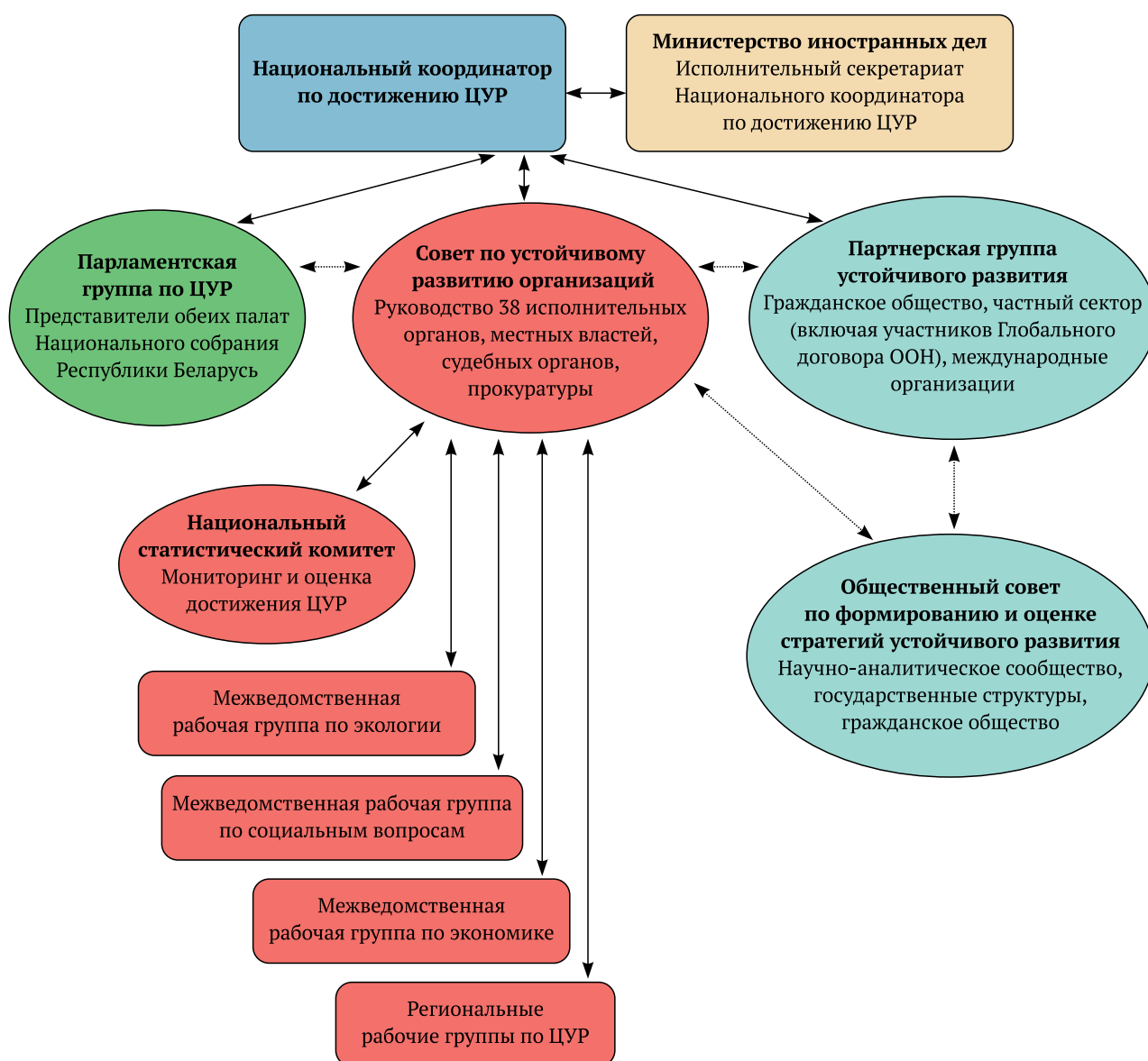

Рис. 1. Архитектура управления процессом достижения ЦУР в Беларуси

Fig. 1. The management architecture of the achieving process of the SDGs in Belarus

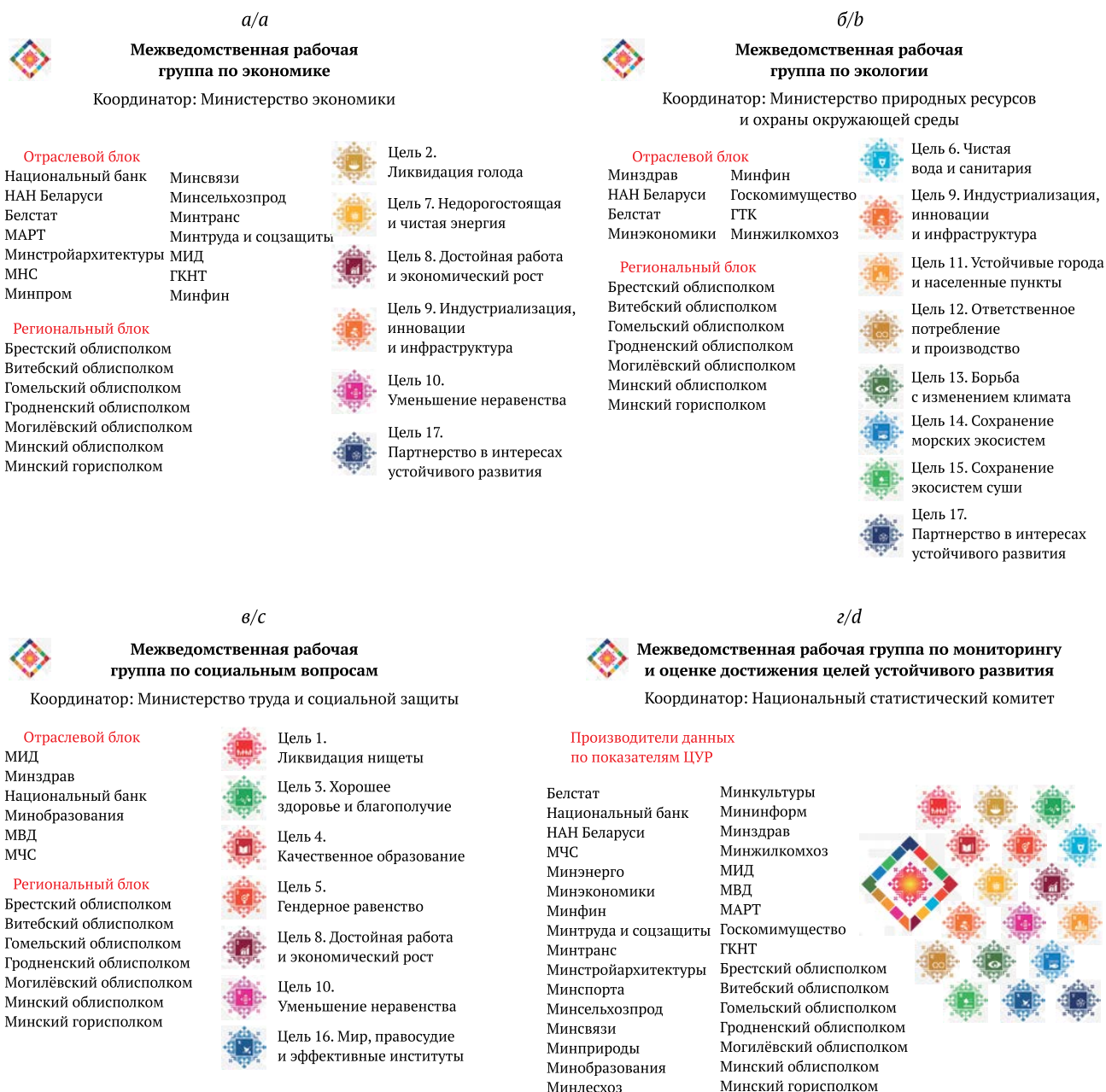

Рис. 2. Основные направления деятельности Совета по устойчивому развитию (а–г)

Fig. 2. The main activities of the Council for Sustainable Development (a–d)

как продовольственная безопасность, эффективная занятость и занятость молодежи, инновации, инвестиции и экспорт.

Отдельным направлением выступают вопросы региональной политики. Стратегическая цель по данному направлению – создать в регионах равные возможности для реализации личностного потенциала и удовлетворения жизненных потребностей граждан независимо от места проживания на основе эффективного, сберегающего и развивающего использования ресурсов, накопленных компетенций и конкурентных преимуществ.

Перед группой поставлены задачи определить приоритеты и направления развития экономики

и выработать поэтапные меры экономического характера для достижения ЦУР. Ключевые звенья устойчивого развития экономики – создание высокопроизводительных рабочих мест, обеспечение эффективной занятости, рост производительности труда и, как следствие, заработной платы. Именно работа в этом направлении является приоритетной.

Очевидно, что достижение ЦУР невозможно без частных инвестиций. Необходимо привлекать бизнес к развитию инфраструктуры (социальной, транспортно-логистической и иной) для устойчивого и сбалансированного экономического роста.

Основа реализации этой целевой задачи видится в развитии института государственно-частного

партнерства, который является своего рода альянсом государства и бизнеса, созданным в целях реализации общественно значимых проектов в приоритетных отраслях экономики.

Межведомственная рабочая группа по экологии. Экологическая оценка качества жизни населения – важнейший аспект устойчивого развития, поэтому при определении общей политики достижения ЦУР важно учитывать существующие неразрывные связи целей, а также наличие экологической составляющей практически в каждой из них.

Для разработки эффективной государственной политики в этой сфере необходимо оценивать состояние природных ресурсов, биологическое разнообразие, прогнозировать различные природные явления и процессы. Все это можно осуществлять только при постоянном мониторинге экологической ситуации.

За последние годы в стране многое сделано и для развития экологической грамотности. Снижение антропогенной нагрузки на природу происходит в условиях положительной динамики экономического роста, и это прежде всего связано со значительным повышением эффективности реализации природоохранных мероприятий. У Беларуси хороший стартовый капитал.

Республика Беларусь поступательно движется по пути «зеленого» роста, развития новых экологически безопасных отраслей и налаживания процессов непрерывного и постоянного усовершенствования, обеспечивающего получение дополнительных экологических, экономических и социальных выигрышей (сокращение выброса парниковых газов и снижение уровня загрязнения окружающей среды, создание новых рабочих мест и инновационных видов продукции). Эффективность использования природных ресурсов становится важнейшим приоритетом при формировании государственной экономической политики.

Беларусь рассматривает ЦУР в экологической сфере как целевой ориентир дальнейшего развития страны.

Межведомственная рабочая группа по социальной политике. Беларусь находится на достаточно высокой стартовой позиции в плане реализации ЦУР в социальной сфере. Это касается прежде всего цели 1 «Ликвидации нищеты», которая традиционно служит ориентиром проводимой социальной политики, направленной на повышение уровня доходов и обеспечение социальных гарантий для наиболее уязвимых слоев населения.

Сегодня инфраструктура социальной поддержки в Беларуси развивается на основе государственно-частного партнерства. Внедряются новые виды социальных услуг, в том числе для пожилых граждан и людей с инвалидностью. Речь идет о социальном патронаже, сопровождаемом проживании, социальной передышке и других услугах.

Достаточно мощная социально-экономическая база имеется и для достижения ЦУР в области охраны здоровья. Ставятся новые задачи по повышению качества и доступности медицинской помощи, усилению профилактики, пропаганде здорового образа жизни.

Стратегическим приоритетом Республики Беларусь является инновационное развитие, способствующее ее вхождению в число стран с высоким качеством жизни и современной конкурентоспособной экономикой. Поэтому обеспечение доступного и качественного образования для граждан является одним из важнейших направлений развития современного белорусского государства. Образование имеет определяющее значение для всех ЦУР, выступая одной из предпосылок их достижения и важнейшим инструментом эффективного управления и обоснованного принятия решений.

Комплексная поддержка образовательных инициатив в интересах устойчивого развития сегодня уже реализуется в рамках деятельности ассоциации «Образование для устойчивого развития» на базе Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка. Основные цели ассоциации – содействие формированию интеллектуального потенциала страны, укрепление экологической целостности, экономической устойчивости и социального развития, проведение исследований в области образования для устойчивого развития всех поколений.

В сфере занятости населения большое внимание также уделяется трудоустройству граждан, которые не имеют конкурентных преимуществ на рынке труда (молодежь в возрасте до 21 года, дети-сироты, инвалиды). Таким категориям граждан государство дает дополнительные гарантии занятости.

Многие задачи, направленные на достижение ЦУР, уже содержатся в государственных программах, реализуемых до 2020 г., а также в иных программных документах. Но необходимо довести эту работу до конца, и, безусловно, все задачи, стоящие перед республикой по достижению ЦУР, должны найти отражение в государственных программах на предстоящий период.

В связи с этим мы говорим о том, что предстоит работа по имплементации еще неохваченных задач, определенных ЦУР, в национальное законодательство.

Межведомственная рабочая группа по мониторингу и оценке достижения ЦУР. Важным моментом в работе по реализации ЦУР является обеспечение производства данных и мониторинга показателей достижения ЦУР, а также внедрение соответствующих показателей в стратегические документы развития государства.

В качестве значимого шага по национализации ЦУР можно рассматривать подготовку Национальным статистическим комитетом Республики

Беларусь (Белстат) дорожной карты по разработке статистики достижения ЦУР. В документе структурированно содержится информация об источниках данных для мониторинга достижения ЦУР, производителях и поставщиках информации, механизмах представления отчетности по показателям, уровнях дезагрегации и сроках представления данных.

Белстатом также сформирован национальный перечень показателей для мониторинга достижения ЦУР. В настоящее время он содержит 255 показателей, признанных актуальными для Республики Беларусь. Из них 131 показатель соответствует глобальному перечню ЦУР, 94 показателя заменены или дополнены прокси-показателями. Производителями данных по показателям ЦУР определены 26 государственных органов и организаций, ключевым – Белстат (101 показатель).

Два указанных инструмента легли в основу национальной платформы по представлению отчетности по ЦУР, которая обеспечивает сбор данных, их контроль (логический, арифметический), хранение и защиту информации, распространение данных и метаданных.

Первый Национальный форум по устойчивому развитию

Детальное обсуждение концепции Национальной стратегии состоялось на первом Национальном форуме по устойчивому развитию, который проходил в Минске 24 января 2019 г.

Формирование общественного сознания, ориентированного на устойчивое развитие, – длительный, но необходимый процесс. Гражданское общество и субъекты бизнеса должны иметь информацию не только о ЦУР в целом, но и о том, как каждый субъект может поддержать прогресс развития своей страны, поэтому дальнейшая деятельность должна быть направлена на информирование населения об устойчивом развитии и проводимой в стране работе по достижению ЦУР.

Повесткой-2030 государствам рекомендовано проводить трехуровневый анализ прогресса достижения ЦУР: глобальный, региональный и национальный. Наша страна придерживается данной траектории. На международном – глобальном – уровне Беларусь в числе первых стран региона представила добровольный обзор хода выполнения Повестки-2030 на политическом форуме ООН по устойчивому развитию в Нью-Йорке в июле 2017 г. Доклад получил положительные оценки международных партнеров, а его представление позволило уже на первом этапе заявить об активной роли Беларуси в процессе достижения ЦУР.

В региональном аспекте Беларусь, как член Евразийского экономического союза, принимала участие в представлении доклада ЕАЭС по устойчивому развитию в штаб-квартире ООН, а год назад страна

Помимо работы над мониторингом показателей важным условием успешного продвижения к достижению ЦУР является их встраивание в национальные стратегические документы по вопросам развития. Уже сегодня разработка таких документов осуществляется с учетом положений Повестки-2030, важно сохранять и развивать эту тенденцию. Ключевым направлением работы по национализации ЦУР в 2019 г. должна стать их имплементация в концепцию Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г.

Национальная стратегия включает в себя задачи устойчивого развития в сферах экономики и экологии, инвестиций и инноваций, а также задачи укрепления здоровья нации и достижения высокого качества жизни (за счет развития потенциала каждого человека), создания производительных рабочих мест, обеспечивающих стабильную занятость и высокие доходы на основе цифровизации экономики, поощрения образования на протяжении всей жизни, повсеместного внедрения «зеленых» технологий при сохранении природного капитала и экологически безопасной среды проживания для современных и будущих поколений.

сама организовала масштабное мероприятие – Региональный форум национальных координаторов, посвященный построению партнерства стран и организаций, вовлеченных в непосредственную работу по достижению ЦУР.

В работе форума приняли участие первый заместитель Генерального секретаря ООН А. Мохаммед, представители международных организаций и представители 40 стран региона. На форуме страны обменялись опытом, передовыми практиками по выполнению Повестки-2030. Обсуждение позволило лучше понять общие проблемы и трудности на пути реализации ЦУР, рассмотреть стратегические, институциональные и практические меры по преодолению препятствий.

Участниками форума была одобрена инициатива Беларуси по созданию партнерской сети национальных координаторов по достижению ЦУР. Контакты по линии сети координаторов предоставят возможность перенимать опыт других стран, находить оптимальные решения возникающих вопросов, стимулировать региональное сотрудничество и ускорить глобальный прогресс в достижении ЦУР.

На национальном уровне анализ прогресса достижения ЦУР проведен на первом Национальном форуме по устойчивому развитию. Также на форуме были определены приоритеты в развитии нашей страны в ближайшем будущем.

Достижение ЦУР является амбициозной задачей, которую государства не способны осилить

в одиночку, мобилизуя лишь внутренние ресурсы. Сегодня наша страна нацелена на то, чтобы расширять контакты в мировом сообществе, перенимать передовой опыт, который будет работать во благо общества и государства.

По мнению международных экспертов, сегодня Беларусь находится на лидирующих позициях в вопросах устойчивого развития. Так, в рейтинге «Индекс достижения глобальных Целей устойчивого развития за 2018 год» наша страна занимает 23-е место. Этот индекс рассчитывается для 156 стран

мира на основе 100 показателей, связанных с выполнением ЦУР. Беларусь набрала 76 баллов из 100 и в целом получила оценку выше средней по региону Восточной Европы и Центральной Азии.

Все это свидетельствует о том, что проводимая работа дает результаты. Но Беларусь только в начале пути, и нам еще многое предстоит сделать для того, чтобы обеспечить устойчивое развитие страны. Поэтому не случайно девиз первого Национального форума по устойчивому развитию: «В устойчивое будущее – вместе!»

Библиографические ссылки

1. Степин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–11.
2. Антонович ИИ, Данилов АН. *Геополитика в эпоху нестабильности*. Минск: Белорусская наука; 2018. 383 с.
3. Водопьянов ПА, Крисаченко ВС. *Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку*. Минск: Белорусская наука; 2018. 306 с.
4. Моисеев НН. *С мыслями о будущем России*. Москва: Фонд содействия развитию социальных и политических наук; 1997. 210 с.

References

1. Stepin VS. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:6–11. Russian.
2. Antonovich II, Danilov AN. *Geopolitika v epokhu nestabil'nosti* [Geopolitics in an era of instability]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2018. 383 p. Russian.
3. Vodopyanov PA, Krisachenko VS. *Strategiya bytiya chelovechestva: ot apokaliptiki k noosfernomu veku* [The strategy of human existence: from the apocalyptic to the noospheric age]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2018. 306 p. Russian.
4. Moiseev NN. *S myslyami o budushchem Rossii* [With thoughts about the future of Russia]. Moscow: Fond sodeistviya razvitiyu sotsial'nykh i politicheskikh nauk; 1997. 210 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2018.
Received by editorial board 27.01.2018.

УДК 316.422

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Г. П. КОРШУНОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлен вариант осмысления проблем и перспектив изучения процессов, связанных с ростом темпов научно-технического прогресса и внедрением информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни: в экономику и политику, в социальную и культурную сферы.

Ключевые слова: цифровизация; информационно-коммуникационные технологии; экономика; культура; политика; социальная сфера.

DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY – PROBLEMS AND PROSPECTS OF SOCIOLOGICAL STUDY

G. P. KORSHUNOV^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article presents a variant of problem and perspective research of processes related to the development of scientific and technical progress and the introduction of information and communication technologies in all spheres of life: in economics and politics, in social and cultural spheres.

Key words: digitalization; information and communication technologies; economics; culture; politics; social sphere.

Понимание вектора технологических и, как следствие, социальных изменений будет иметь решающее значение для того, чтобы оставаться в курсе событий и не остаться в истории. Своевременный анализ этих изменений поможет лучше адаптироваться к новому миру.

Б. Мейерсон, председатель совета
Всемирного экономического форума

Мы живем в интересную эпоху, когда многочисленные технологические инновации принципиально меняют стиль жизни простого человека вот уже несколько раз подряд в течение жизни всего одного поколения. В детстве наших бабушек чудом были граммофон и радио, а родителей – телефон и телевизор. Для нас чудом стали видеомагнитофо-

ны и компьютеры. Изначально компьютеры были большие и дорогие, а потом начали уменьшаться, дешеветь и вошли практически в каждый дом. Со временем они уменьшились и подешевели настолько, что добрались почти до каждого отдельно взятого человека. А ведь еще были пейджеры, которые, казалось, полностью перевернули при-

Образец цитирования:

Коршунов Г.П. Цифровая трансформация общества – проблемы и перспективы социологического изучения. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;1:12–22.

For citation:

Korshunov GP. Digital transformation of society – problems and prospects of sociological study. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:12–22. Russian.

Автор:

Геннадий Петрович Коршунов – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Author:

Gennady P. Korshunov, PhD (sociology), docent; director. korshunov@socio.bas-net.by

вычное представление о средствах дистанционной коммуникации людей. Но пейджеры исчезли быстрее, чем появились, им на смену пришли первые мобильные телефоны – произошла очередная маленькая революция.

Первые мобильные телефоны тоже были большими и дорогими, как и первые компьютеры. Только уменьшали свою цену и размеры они быстрее. Впрочем, эпоха мобильных была недолгой, так как сравнительно скоро появились «умные» мобильники – смартфоны. Произошла очередная революция – смартфоны почти сразу превратились из простого средства связи в полифункциональные устройства, которые позволяют человеку контактировать со всем миром и контролировать свое окружение. Но еще больше они контролируют самого человека.

Телефоны, компьютеры, смартфоны – это элементы наиболее явной, но далеко не единственной составляющей современного общества, которые формируют его контуры (общество шестого уклада, радикального модерна, постиндустриальное, информационное, постфордистское общество и т. д.). Безусловно, это не единственная составляющая, но принципиальная. Она не только очень наглядно воплощает в себе весь комплекс информационно-коммуникационных технологий, но и предельно доходчиво демонстрирует скорость и направление развития тех процессов, которые принято фиксировать с помощью таких категорий, как *информатизация, цифровизация, дигитализация*.

С экономической или даже технократической точки зрения все эти категории являются попытками концептуализировать темпы научно-технического развития человечества и направления в прогнозировании данного процесса. Это – варианты осмысления перехода от анализа динамики традиционных отраслей народного хозяйства к сквозным, системообразующим технологическим комплексам. Ученые-прогносты сходятся во мнении о том, что сегодня такие комплексы делятся:

- на информационно-коммуникационные;
- индустриальные;
- социально-гуманитарные (или когнитивные) [1].

Именно их целостное воздействие на научно-технический и хозяйственный уклад современного общества вызывает кардинальную трансформацию как традиционных отраслей экономики, так и всех сфер повседневной жизни простого человека [2].

ИТ становятся основанием, фактором трансформации во всех сферах, начиная с производства и управления и заканчивая медициной и сельским хозяйством (рис. 1).

Массовое дешевое производство RFID-чипов и сенсоров, эволюция высокоскоростной беспроводной связи, появление облачных хранилищ данных, развитие мехатроники и робототехники в комплексе с беспилотными системами превращают промышленный комплекс в нечто совершенно новое, носящее названия *умные фабрики и индустрия 4.0*.

Миниатюризация и удешевление микропроцессоров, развитие композитных материалов и материалов с заданными свойствами, распространение идей смарт-энергетики и новые типы аккумуляторов, появление электромобилей, развитие беспилотного транспорта, динамическая разметка и полосы индуктивной зарядки объединяют транспорт и дорожное строительство в платформу *умные дороги* или *умный транспорт*.

Революция в производстве и использовании биодатчиков, развитие систем удаленного мониторинга и облачных хранилищ, совершенствование криптографических, аддитивных и биогенетических технологий со временем изменяют здравоохранение в сторону *прецизионной медицины*.

Таким же образом трансформируются и сельскохозяйственная отрасль (технологии *точного земледелия*), строительство (*интеллектуальные здания, умный город, цифровая территория*), топливно-энергетический комплекс (*смарт-энергетика*) и даже политика (*электронное правительство*). Подробно можно расписать практически каждую традиционную сферу хозяйствования [3].

Действительно, миниатюризация и удешевление коммуницирующих устройств¹, наращивание мощностей вычислительных машин, глобализация интернета и эволюция поколений беспроводной связи – все это вместе с достижениями в областях наноисследований и биотехнологий в очередной раз ставит человечество перед проблемами трансформации системы культурно-философских универсалий в целом и традиционных взаимоотношений в сферах общественного бытия в частности.

Еще во второй половине XX в. классики постмодерна отмечали тенденцию к глобальной делимитизации – девальвации различных разграничений: от пространственных и временных до возрастных и гендерных. Сегодня мы живем в мире, где уже проблемно провести границы между домом и рабочим местом (*фриланс*), между семьей и сожительством (*гражданское партнерство*), образованием и самообразованием (*непрерывное образование или lifelong learning*), мужским и женским (*гомо- и транс-сексуальность*), частным и публичным (*социальные сети*), собственностью и использованием (*шеринговые практики*), телом и конструктором (*транс- и постгу-*

¹Эксперты Всемирного экономического форума предполагают, что к 2020 г. количество устройств, подключенных к интернету вещей, достигнет 30 млрд. При этом *наносенсоры* будут находиться абсолютно во всем, начиная с человеческого тела и заканчивая стенами и мебелью. Они будут активно использоваться в промышленности, архитектуре, сельском хозяйстве, фармацевтике и многих других областях [4].

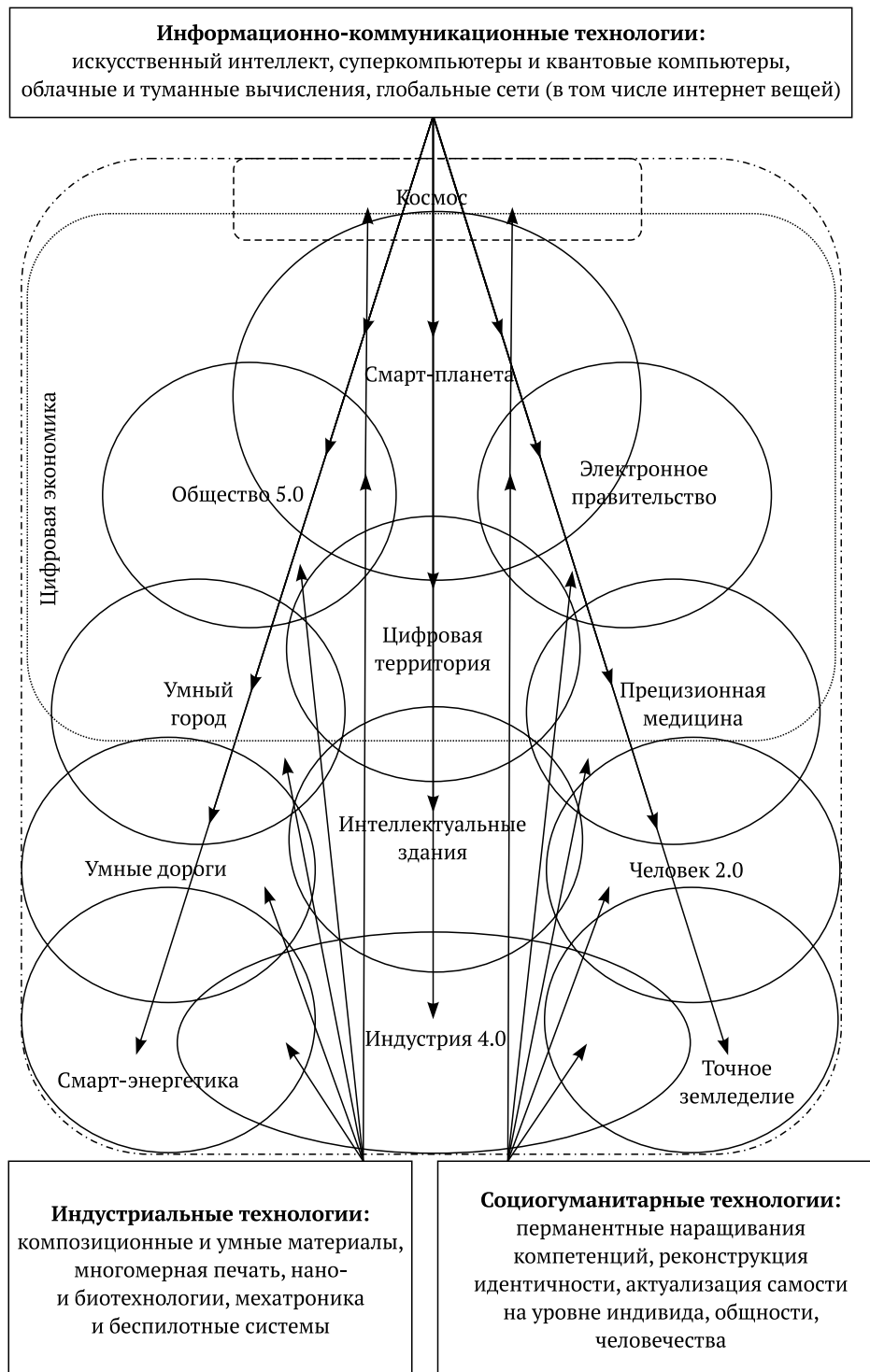

Рис. 1. Обобщенная схема смарт-платформ

Fig. 1. A general scheme of smart platforms

анизм), интеллектом и машиной (*искусственный интеллект*), фактами и репрезентацией (*постправда*), в конце концов между целыми пластами реальности (*натурально-природная* и *компьютерно-виртуальная реальность*).

Все это приводит к нивелированию традиционных критериев внутренней диверсификации системы, к девальвации существующих систем ценно-

стей и потере доверия к действующим социальным институтам. С точки зрения теории систем такие процессы рано или поздно приводят к снижению размерности системы, к ее уплощению и упрощению, а в результате – к снижению ее способности противостоять внешним вызовам и угрозам, в том числе со стороны пусть и менее масштабных, но более организованных систем.

С другой стороны, разворачивающаяся на наших глазах очередная научно-техническая революция продуцирует в том числе и новые критерии переформатирования социального (общественного) бытия. В частности, в рамках анализа неравенства и стратификации на место пола, расы, национальности, уровня образования становятся персональные качества человека и его компетенции², часто прямо не связанные с дисциплинами (физикой, математикой, медициной и т. д.), но развивающиеся на их стыках и пересечениях.

Уже сейчас одним из главных факторов социальной мобильности является *цифровая грамотность* (*digital literacy*) человека – своеобразный индикатор его компетентности в информационно-коммуникационной сфере.

В сетевом пространстве человек находится в поле гипертекста с возможностями мгновенного перехода с одного ресурса на другой. Это формирует новые образцы поведения, приемы поиска информации, особенности общения, что приводит к формированию сетевого мышления, основная черта которого – высокая степень информационно-коммуникационной активности. Цифровая грамотность включает в себя ряд позиций, в том числе *медиа-грамотность* как умение оперировать различными семиотическими системами; *информационная грамотность* – навыки поиска нужной информации и инструментов работы с ней, умение быстро освоить эти инструменты; *коммуникативная компетентность* – практическая возможность дистанционно общаться с другими пользователями, в том числе путем создания профилей в социальных сетях и на иных интернет-платформах; *креативная компетентность* – способность производить информацию (оригинальный контент) в ее разнообразных формах и форматах с размещением в интернете [5].

Эти вызовы и тенденции нужно учитывать при планировании развития в первую очередь системы образования. Сегодня и школьное, и профессионально-техническое, и вузовское образование крайне консервативное и традиционное: оно по-прежнему ориентировано на индустриальное общество, где алгоритмы стандартизированы и предзаданы, что в корне противоречит логике инновационной экономики, электронного общества и всей цифровой современности. Динамика общественного развития со всей наглядностью демонстрирует, что нужен поворот от усвоения знания к его производству, перенос акцентов от знания к познанию, если угод-

но, – разворот от дисциплинарной эпистемологии к прикладной гносеологии.

Фактически вслед за разворачивающейся кастомизацией производства нужно говорить о диверсификации, *кастомизации образования*, о создании не одной универсальной системы обучения человека в возрасте от 3 (6) лет до окончания университета, а о мобильном и модульном подходе к развитию человека на протяжении всей жизни. Управленческое воздействие в данном случае должно быть сконцентрировано не на утверждении конкретных программ и содержаний, а на создании комплексных условий для стимулирования научно-методического поиска и становления локальных, индивидуализированных систем образования и самообразования – дистанционного образования, онлайн-образования, краудобразования³ и т. д.

С течением времени новые компетенции (в том числе и цифровая грамотность) будут только наращивать свою значимость, становиться залогом успешности как на бытовом уровне, так и в профессиональной деятельности: эксперты Всемирного экономического форума в отчете *The Future of the Jobs 2018* прогнозируют, что уже через четыре года 75 млн существующих сегодня в экономике рабочих мест перестанут соответствовать современным запросам и будут упразднены [6].

В число профессий, которые в ближайшее время могут быть заменены искусственным интеллектом и роботами, входят: оператор по вводу информации, бухгалтер, менеджер по работе с клиентами, администратор, аудитор, а также профессии, связанные с физическим трудом (прежде всего рабочие фабрик и заводов) и др.⁴ Конечно, эти профессии не исчезнут полностью, количество их представителей в организациях существенно сократится: части работников придется искать себе новое место работы, а оставшиеся будут вынуждены спешно наращивать свою квалификацию в профессиональной и смежных сферах.

Например, вместо 5–7 бухгалтеров будет работать один специалист, который с помощью соответствующего программного обеспечения сможет осуществлять бухгалтерское обслуживание всей компании. Персонал кол-центров с десятками и сотнями операторов (например, в банке или сервисном центре транснациональной компании) уменьшится до считанного количества специалистов, которые разбираются в действительно сложных вопросах клиентов, потому что на большинство стандартных вопросов

²Так называемые *soft skills*, связанные с критическим мышлением, с креативностью, с умением управлять конфликтами и работать в команде, где силен синергетический эффект от кооперации различных компетенций.

³Краудобразование – коллективное сотрудничество детей и родителей с целью добровольно объединить ресурсы (временные, организационные, интеллектуальные и др.) для создания возможности получить дополнительное образование путем подготовки курсов, тренингов, занятий по интересам.

⁴Конечно, на смену «старым» специальностям придут новые, и, вероятно, количество рабочих мест превысит число исчезнувших. По крайней мере, прогноз Всемирного экономического форума 2018 именно такой: к 2022 г. 75 млн рабочих мест будут заменены в результате новой научно-технической революции, которая создаст 133 млн новых мест [6].

отвечают автоответчики⁵ (или боты на онлайн-площадках). Американская ассоциация дальнобойщиков (АТА), члены которой вносят весьма высокий вклад в экономику США (особенно небольших городов), крайне обеспокоена ближайшими перспективами замены профессиональных водителей автопилотами и роботами. К этому ведут и развитие геонавигационных систем, и распространение дешевых датчиков разного профиля, и стремительная эволюция беспроводной связи. Что наиболее значимо – это безопаснее и экономически выгоднее. Автопилоты не употребляют алкоголь или наркотики, не устают и не засыпают за рулем, не разговаривают по телефону и не требуют зарплату!

Прогнозы различных компаний указывают на «окно» в 10 лет (с 2020 по 2030 г.), в течение которого появятся серийные полностью автономные грузовые и легковые автомобили, а «традиционные» начнут стремительно исчезать. Вместе с ними кардинальные изменения претерпит и вся система, связанная с автомобилями: заправки, мойки, автосервисы.

Развитие интернета, компьютерных платформ и социальных сетей порождает совсем новые формы социально-экономических отношений – прежде всего практики *шеринг-экономики* или *распределенной экономики*, которые апплицируются на автомобильный мир в виде появления компаний типа *Uber Technologies Inc.* или *BlaBlaCar*, сервисов *каршеринга*, *байкшеринга* и пр. В первом случае мы имеем дело с системами, позволяющими потенциальным пассажирам пользоваться услугами водителей с личным автомобилем (либо централизованно, с помощью некой компании, например *Uber*, либо просто найдя случайного попутчика, который едет в нужном направлении), во втором – с системой, позволяющей арендовать транспортное средство (чаще всего автомобиль или велосипед) для временного самостоятельного использования. Развитие подобных практик существенно снижает востребованность целого ряда профессий и рынков, связанных с автомобилями (парковками, прокатами, страхованием, кредитованием и т. д.).

Кардинальные изменения ждут и сферу здравоохранения. Достижения науки XX в. уже подарили нам увеличение продолжительности жизни (а вместе с этим и проблемы демографического старения), а XXI век с развитием генетических исследований и появлением миниатюрных *датчиков здоровья* вообще открывает новую эпоху: от диагностики и лечения болезней отдельных органов и тканей врачи переходят к системной работе со здоровьем человека, от амбулаторной системы здравоохранения – к превентивной медицине. Расшифровка индивидуального генетического кода и внедрение

персональной («носимой») электроники закладывают основы формирования индивидуализированной, прецизионной медицины, которой будут заниматься информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ), искусственный интеллект и роботы. Что в таких условиях будет происходить с системой медицинского образования и работающим в клиниках персоналом – большой вопрос.

Планирование динамики роста рынка труда в условиях нарастающей цифровизации является одним из важнейших направлений в анализе происходящих социально-экономических трансформаций и в прогнозировании будущего. Это актуальные вопросы технологической безработицы и перспективных стратегий развития систем образования, которые обсуждаются на всех уровнях: от Международного экономического форума до локальных государственных инициатив. В качестве примера государственной инициативы можно привести «Атлас новых профессий», где собрана информация о тех профессиях, которые исчезнут и, наоборот, появятся в ближайшие 10–15 лет (разработан совместно с Московской школой управления «Сколково» и Агентством стратегических инициатив) [7].

Цифровая эволюция, развитие социальных сетей и системы электронных платежей трансформируют рынок труда не только с точки зрения профессий. Эти феномены и процессы заставляют по-новому концептуализировать очень многие аспекты экономической, социальной, правовой сфер. Так, в частности, требуют осмысления границы между профессией и хобби, вопросы взаимоотношений работодателя и работника, формирования рабочих коллективов и многое другое.

Актуальный пример – *фриланс* как практика обычно внештатной работы на удаленной основе. В массовом сознании такая форма занятости чаще всего связывается с работой программистов, но анализ даже в самом первом приближении показывает, что фриланс распространен среди журналистов и фотографов, юристов и адвокатов, архитекторов и дизайнеров, копирайтеров и переводчиков. Прогнозы говорят о том, что через 5–7 лет при современных темпах роста фрилансеры в США могут составить до 40 % рабочей силы [8]. Между тем работа в режиме «независимый подрядчик» (фриланс) во многих странах еще находится в «серой зоне» и слабо регулируется законодательством, что порождает множество проблем как для самих фрилансеров (социальная незащищенность), так и для экономики в целом (недополученные налоги).

Интересно, что если фриланс еще как-то укладывается в парадигму дигитальной трансформации социально-экономических практик индустриального общества, то ряд практик можно интерпретировать

⁵В связи с этим на Филиппинах, где с 2000 г. было создано более одного миллиона рабочих мест в кол-центрах многих транснациональных компаний, начинают разрабатывать программы по переобучению работников.

как новый цифровой виток, характерный, скорее, традиционному, а не индустриальному обществу.

Речь идет о зарождающихся и развивающихся практиках *краудэкономики*, основанной на системе децентрализованного распределения или концентрации труда и материальных благ. Наиболее известными практиками такого рода являются *краудсорсинг* и *краудфандинг*. Первая из них представляет собой мобилизацию (обычно с помощью интернета) свободных ресурсов – денег, труда, знаний, опыта и прочего – большого количества людей для творческого решения любого вида проблем и задач, стоящих как перед бизнесом, так и перед государством и обществом в целом. Краудфандинг можно рассматривать как подвид краудсорсинга – способа финансирования проектов, с помощью которого потенциальные покупатели, поклонники или единомышленники напрямую переводят деньги авторам идеи. Самые популярные мировые интернет-площадки для краудфандинга – *Kickstarter* и *Indiegogo*. В Беларуси платформами подобного рода являются «Улей» (*ulej.by*) и «Талака» (*talaka.org*). Последнее название, отсылая к культурно-историческому прошлому Беларуси, прекрасно отражает суть этих практик – совместное решение некоторого вопроса или проблемы путем инициативного добровольного объединения усилий отдельно взятых граждан.

Относительно перспектив развития и возможностей использования краудфандинговых платформ существуют разные мнения. Пожалуй, самое оптимистичное высказал в свое время президент и председатель правления Сбербанка России Г. Греф в интервью газете «Ведомости»: «Сегодня стало очевидным, что прорыв в области эффективности и качества работы государства возможен, если вовлекать в работу энергию, активность, интеллект наших неравнодушных граждан. <...> Для того чтобы институты государства всех уровней совместно со всеми неравнодушными гражданами работали эффективно и продуктивно, необходимо выполнить два условия. Во-первых, нужна политическая воля. Во-вторых, нужны современные, высокотехнологичные системы. Их использование уже возможно на основе интернета. <...> В последние годы возник новый класс инновационных сетевых систем, объединенных названием “краудсорсинг”. Это слово обозначает новейший подход к методологии решения задач любой сложности и любого характера с использованием мудрости миллионов людей» [9].

Позицию Г. Грефа относительно варианта краудфандингового проекта государственного управле-

ния можно принимать или отвергать, но факт остается фактом: информационные технологии кардинально меняют и политическую сферу общества. Низовая самоорганизация общества на базе социальных сетей, особенно подкрепленная технологией распределенных реестров (*блокчейн*⁶), существенно преобразует модели политической активности во всем обществе – от рядового гражданина до государства в целом. И происходит это прежде всего за счет устранения посредников – множества передаточных, промежуточных элементов бюрократического характера, находящихся между заинтересованными сторонами, в том числе между гражданином и государством. В качестве одного из примеров (скорее, даже весьма простого, нежели технологически прогрессивного) реализации такого проекта можно привести приложение «Активный гражданин»⁷, результаты работы которого использует правительство Москвы. Также примером может выступить недавно запущенное приложение «Яндекс. Район», которое представляет собой площадку для обмена актуальной информацией и обсуждения насущных проблем между жителями Минска на уровне дома, двора, микрорайона.

Появление подобных инициатив в определенном смысле закономерно и предсказуемо, однако они ставят на повестку дня не только технические или социальные проблемы, но и гораздо более широкие вопросы, в частности, вопросы информационной безопасности. Платформа «Яндекс.Район» является феноменом, который напрямую затрагивает сферу информационной безопасности на государственном уровне: иностранная интернет-платформа получает потенциальную возможность агрегировать и анализировать информацию о проблемах городов непосредственно от самих белорусов. Следующий возможный шаг – кастомизированное воздействие на мнения жителей конкретных городских микрорайонов, например путем «вбрасывания» информационных поводов. Анализ массовых волнений начала XXI в. – от «арабской весны» до движения «желтых жилетов» и целого ряда других событий – со всей наглядностью демонстрирует возможности социальных сетей не только по самоорганизации общества, но и по использованию этих возможностей в рамках разворачивания деструктивных движений. Это конкретное воплощение одного из рисков развития сетевого общества – высокая вероятность стороннего информационного воздействия на массовое сознание, дестабилизирующее политическую ситуацию в стране.

⁶Блокчейн часто путают с биткоином, который является лишь одним из вариантов использования технологии распределенных реестров. В целом же данная технология предполагает гораздо большее количество вариантов использования – от умных контрактов (*smart contract*), заключенных двумя любыми субъектами, до системы цифровых удостоверений личности (Эстония, Финляндия, Бразилия) и ведения государственных реестров (реализованы в Индии, планируются в Швеции, Украине и ОАЭ). Отдельная перспектива – прямое использование технологий распределенных реестров при принятии решений на государственном уровне (электоральные процессы) [10].

⁷Главная задача проекта – получение мнения горожан по актуальным вопросам, касающимся развития Москвы. Опросы проекта «Активный гражданин» делятся на три категории: общегородские, отраслевые и районные.

Проблемы информационной или кибербезопасности в информационном обществе сегодня действительно стоят очень остро. Во многом за счет того, что это совершенно новые вызовы общественному порядку, для ответа на которые еще не сформировалась система адекватных инструментов на государственном уровне. В повседневности, на уровне обыденных практик, культура поведения в виртуальной среде тоже находится, скорее, в зачаточном состоянии⁸. Это только одна сторона вопроса: мы не контролируем тот объем информации о себе, который выкладываем в интернет. Ведь, помимо активной воли пользователей, интернет самостоятельно собирает о нас такое количество информации (начиная от геолокации и заканчивая историей поиска в браузерах), каким мы сами не владеем. В итоге сегодня уже имеет место ситуация, которую аналитики описывают понятием *большие данные* (*Big Data*).

Да, с одной стороны, системный анализ больших данных с помощью *облачных вычислений, машинного обучения, искусственного интеллекта* позволяет выявлять закономерности, незаметные ограниченному человеческому восприятию. Это дает беспрецедентные возможности оптимизации всех сфер нашей жизни: государственного управления, медицины, телекоммуникаций, финансов, транспорта, производства и т. д. С другой стороны, кем и как будут использоваться большие данные – вопрос, который только усугубляет набивший оскомину спор между кибероптимистами и киберпессимистами: добро или зло несет интернет. Опыт использования Китаем киберресурсов⁹ для контроля социального порядка и поощрения социально одобряемого поведения только добавляет масла в огонь этих споров.

Хочется верить, что выбранная в Беларуси стратегия разворачивания цифровой экономики, информационного общества, *электронного правительства* и развития *IT*-страны в целом вберет в себя только самые лучшие элементы мирового опыта. Тем более что в стране есть существенные наработки в этом направлении: в системе НАН Беларуси ведутся передовые исследования развития нано-, биосферы и сферы *IT*, органами государственного управления принят пакет передовых нормативных

правовых актов, регулирующих развитие информационно-коммуникационной сферы страны¹⁰, создается инфраструктура электронного правительства (общегосударственная автоматизированная информационная система, система межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь, государственная система управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь и др.). Можно признать, что «в Беларуси созданы благоприятные условия для развития высоких технологий и их реализации в производственных структурах независимо от формы собственности» [11, с. 22].

Вместе с тем все это не отменяет, а, наоборот, усиливает ответственность исследователей-гуманитариев при прогнозировании социальных последствий разворачивания дигитальных процессов, при выявлении потенциальных точек роста для стимулирования опережающего развития страны в областях медицины и образования, на рынке труда и в сфере государственного управления, в аспектах планирования развития науки и анализа культурной сферы общества. Вместе с тем анализ мирового опыта и практики создания стратегических документов в Республике Беларусь со всей наглядностью демонстрирует тот факт, что прогнозирование и управление развитием информационно-коммуникационной сферы опирается в основном только на техническую сторону вопроса. Однако не вызывает никакого сомнения, что развитие и внедрение новых технологий оказывают непосредственное влияние на общество и культуру в целом. Цифровизация, с одной стороны, выступает объединяющим и интегрирующим началом, а с другой – вызывает еще большие разломы в обществе и порождает новые формы неравенства и сегрегации [12, с. 227].

Отдельно следует указать следующую позицию: в прогнозных и стратегических документах в рамках перспективного анализа дихотомии «риски/перспективы» акцент в основном делается лишь на вопросах кибербезопасности. Нисколько не умаляя значимости этой позиции, следует отметить наличие и других направлений, которые в стратегической перспективе способны породить множество

⁸Социальные сети переполнены частной информацией, которую мы добровольно выкладываем. Не читая пользовательские соглашения, мы даем согласие на сбор практически всей информации, которую создаем или используем с помощью смартфонов. Мы еще не научились вычленивать содержание в потоке спама и не выстроили систему противодействия безумному включению в онлайн-игры.

⁹В частности, проект «Золотой щит» или «Великий китайский файрвол» – система фильтрации содержимого интернета в Китайской Народной Республике, или пока пилотное внедрение практики формирования социального капитала, детерминирующего доступ граждан к разного рода благам в зависимости от их законопослушности и правильности поведения в интернете.

¹⁰Начиная со Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2020 гг., утвержденной на заседании Президиума Совета министров от 03.11.2015 № 26, и постановления Совета министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235 «Об утверждении государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» и заканчивая Декретом Президента Республики Беларусь № 8 от 21.12.2017 «О развитии цифровой экономики», направленным на развитие Парка высоких технологий и инновационной сферы, на построение современной цифровой экономики в Республике Беларусь.

вызовов самого различного свойства – от психологических до политических. А с наращиванием темпов развития сферы ИКТ рисков будет все больше. Это, однако, вовсе не значит, что необходимо искусственно ограничивать развитие ИКТ. Здесь речь должна идти о формировании новой методологии исследования и прогнозирования развития сферы ИКТ, ориентированной прежде всего на выявление перспективных точек роста и на детальное изучение возможных рисков прогнозируемого явления. Причем не только рисков криминального характера, но и всего комплекса возможных негативных последствий: социально-психологических, социальных, социокультурных, социально-экономических и социально-политических.

Все это приводит нас к мысли о необходимости разработать новую модель изучения воздействия ИКТ на общество, где дихотомия «перспективы/риски» должна быть основной методологической рамкой исследования ИКТ вообще и изучения социальных последствий их развития в частности.

Объектом исследования в таком случае может быть комплекс взаимосвязанных, взаимопроникаемых и взаимообусловленных элементов, главными из которых являются:

- сфера производства;
- управления;
- повседневности;
- ИКТ, в частности интернет-среда.

Именно последний элемент является базой, инфраструктурным основанием, которое не только связывает все традиционные сферы между собой и является фактором их цифровой трансформации, но и выступает в качестве эмерджентной составляющей новой, только зарождающейся системы всех социальных (социально-экономических, социально-политических и социокультурных) отношений.

В предлагаемой логике предметом исследования становятся социальные процессы, вызванные к жизни разворачивающейся и набирающей обороты дигитализацией. Естественно, в каждой конкретной сфере общественного бытия эти процессы будут иметь свою специфику, требующую особого осмысления гуманитария-социолога (рис. 2).

На первом месте должен стоять анализ трендов, тенденций развития самой сферы ИКТ, и прежде всего – интернет-среды. Изучение прогнозов развития этой предметной области создаст историко-методологический фундамент для анализа и перспективного предвидения особенностей развития всех остальных составляющих модели исследования социальных процессов в эпоху цифровизации.

Сфера производства, или промышленно-экономическая сфера. Подавляющее большинство аналитических материалов, посвященных этой предметной области, обычно фокусируются на двух моментах:

1) на трендах научного и научно-технологического развития;

2) экономических перспективах внедрения результатов научно-технической революции в производственную практику.

Внимание же ученых-социологов в данном случае должно быть сосредоточено на цифровой трансформации традиционных сфер экономики и на формировании новых производственно-экономических феноменов с точки зрения социальных последствий дигитализации: на появлении новых профессий и общей динамике рынка труда, на критически важных вопросах взаимодействия экономической отрасли и сферы образования, на новых формах производственно-экономического взаимодействия и развивающихся цифровых способах реализации производственной деятельности.

Сфера управления. Политологически ориентированные футурологи спорят о степени влияния интернетизации общества на процессы демократизации политической жизни (спектр позиций крайне широк: от идеалистических воззрений в духе возвращения эры прямой демократии до становления интернета как нового инструмента контроля всех сфер жизни каждого отдельно взятого гражданина). Социолог же должен анализировать практику и перспективы развития систем электронного государственного управления, регионального самоуправления и цифровой демократии, безусловно, принимая во внимание образцы международного опыта как с точки зрения примера для подражания, так и в аспекте учета чужих ошибок.

Сфера повседневности. В отличие от антропологического, культурологического, маркетингового и любых иных исследовательских подходов спецификой социологического изучения явлений и процессов на данном уровне должен стать последовательный анализ логической цепочки, представленной на рис. 3.

В данном случае имеется в виду следующее. Одним из факторов социальных трансформаций (причем не только на уровне повседневности) становятся знания, умения и навыки человека в деле использования новых технологий и прежде всего в информационно-коммуникационной сфере. Наиболее компетентные в этих областях социальные группы не только трансформируют традиционные модели поведения, но и порождают совершенно новые практики и даже их совокупности, стремительно приобретающие широкое распространение и утверждающие новые нормативно-ценностные комплексы прежде всего в зоне экономического поведения. Эти новые комплексы далеко не всегда представляется возможным встроить в существующие системы институтов.

Фактически новые технологии, порождая соответствующие «правила игры» в разных полях, про-

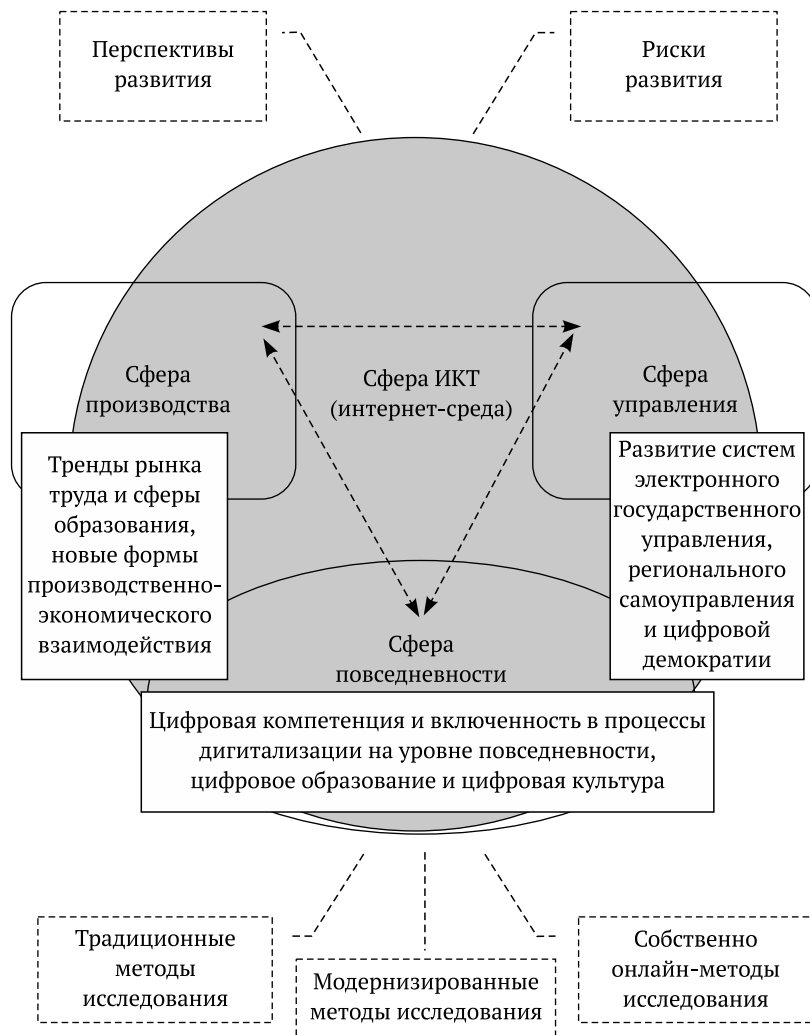

Рис. 2. Теоретическая модель исследования социальных процессов интернет-среды в эпоху цифровизации общества

Fig. 2. A theoretical model for the study of social processes of the Internet environment in the era of the digitalization of society

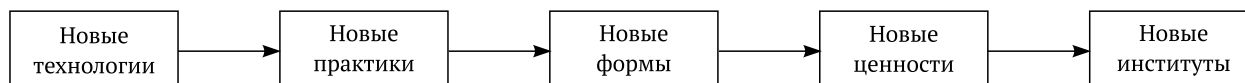

Рис. 3. Логический алгоритм изучения оснований трансформации социальных процессов на уровне повседневности в рамках цифровизации общества

Fig. 3. A logical algorithm for studying the basis of transformation of social processes at the level of everyday life within the framework of the digitalization of society

воцируют нас проводить ревизию существующей системы институтов.

Интересными примерами могут выступить уже упоминавшиеся парадигма распределенной экономики (или так называемые шеринговые практики), в пределе способная полностью изменить существующее понимание такой фундаментальной универсалии, как частная собственность и фриланс – прак-

тика удаленного проектного заработка, не только трансформирующая понятие «работа», но и в принципе размывающая границы между домом и офисом, рабочим и свободным временем.

Если говорить о методическом обеспечении модели, то оно предполагает использование полноценного комплекса исследовательского инструментария, который должен включать в себя:

1) традиционные методы получения первичной социологической информации, прежде всего опросные методы (анкетирование, интервью с представителями различных целевых групп и всего населения в целом) и анализ документов;

2) модернизированные традиционные методы – те методические вариации традиционных способов получения первичной социологической информации, которые возникли в результате цифровой эволюции: онлайн-опросы и онлайн-панели, видеоконференции для фокус-групп, контент-анализ содержания интернет-источников и т. д.;

3) собственно онлайн-методы – комплекс методик, возникших и развивающихся благодаря передовым цифровым технологиям: от изучения попу-

лярности конкретных интернет-площадок до методов анализа больших данных.

Представляется, что вышеизложенная модель на данном этапе развития социогуманитарного знания может стать основой для изучения трансформационной динамики социальных процессов в цифровом пространстве (прежде всего в интернет-среде) на существующей стадии разворачивания дигитальной революции в технике, экономике и обществе в целом. На ее базе можно не только изучать предметную область, но и строить прогнозы и выявлять наиболее перспективные области развития в полном соответствии с известным заветом О. Конта: «Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять».

Библиографические ссылки

1. Стратегия «Наука и технологии 2018–2040». Минск: Белорусская наука; 2017.
2. Шавель СА. Сферная парадигма в социальном знании и жизнеспособность общества. *Социологический альманах*. 2018;9:70–76.
3. Коршунов ГП. Смарт-платформы как идеология стратегического планирования научно-технической сферы. В: Гончаров ВВ, редактор. Система «наука-технологии-инновации»: методология, опыт, перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции; 26–27 октября 2017 г.; Минск, Беларусь. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; 2017. с. 102–105.
4. Top 10 Emerging Technologies of 2016 [Internet]. 2016 June [cited 2018 September 10]. Available from: http://www3.weforum.org/docs/GAC16_Top10_Emerging_Technologies_2016_report.pdf.
5. Paul G. *Digital literacy*. New York: John Wiley and Sons; 1997.
6. *The Future of the Jobs 2018* [Internet] [cited 2018 October 15]. Available from: http://reports.weforum.org/future-of-jobs-2018/?doing_wp_cron=1544100230.8416740894317626953125.
7. Атлас новых профессий [Интернет]. Каталог профессий [проецировано 27 октября 2018]. Доступно по: <http://atlas100.ru/catalog/>.
8. Thibodeaux W. *This Survey of 21,000 Freelancers From 170 Countries Shows What Having No Boss Is Like* [Internet] [cited 2018 October 27]. Available from: <https://www.inc.com/wanda-thibodeaux/this-survey-of-21000-freelancers-from-170-countries-shows-what-having-no-boss-is-like.html>.
9. Герман Греф: Эффективность российской власти и модернизация. *Ведомости* [Интернет]. 13 апреля 2012 [проецировано 16 октября 2018]. Доступно по: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/04/13/effektivnost_vlast.
10. Сморгун ЛВ. Блокчейн как институт процедурной справедливости. *Полис*. 2018;5:88–99. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.08.
11. Бабосов ЕМ. Контуры грядущего: цифровизация экономики и других сфер жизнедеятельности человека. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:11–23.
12. Лисченкова АА. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект. *Российский гуманитарный журнал*. 2018;7(3):217–222. DOI: 10.15643/libartrus-2018.3.4.
13. Черняк ЮГ. Риск как объект социологического анализа. *Социология*. 2005;4:83–88.

References

1. *Strategiya «Nauka i tekhnologii 2018–2040»* [Strategy «Science and Technology 2018–2040»]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2017. Russian.
2. Shavel SA. Sphere paradigm in social knowledge and the viability of society. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2018;9:70–76. Russian.
3. Korshunov GP. [Smart-platforms as an ideology of strategic planning of the scientific and technical sphere]. In: Goncharov VV, editor. *Sistema «nauka-tekhnologii-innovatsii»: metodologiya, opyt, perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [System «science-technology-innovation»: methodology, experience, prospects. Materials of International scientific-practical conference; 2017 October 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Center for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus; 2017. p. 102–105. Russian.
4. Top 10 Emerging Technologies of 2016 [Internet]. 2016 June [cited 2018 September 10]. Available from: http://www3.weforum.org/docs/GAC16_Top10_Emerging_Technologies_2016_report.pdf.
5. Paul G. *Digital literacy*. New York: John Wiley and Sons; 1997.
6. *The Future of the Jobs 2018* [Internet] [cited 2018 October 15]. Available from: http://reports.weforum.org/future-of-jobs-2018/?doing_wp_cron=1544100230.8416740894317626953125.
7. Atlas of emerging jobs [Internet] [cited 2018 October 27]. Available from: <http://atlas100.ru/catalog/>. Russian.

8. Thibodeaux W. *This Survey of 21,000 Freelancers From 170 Countries Shows What Having No Boss Is Like* [Internet] [cited 2018 October 16]. Available from: <https://www.inc.com/wanda-thibodeaux/this-survey-of-21000-freelancers-from-170-countries-shows-what-having-no-boss-is-like.html>.
9. [German Gref: Efficiency of the Russian government and modernization]. *Vedomosti* [Internet]. 2012 April 13 [cited 2018 October 16]. Available from: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/04/13/effektivnost_vlast. Russian.
10. Smorgunov LV. Blockchain as institution of procedural justice. *Policy*. 2018;5:88–99. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.08.
11. Babosov EM. The outlines of the future: digitalization of the economy and other spheres of human activity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:11–23. Russian.
12. Lischenkova AA. Challenges and opportunities of the digital age: the socio cultural aspect. *Liberal arts in Russia*. 2018;7(3):217–222. Russian.
13. Chernyak YuG. [Risk as an object of sociological analysis]. *Sociology*. 2005;4:83–88. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2019.
Received by editorial board 01.02.2019.

ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается диалектика социального института как развивающейся системы, в рамках которой осуществляется перманентное взаимодействие трех процессов: типизации форм практической деятельности; возникновения на основе типизаций в общественном сознании идеальных представлений-институций; формирования, обусловленного институциями, конкретной архитектоники формальных организационных форм существующего социума. Дано авторское определение социального института, институции и организации. На примерах из истории показана диалектика социального института при смене разных эпох.

Ключевые слова: социальный институт; организации; институции; диалектика; развитие; институциональные изменения; глобализация; типизация; хабитуализация; противоречие; материальное производство; производительные силы.

DIALECTICS OF SOCIAL INSTITUTE

V. E. SMIRNOV^a

^aInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, building 2, Minsk 220072, Belarus

The dialectic of social institute as a system in which the permanent interaction of forms of human practical activity is carried out is considered. The typification of these forms creates in the public consciousness ideal view that cause the certain structure of organizational forms of human activity. The author's definition of social institution, institution and organization is given in article. The dialectic of the social institute of different epochs is shown by the historical examples.

Key words: social institution; organizations; institutions; dialectics; development; institutional changes; globalization; typification; habitatisation; contradiction; material production; productive forces.

В последние годы с проблемой экспликации понятия «социальный институт» сложилась странная ситуация. Казалось бы, это понятие всеми социологами воспринимается как само собой разумеющееся, интуитивно понятное и повсеместно используемое. В то же время в его определениях и трактовках наблюдается решительный разнобой, это касается не только самого понятия социального института, но и других, связанных с ним, например институций, организаций и т. п. В связи с этим совершенно непонятно: является социальный институт определенной формой типичных взаимодействий индивидов или это идеальное пред-

ставление о должных формах взаимодействия? То же касается и соотношений между ними, смысла взаимосвязи. Но главное то, что при определении социального института не учитывается его процессуальный характер, тот факт, что социальные институты, имея объективные источники развития, эволюционируют, рождаются и умирают. Этот вопрос напрямую связан с проблемой социальных изменений, под которыми естественно понимать процесс появления, изменения и ликвидации социальных институтов. Ведь рассмотрение системы социальных институтов и организаций в их статике, их классификация есть деятельность не совсем

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Диалектика социального института. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;1:23–33.

For citation:

Smirnov VE. Dialectics of social institute. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:23–33. Russian.

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher. smirnoffv67@gmail.com

научная, вернее сказать, настолько же научная, насколько деятельность К. Линнея и Ж. Б. Ламарка в сравнении с научной деятельностью Ч. Дарвина. История науки показала, что познание становится научным в полном смысле слова тогда, когда начинает изучать свой объект в его становлении. Современное понимание состояния и развития любого объекта невозможно без выяснения, какие процессы привели к этому состоянию и почему реализовались именно в такой, а не иной форме. Поэтому социолог, когда задается проблемой социальных изменений, прежде всего должен определить их источник. В этом смысле встает вопрос: насколько прав П. Штомпка в своей фундаментальной работе, когда пытается излагать теорию социальных изменений исключительно описательно, обращая внимание только на то, как происходят социальные изменения, но по большому счету игнорируя вопрос: «Почему?».

Впрочем, научное любопытство – важная, но не главная причина, по которой та или иная тематика становится актуальной для общества. Проблема развития социальных институтов как основы социальных изменений есть проблема существования общества в динамике, ибо, как говорили древние римляне, *nihil semper suo statu manet* (ничто не остается навсегда в своем состоянии). Современный порядок, как бы он ни был хорош одним и плох другим, со временем уйдет в прошлое, и необходимо восторжествуют иные социальные формы организации социума. Чтобы объяснить, какими они будут, в каком направлении они будут развиваться и как этот процесс может происходить, необходимо выяснить: что именно станет источником социальных изменений. Собственно, в этом и состоит задача настоящей статьи: обнаружить и описать источники социальных изменений, т. е. источники и причины возникновения, изменения и отмирания социальных институтов.

Нужно сказать, что понятие социальных институтов в современном понимании существовало не всегда, а появилось вместе с рождением социологической науки. Основательно это понятие вошло в научный оборот уже в работах основоположников социологии О. Конта и Г. Спенсера. Впрочем, тогда они еще не употребляли термин «социальный институт» и рассуждали об «органах» (О. Конт), «регулирующих системах» или «центрах» (Г. Спенсер). Сам термин «социальный институт» впервые использовал К. Маркс. В работе «К критике гегелевской философии права» он заметил, что общественные институты, такие как семья или государство, есть социальные формы существования человека, а в письме П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. отмечал, что общественные институты являются продуктами исторического развития. Э. Дюркгейм понимал под социальными институтами все усто-

явшиеся, типичные отношения в обществе, а Т. Веблен рассуждал о них как об образцах поведения и привычках мышления. По его мнению, «...институтами являются привычные способы осуществления процесса действительной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество» [1, с. 202]. Согласно взглядам М. Мосса и П. Фоконне, под институтами подразумевается совокупность устойчивых способов деятельности и представлений, навязываемых индивидам обществом. Р. Миллс под социальными институтами понимал форму организации социальных ролей. Взгляды современных российских социологов, в частности С. С. Фролова, базируются на понимании социального института как своеобразной формы человеческой деятельности, основанной на четко разработанной идеологии, системе правил и норм, а также на развитом социальном контроле за их исполнением [2, с. 123].

При рассмотрении приводимых определений обращает на себя внимание то, что в них отсутствует четкое разделение организованных отношений людей и систем типизированных человеческих взаимодействий, с одной стороны, и представлений о должном в системах социальных взаимодействий, о должных способах удовлетворения социальных функций, с другой. Тот же Т. Веблен, рассуждая об институтах как образцах поведения и привычках мышления, четко не отделяет их от самого поведения как такового. Под социальным институтом понимаются и фактически существующие системы социальных взаимодействий вместе с людьми, осуществляющими эти взаимодействия, и представления об этих системах в их идеальной форме, о социальных ролях и системах статусов, составляющих эти системы. В данном контексте необходимо обратить внимание на понятие «институции», которое в определенной степени и в некоторых своих интерпретациях отражает данный феномен социальной реальности, но, к сожалению, пока не получило должной экспликации. Может показаться, что требование разделять представления и обычаи, с одной стороны, и фактически существующие системы социальных типизированных взаимодействий, с другой – есть ненужная схоластика, однако мне представляется, что это не так и такое разделение имеет глубокий методологический смысл. Проблема состоит в том, что представления о должном далеко не всегда совпадают с сущим. Скорее наоборот. И именно в противоречии между должным и сущим можно, на мой взгляд, обнаружить одну из главных движущих сил социальных изменений.

Прежде всего необходимо разобраться, как и почему складываются идеальные представления о должных формах взаимодействий, как и почему изменяются, и в каких отношениях они находятся с фактически существующими системами типизи-

рованных социальных взаимодействий и поведения людей. Собственно говоря, исследуя эти вопросы, мы исследуем и философскую проблематику, пытаюсь определить, где находятся представления о должном. В дальнейшем буду называть представления о должных формах социальных взаимодействий институтами. Пока это не более чем рабочий термин.

Итак, сначала необходимо исследовать первую проблему, а именно вопрос, как появляются идеальные представления о должных формах взаимодействия людей. Для этого есть смысл обратиться к представлениям о хабитуализации, под которой понимается процесс «опривычивания» деятельностных практик. Речь идет о процессах, происходящих на уровне повседневности, о той совокупности представлений, которые часто называют здравым смыслом. Само понятие хабитуса специально анализировал и использовал французский социолог П. Бурдьё [3]. Роль хабитуализации в формировании социальных институтов также в немалой степени обоснована П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности» [4]. Под хабитуализацией авторы понимают «направление и специализацию деятельности, которых недостает биологическому аппарату человека, ослабляя тем самым аккумуляцию напряжений как следствия ненаправленных влечений» [4, с. 91]. Иначе говоря, это превращение любых повторяющихся действий в типичные, когда пропадает необходимость определять каждую ситуацию заново. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, процесс хабитуализации всегда предшествует и в определенном смысле является составной частью процесса институционализации, ведь, по их мнению, любая типизация есть институционализация.

Однако этот казался бы весьма обоснованный подход содержит подводные камни. Дело в том, что, рассуждая о типизации любых повторяющихся действий, авторы замыкаются в мире представлений, на базе которых люди конструируют и реконструируют реальность. Вопрос, что порождает эти представления, даже не ставится. Соответственно, утверждение об объективном характере конструируемой социальной реальности подвисает в воздухе, ибо не раскрывает источник объективности. Если, по мнению авторов, общество понимается (в рамках социального конструктивизма) как продукт intersубъективности, продукт взаимодействия сознаний, то необходимо встает проблема понимания, т. е. проблема возможности взаимодействия сознаний, причем взаимодействия адекватного и продуктивного. Если в рамках данного концепта и можно говорить об источниках объективности, то таковой является традиция, где особенной значимостью обладает язык, который «объективирует опыт, разделяемый многими, и делает его доступным для всех,

кто относится к данной лингвистической общности, становясь, таким образом, и основой, и инструментом коллективного запаса знания. Более того, язык предусматривает средства объективации нового опыта, позволяя включать его в уже существующий запас знания, и представляет собой одно из наиболее важных средств, с помощью которого объективированные и овеществленные седиментации передаются в традиции данной общности» [4, с. 113–114]. И, конечно, он несет в себе всю структуру объективаций, в которую включается индивид, осваивая ту или иную лингвистическую традицию, превращающуюся для конкретного индивида в совокупность априорных форм. Но опять же возникает вопрос: «Откуда берется опыт, объективированный в традиции и конкретно в языке?» Неужели он не более чем продукт intersубъективности общественного прошлого?

Тем не менее нужно сказать, что, несмотря на эти подводные камни, само понятие хабитуализации методологически очень продуктивно, если поставить проблему возникновения представлений (знаний) о мире повседневности с головы на ноги. Это возможно, если не ограничиваться, как это делают П. Бергер и Т. Лукман, лишь цитатами из работ К. Маркса об объективности так называемой социальной материи. Необходимо обратиться к сущностным положениям теории К. Маркса, в рамках которой в основу социальной конструкции мира кладется тот способ, с помощью которого люди производят материальные блага (осуществляя, благодаря совместному труду, свой обмен веществ с природой для себя и для других). Таким образом, как сама возможность жизни любого живого существа зиждется на способности к обмену веществ с природой (которая у человека приобретает форму трудовой деятельности), так ее имманентно совместный характер лежит в основании социальности человека и всех социальных форм, человеком создаваемых. Именно поэтому возможность взаимного понимания между условными Робинзоном и Пятницей, т. е. людьми, существующими в разных традициях и имеющих существенно отличный опыт, зиждется единственно на том, что и непосредственный опыт здесь и сейчас, и, если можно так выразиться, родовой опыт, аккумулированный в традиции, в основе своей опираются на практическую деятельность по преобразованию мира единого и для Робинзона, и для Пятницы. Само восприятие людьми друг друга лицом к лицу, когда «другой предстает передо мной в живом настоящем, которое мы оба переживаем» [4, с. 52], получает актуальность только благодаря единству практики здесь и сейчас, ибо вне ее, в мире субъективности, нет и не может быть никаких темпоральных якорей. В рамках субъективного мира и представление о здесь, и представление о сейчас весьма относительны. «Живое настоящее»

является человеку там, где осуществляется его в широком смысле трудовая (и по определению совместная) деятельность, поскольку она всегда проходит проверку на пространственное и темпоральное единство участников в рамках трудового процесса самим продуктом труда. И не удивительно, что П. Бергеру и Т. Лукману для обоснования возможности понимания между людьми «лицом к лицу» приходится апеллировать к таким материям, как эмпатия: «субъективность другого является эмпатически “близкой”» [4, с. 52–53]. Оттуда же растут ноги у весьма немалой доли примеров, касающихся сексуальных практик, которые приводят авторы в своей книге.

Но вернемся к типизации. Я понимаю ее как процесс, основанный на единстве практической деятельности людей, в первую очередь на единстве их трудовой деятельности. Именно благодаря этому обеспечивается понимание и возможность того, как пишут авторы, «две схемы типизации вступают в непрерывные переговоры в ситуации лицом к лицу. В повседневной жизни такие “переговоры”, вероятно, должны быть упорядочены в определенной типичности как процесс типичной сделки между покупателями и продавцами» [4, с. 56]. Конечно, этот процесс не есть простое случайное взаимодействие субъектов, но является взаимодействием субъектов по поводу «практического мира». Поэтому же мир повседневности, понимаемый конструктивизмом как базовое пространство осуществления типизации, есть не просто мир обыденных представлений, но и мир представлений, сложившийся по поводу совместной практической деятельности людей. Собственно, и традиция, воплощенная в языке или в иных символических системах, есть не просто опыт взаимодействия субъектов, но опыт взаимодействия по поводу исторически конкретной деятельности по преобразованию материального мира.

Такой подход, развиваемый марксизмом, позволяет с критической точки зрения рассматривать волюнтаристскую природу социального конструктивизма, ибо взаимодействия субъектов есть не случайный процесс столкновений индивидов, перемещающихся и сталкивающихся в броуновском движении, но процесс, обусловленный в конечном счете конкретной структурой общественного производства. Таким образом, повседневная реальность конструируется людьми в процессе социальных взаимодействий не случайно, а «при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются, в конечном счете, решающими» [5, с. 395]. Любая регулярная человеческая деятельность подвергается «опривычиванию», но в основе самой возможности взаимной типизации лежит единство человеческой деятельности по преобразованию материального мира.

Согласно представлениям П. Бергера и Т. Лукмана, такие взаимные типизации и есть социальные институты: «Институционализация имеет место там, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах» [4, с. 92]. При этом видно, что процесс типизации затрагивает именно представления, а отсюда следует, что социальный институт трактуется как совокупность представлений (знаний) в сфере повседневности. Эти представления, по мнению теоретиков конструктивизма, определяют и контролируют человеческое поведение уже потому, что имеют характер само собой разумеющихся.

Однако очевидно, что социальные институты существуют в обществе не только как само собой разумеющиеся нормы и правила. Они также обосновываются в рамках теоретического знания и даже, скорее, идеологических представлений, где они утверждаются и воспринимаются в оценочном плане. В частности, в художественной сфере происходит своего рода рефлексия над комплексами представлений, являющимися, по мнению конструктивистов, институтами в рамках художественных произведений разного рода, от литературы до живописи (можно сказать, что в этом смысле искусство тем и занято, что особой формой рефлексии над социальными институтами, пропагандой либо критикой этих институтов). П. Бергер и Т. Лукман описывают эту ситуацию как процесс легитимации, которая трактуется как смысловая объективация второго порядка. Такая объективация необходима для трансляции институциональных представлений следующим поколениям. Легитимация также играет громадную роль в поддержании определенного социального порядка, организуя «монополию на предельные определения реальности в обществе» [4, с. 197].

В этом смысле имеет смысл обратить внимание на то, что, хотя в фазе легитимации в первую очередь проявляются интересы классов и социальных групп, как правило, господствующих и настаивающих на универсальности именно своих интерпретаций институциональных представлений и практик, они, пускай и не в таком явном виде, проявляются также и на стадии хабиитуализации. Поскольку типизации базируются на трудовой деятельности людей, поскольку в обществах, где господствует разделение труда, у разных социальных групп, имеющих разные позиции в этом разделении, будут реализовываться типизации отличного характера.

Но для рассмотрения дальнейшей эволюции институциональных представлений и их влияния на конкретно реализуемый социальный порядок в об-

ществе, необходимо обратить внимание на то, что в рамках объективации второго порядка эти институты приобретают куда более самостоятельный характер и в существенной степени отрываются от непосредственной деятельности людей. В этом, собственно, и состоит один из важнейших аспектов явления объективации, где опривыченные типичные действия (взаимодействия) людей, приобретая своего рода внешнюю форму существования, отчуждаются от этих действий и приобретают устойчивое, «консервативное» качество. Необходимо заметить, что в данном случае под объективацией имеется в виду не превращение в объект ощущений и переживаний субъекта, а своеобразное инобытие форм деятельности и взаимодействий людей, превращение их в объективные для субъектов коллективные представления за счет взаимной типизации. Так, возникает одно из важнейших для понимания процесса развития и изменения социальных институтов противоречие. Это – противоречие между меняющимися, развивающимися формами деятельности людей и устойчивыми объективациями этой деятельности – институциональными представлениями, которые мы договорились инструментально называть институциями.

Как уже отмечалось, стержневой чертой этого противоречия является то, что практическая деятельность, причем деятельность трудовая, деятельность по преобразованию материального мира для нужд человека развивается в целом в направлении роста производительных сил (хотя в определенные исторические периоды возможны и отступления, деградация). Соответственно, социальные объективации этой деятельности (по Лукману и Бергеру – объективации второго порядка; я их называю институциями) со временем перестают быть адекватными способам деятельности людей и формам их взаимодействий в процессе, начинают мешать прогрессивным изменениям в них и, более того, становятся им враждебны. Напоминаю, что под институциями я понимаю общественные представления о должных формах устойчивых взаимодействий в обществе. В рамках различных дискурсов область существования институций можно определять по-разному. Можно относить их к разряду идеального, говорить о сфере общественных представлений, о сфере общественного сознания. В зависимости от трактовки феномена культуры, например, рассматривая ее как совокупность программных установок деятельности (В. С. Степин), можно говорить и о том, что институции есть важнейший элемент культуры. Но еще более важно то, что институции как представления людей, имеющие объективный характер, являются основой для учреждения конкретных организаций. В классической ситуации можно говорить, что они воспринимаются как само собой разумеющиеся, но важным свойством этих

представлений является то, что они, как правило, ценностно и идеологически окрашены. Возникают вопросы: «В чем смысл понятия организации?»; «Какую роль оно играет в анализе процесса эволюции институтов?».

На мой взгляд, представление об организациях позволяет уяснить механизм разрешения противоречия между институциями как объективацией типизированной деятельности людей в представлениях и постоянно развивающимися объективными формами этой деятельности. Как уже было сказано, организации создаются на основе институций, являясь организационно-нормативными формами, в рамках которых непосредственно происходит совместная деятельность людей в социуме. Организации представляют собой систему отношений, зафиксированную в принципах, нормах, иерархиях статусно-должностных позиций, являющуюся конкретным воплощением институциональных представлений о должных (желаемых, само собой разумеющихся) формах устойчивых взаимодействий в обществе (институций). Организации могут быть формальными и не формальными, легальными и нет. Как правило, легальные организации имеют формальный характер, т. е. основаны на принципах создания организации, в которых указывается ее социальная функция, а также нормы и правила, должностные позиции, прописанные в уставах, сводах правил и прочем. Нелегальные организации, как правило, не имеют формально закреплённой структуры. Например, организованные преступные группы имеют структуру, причем в определенных пределах достаточно единообразную, включающую нормы и правила, даже своего рода статусно-должностные позиции, но все это, конечно, не имеет формальной фиксации [6, с. 256]. При этом в истории можно встретить нелегальные, но вполне формальные организации. Например, в России при Александре I в 1822 г. рескриптом «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» было запрещено масонство, однако оно существовало на нелегальном положении и имело вполне формально закреплённую структуру.

Собственно говоря, организации можно определить как следующий (третий) порядок объективации типичных форм человеческой деятельности. Они (организации) возникают на «перекрестке» институций (общественных представлений о социальном порядке) и непосредственных интересов конкретных социальных групп и классов, господствующих в обществе, претендующих на универсальность предлагаемых ими организационных форм (организаций). То есть организации выстраиваются как своеобразный продукт общественного договора о фиксированных нормах и правилах взаимоотношений людей в процессе исполнения ими общественно значимых социальных функций

на базе институциональных представлений и в условиях конкретного социально-классового баланса интересов. Организации необходимы для того, чтобы организовывать непосредственную деятельность людей в достижении общественно значимых целей. При этом люди получают в наследство от прошлых поколений не просто типизированные, но также и формально закреплённые формы деятельности с четко прописанными диспозициями, регулирующими ролевое поведение, и санкциями за нарушение таковых. Тем не менее в основе системы организаций конкретного общества лежат те из них, которые организуют материальное производство. Это следует из того, что сами типизации базируются на единстве и совместном характере материального производства. В рамках марксистского дискурса речь идет о способе производства материальных благ, в основе которого лежат отношения собственности, существующие и как институция (общественные представления об отношениях собственности), и как организация (система законов, норм и правил, формально регулирующих отношения собственности в обществе).

Особенностью организаций является то, что они сознательно утверждаются и также сознательно могут быть реформированы или вовсе ликвидированы. В этом они отличаются от институций, которые, как правило, возникают как само собой разумеющиеся представления. Правда, есть еще заимствования институтов, которые могут осуществляться вполне сознательно, но о них речь пойдет ниже.

Необходимо отметить, что и институции, и организации выполняют важнейшую роль в регулировании человеческих взаимодействий. В социологии их различие позволяет уточнить многие понятия и, в частности, понятие социального института. Как правило, понятие социального института трактуют через систему ролей, однако в такой трактовке есть узкое место. Речь идет о том, что на самом деле любые институты состоят не из ролей в строгом смысле слова. Скорее, в рамках возможного перед человеком обозначается целый спектр, облако или, вернее сказать, воронка ролевых возможностей, среди которых есть и достаточно строгие, на сто процентов легитимные ролевые формы достижения предписанных институтом задач, есть и менее легитимные, более рискованные, но дающие шанс решить задачу, используя меньше ресурсов, с меньшими потерями или с большей скоростью. Есть способы, скорее официальные и достаточно жесткие, но есть в большей степени рассчитанные на включение личных качеств. Все это – не строго прописанные роли, правила и шаги, но ценностно окрашенные возможности, где путь лежит между строгим образцом и запретной границей, за которой лежат санкции, моральные или правовые.

Если говорить о взаимодействии институций и организаций, то представление о всех названных вариантах (возможностях) есть культурный феномен и часть того, что мы и называем институциями. Где в рамках культуры можно встретить эти представления? С одной стороны, в процессе социализации (общей в рамках конкретного института) человек наблюдает за поведением других, оценивая его, воспринимает чужую рефлексию по поводу их и своих действий. Кроме того, художественная культура в своих артефактах содержит громадное количество примеров поведения, тех или иных тактик в рамках тех или иных институтов (поведения в типичных ситуациях взаимодействий людей). Собственно говоря, любое литературное произведение, любой продукт кинематографа есть описание таких типов поведения, причем с ценностной точки зрения. Человек, выбирая возможный из них, черпает варианты ролевых действий из культурного багажа, исторически выработанного обществом.

Как уже было сказано, организации возникают на пересечении институций и конкретных интересов групп и классов, и поэтому в их архитектонике прямо заинтересованы конкретные люди как представители этих групп и классов. Причем для господствующих групп и классов (а такие группы всегда существуют в обществе, основанном на частной собственности с достаточно глубоким разделением труда) этот интерес в первую очередь консервативен, ибо социальный интерес господствующих слоев заключается в сохранении своего положения. В общем можно сказать, что интерес господствующих слоев и классов заключается в том, чтобы сохранять организации в неизменном состоянии, причем в первую очередь это относится к базовым организациям, структурирующим материальное производство.

Однако парадокс истории заключается в том, что это невозможно, ибо общественное производство постоянно развивается. Развиваются производительные силы, а следовательно, и отношения людей в процессе производства, меняются формы их взаимодействия. Со временем существующие организации начинают мешать развитию и утверждению новых форм взаимодействия людей, а таким образом, и мешать развитию материального производства. Следствием такого положения дел становится кризис системы организаций и вместе с ним институций, в соответствии с которыми эти организации создавались.

Проблема заключается в том, что организации и системы организаций, как было уже сказано выше, выполняют определенные функции в социальной организации общества. Но, когда правила и нормы существующих организаций перестают соответствовать возросшему уровню развития ма-

териального производства и производительных сил, т. е. правилам и нормам взаимодействий, необходимым в новых условиях, связанных с изменившимися материальными основаниями, появляется своего рода двоемыслие. Оно заключается в том, что наряду с формальными правилами функционирования организаций появляются правила неформальные, которые в большей степени соответствуют изменившимся условиям. Если формально закреплённые нормы и правила все в меньшей степени позволяют людям достигать своих целей в новой ситуации, то неформальные, наоборот, дают возможность достигнуть желаемого результата. Тут же возникает и новая статусная иерархия, несовпадающая с формальной. Появление неформальных, четко не артикулируемых правил и норм становится питательной почвой для злоупотреблений и коррупции разного рода, а существующие организации начинают восприниматься как нечто такое, что мешает осуществлению той деятельности, для которой эти организации и были созданы. Если рассуждать в философских терминах, можно сказать, что появляется и нарастает конфликт формы и содержания, где под содержанием подразумевается непосредственная деятельность в определенной сфере, а под формой – нормы и правила, регулирующие эту деятельность, институции и базирующиеся на них организации, т. е. объективации соответствующей деятельности в своей целостности. Более того, форма делается враждебной содержанию, начинает мешать содержанию, уничтожать его. Например, в истории неоднократно встречались ситуации, когда разного рода военные ведомства, содержанием которых было обеспечение обороноспособности страны, сохраняя устаревшую организацию вооруженных сил, наоборот, ослабляли обороноспособность. Так, например, случилось в Китае в конце XIX – начале XX в., когда военные институты в частности и вся система институтов в целом в своем консерватизме довели страну до унижительных поражений от ничтожных по численности экспедиционных корпусов европейских стран. Китай потерял суверенитет и был поставлен на грань колониального порабощения иноземными державами. В подобной ситуации господствующие институты делегитимизируются просто потому, что мешают актуальным практикам, а деятельность людей в соответствии с этими практиками, как правило, ведет к провалам. Так что одновременно происходит типизация новых способов деятельности, обычно в среде андеграундных групп либо групп, находящихся на низших ступенях иерархии и потому не заинтересованных в сохранении устаревших моделей взаимодействий, и делегитимация официальных организаций и институций, послуживших моделью для создания этих организаций.

В частности, диалектику институциональных изменений можно продемонстрировать на примере изменения института частной собственности в эпоху перехода от феодального к буржуазному обществу, когда происходила делегитимация базовых социальных институтов феодального общества вследствие развития производительных сил и повышения производительности труда. Классическое феодальное владение в структуре экономических отношений исключало денежные платежи крестьян. Поэтому все подати и повинности исполнялись в натуральном виде. Например, основным видом такой феодальной повинности был институт барщины – отработка крестьян на земле феодала. Такой тип производственной деятельности лежал в основании феодальной формы собственности на землю, когда владение землей было обусловлено вполне определенными условиями. Причем не безлично экономическими условиями, как арендные платежи, а исключительно личными. Феодалы владели землей на том основании, что брали на себя феодальные обязанности, а крестьяне за право обрабатывать свой участок земли были обязаны разными трудовыми повинностями. Долгие века такие отношения были вполне легитимны в обществе. То есть можно сказать, что социальный институт феодальной собственности в части поземельных отношений включал в себя вполне легитимные институции – представления о само собой разумеющихся отношениях людей в этой сфере. Эти институции стали плодом типизации форм трудовой деятельности, присущих классическому феодальному поместью, экономически замкнутому и имевшему своей производственной основой крайне низкий уровень земледельческих технологий, обеспечивающих в среднем «сам-3»–«сам-5» урожайности зерновых. Низкий технологический уровень предопределил относительную простоту трудового процесса и взаимоотношений людей в нем. Барщина предполагала примерно ту же урожайность, какую крестьянин имел на своем наделе. Из этого видно, как материальная основа трудовой деятельности предопределила отношения людей в процессе производства, которые, в свою очередь, отразились в институциях – представлениях о само собой разумеющихся нормативных формах взаимодействия людей в рамках феодального способа производства. На базе объективных производственных отношений и представлений, в определенной степени легитимирующих их, было создано множество организаций – замкнутых феодальных поместий с натуральным хозяйством.

Тем временем во всей Франции рос уровень производственных технологий, что привело к усложнению орудий труда, методов обработки земли и имущественному расслоению в деревне. Эффективные способы обработки земли вкуче с появле-

нием слоя крестьян, владеющих сложными средствами производства, в том числе пароконной упряжкой, предопределили расслоение и постепенную концентрацию условно крестьянской земли в их руках. Но чем более крупные участки получали зажиточные крестьяне для обработки, тем менее они готовы были покидать их ради барщины – обработки господского надела в лучшие дни земледельческого сезона.

Ситуация сложилась так, что и крестьянину было неудобно отрываться от своего (условно) участка в разгар сельскохозяйственных работ, и феодалу был неудобен работник, работающий с лендой не на своей земле (что становилось все более значимым по мере совершенствования орудий труда и способов обработки земли). Так что вопрос ликвидации барщины стал делом времени. В России появилось даже выражение «работать, как на барщине», т. е. без желания, с лендой. В связи с этим барщина делегитимировалась как институция, став в глазах крестьян символом рабства. Однако делегитимация институции барщины и личных отношений зависимости происходила не только в глазах крестьян, но и в глазах феодалов. Сказался рост денежного обращения, когда феодалу было удобнее получать не натуральный продукт от барщины, а денежные платежи от аренды. Соответственно, изменились не только экономические отношения между феодалом и крестьянином, но и социальные.

В конце концов феодалы всю свою землю сдали в аренду крестьянам, получая денежные платежи. Также выкупались другие повинности, отвлекавшие крестьянина от его работы на своем участке: доходные статьи, баналитеты, вроде монопольных прав на помол зерна, выпечку хлеба или отжим винограда. Классические феодальные институты все более становились пустым звуком и теряли легитимность в глазах и крестьян, и самих феодалов. Соответственно, совокупность институций феодальных поземельных отношений также потеряла легитимность и у тех, и у других. Всевозможные феодальные права, ранее воспринимавшиеся вполне нормально, от вероятного *droit de cuissage* (права первой ночи) до более важных и достоверных прав, связанных с экономическими обязанностями крестьян, со временем стали восприниматься нетерпимо и попытки их осуществления часто становились поводами для крестьянских восстаний. Означенные институции уже не являлись само собой разумеющимися, а, скорее наоборот, воспринимались как нечто ненормальное и жестокое. Изменялось само феодальное поместье в сторону экономической открытости и вовлеченности в торговый, товарно-денежный оборот, а новые формы производственной деятельности, типизируясь, стали основой для формирования новых институций, приходящих на смену прошлым представлениям.

Так, в диалектической связи на базе изменения средств и способов труда изменялись отношения людей в процессе производства и отражающие их представления о нормативных формах – институциях, а также создаваемые на базе институций организации, т. е. поземельные отношения конкретных феодальных обществ, выраженные в обычном и писаном праве. На смену феодальным поземельным отношениям приходила нарождающаяся капиталистическая собственность, безличная и обусловленная только денежными арендными платежами. Смена базисного института повлекла за собой и смену других социальных институтов западноевропейского общества.

Все это говорит о том, что в основе формирования, изменения и ликвидации социальных институтов лежат изменения в сфере материального производства. Вследствие изменения (развития) средств и способов материального производства изменяются и отношения людей в процессе производства. Эти изменения одновременно порождают типизации новых способов взаимодействия людей и их восприятие (институции) и вступают в конфликт с нормами существующих организаций. Вследствие этого конфликта формальные нормы тем или иным способом обходятся людьми (аномия), так как их нормативный характер ставится под сомнение. А соответственно, происходит делегитимация существующих общественных представлений – институций, в результате чего на их месте возникают новые институции, созданные на базе типизаций новых способов взаимодействия между людьми. На базе новых институций создаются и новые организации.

В такой ситуации важнейшим становится вопрос о возможности реформирования существующих организаций. Казалось бы, нет никаких проблем в том, чтобы перестроить существующие организации в соответствии с новыми институциями, но, как уже было сказано, все процессы, о которых идет речь, есть не некие абстрактные течения истории, которая «пользуется человеком как средством для достижения своих целей». История есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [7, с. 102]. Организации людей, осуществляющих ту или иную деятельность, состоят из формальных статусных позиций, и люди, занимающие высокостатусные позиции, заинтересованы в сохранении этих позиций, а следовательно, и самих организаций. Для этого они готовы всемерно защищать легитимность господствующих институций.

Дело в том, что чем более важную функцию в обществе выполняют те или иные институты, тем более высокостатусные позиции в них связаны с властью и высокими размерами общественного продукта, предоставляемыми в распоряжение людей, занимающих эти позиции. Оттуда и их интерес

в сохранении своего места в системе организаций и сохранении самих организаций. Соответственно, этими людьми рассматриваются только такие реформы, которые не затрагивают организации существенно, т. е. не ликвидируют организации как таковые, либо не меняют их столь кардинально, что существенно меняется и сама иерархия статусов, и правила отбора, восхождения по иерархической лестнице. В такой ситуации конфликт между меняющимися формами взаимодействий, обусловленными в конечном счете изменениями в их материальной деятельности, и формами, зафиксированными в соответствующих организациях, уже не решается с помощью реформ. Требуется слом одних организаций и возведение на их месте других. Причем обычно этот процесс осуществляется достаточно просто, ибо старые институты, на базе которых были выстроены устаревшие организации, к тому времени давно потеряли легитимность и утвердились новые институты, пускай и официально не признаваемые.

Итак, было рассмотрено, как и почему происходят социальные изменения в их классическом виде, причем продемонстрирована роль социальных групп, имеющих свои интересы в контексте социальных изменений. Однако анализ реалий постсоветских обществ и иных, не принадлежащих к ядру капиталистического мира, демонстрирует нам, что на практике ситуация несколько сложнее, так как прямо связана с процессами глобализации институциональных форм. Под глобальным характером социальных институтов как моделей социальных взаимодействий подразумевается ситуация, когда они формируются на базе доминирующих тенденций в экономической жизни наиболее влиятельных и богатых государств мира, но распространяются на весь мир, что приводит к унификации в экономике, социальной сфере и культуре. Вследствие этого на мировой периферии возникает противоречие между социальными институтами, сформированными на базе особенностей общественного производства доминирующих стран Запада, и институтами – моделями и, соответственно, организациями, которые соответствуют производственным отношениям и социальным практикам именно периферийных обществ.

Социальные институты, понимаемые как типовые модели системы человеческих взаимодействий, в определенной сфере отношений являются элементом общественного сознания, и, как уже сказано, в существенной степени глобального. Институты общества страны, воспринимаемой как образец «современности», являются образцом для периферии. Появляются иллюзии, которые заключаются в том, что создание системы конкретных организаций согласно этим «передовым» институтам должно обеспечить и все блага, которыми

пользуются доминирующие «современные» государства. Сам процесс строительства конкретных организаций в соответствии с институтами «современных» обществ называется модернизацией. Я пишу о современности в кавычках по той причине, что представление о современности тех или иных общественных отношений имеет весьма сложный характер, связанный и с экономическим и с политическим доминированием, и с идеологическими представлениями, и с многими другими [10, с. 39–46]. В контексте вышесказанного цели и задачи социального и экономического реформирования в обществе, которое стремится к достижению «современного» состояния, этим стремлением и определяется. А «Современное» состояние общества – это и есть комплекс социальных институтов, воспринимаемый как современный и этим уже априори ценный. В этом смысле можно обратить внимание на то, что общества, ощущающие себя не современными, а догоняющими, зачастую переживают ценность «современных» институтов куда острее обществ, осознающих себя «современными».

Однако не стоит представлять себе этот процесс безличным, роковым влиянием господствующей глобальной идеологии. Как мы уже говорили, социальные институты, формирующиеся в доминирующих странах глобального мира, прямо обусловлены социально-экономической ситуацией в них, причем непосредственными проводниками социальных и экономических особенностей являются влиятельные социальные группы (классы). Как уже было сказано, организации выстраиваются на базе социальных институтов, но в условиях конкретного социально-классового баланса интересов. Восприятие глобальных институтов как ценных (современных, прогрессивных) в обществах периферии и создание на их базе конкретных организаций формируется под воздействием интересов влиятельных групп (классов). А поскольку сегодня можно говорить о глобальной, взаимосвязанной экономике, то этого и групповые (классовые) интересы имеют не локальный, а глобальный характер.

Как бы то ни было, само представление о возможности строить систему взаимодействий людей в тех или иных сферах в соответствии с социальными институтами, выработанными в «современных» странах, игнорирует то, что социальные институты базируются на конкретных формах общественного производства. Не имея возможности скопировать особенности производственной системы, а это затруднительно как минимум потому, что страны периферии имеют отличную от доминирующих стран позицию в глобальной системе разделения труда, бессмысленно пользоваться означенными социальными институтами для выстраивания общественных отношений в своем обществе. К сожалению

нию, сам факт того, что институциональные нормы как инструмент социальных институций, представляющиеся как само собой разумеющиеся правила, мешает рефлексии над ними, и еще в большей степени этому мешают интересы влиятельных социальных групп.

Таким образом, в рамках социального института происходят два типа диалектических противоречий. Во-первых, противоречие между типизирующимися формами практической деятельности, причем в первую очередь деятельности, связанной с материальным производством, и объективацией более высокого порядка, достигающимися современности в наследство в форме институций, т. е. общественных представлений о должных и нормативных способах взаимодействий людей в той или иной сфере. Во-вторых, это противоречие между институциями и организациями. Под организациями подразумевается реализация (воплощение) институций (представлений) в организационных формах конкретно-исторического социального устройства. Организации, как правило, создаются осознанно и имеют формальную или не формальную нормативную и статусно-должностную структуру. Организации возникают на пересечении общественных институциональных представлений – институций – и интересов господствующих социальных групп и классов.

Вследствие конфликта новых способов практической деятельности и взаимоотношений людей с бытующими нормами существующих организа-

ций, формальные нормы тем или иным способом избегаются, а их нормативный характер ставится под сомнение. Соответственно, происходит делегитимация существующих общественных представлений – институций, в результате чего их место занимают институции, созданные на базе типизаций новых способов взаимодействия людей. На базе новых институций создаются и новые организации. Диалектика этих процессов позволяет рассматривать социальные институты как развивающиеся системы, включающие в себя:

- 1) типизации постоянно меняющейся деятельности людей в сфере общественного производства;
- 2) их объективацию в виде общественных представлений – институций;
- 3) социальные организации как реализацию этих представлений в узаконенные формы непосредственной деятельности людей в контексте их социально-классовых интересов.

Поэтому в онтологическом смысле социальный институт – это не вещь, не предмет, не объект, на который можно прямо указать или который можно пощупать. В реальной жизни социальный институт выступает как диалектический процесс, в рамках которого осуществляется перманентное взаимодействие и типизация форм практической деятельности, порождающих идеальные представления – институции, которые в конечном счете определяют архитектуру формальных организационных форм (организаций) в контексте тех или иных социально-классовых интересов.

Библиографические ссылки

1. Веблен Т. *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс; 1984.
2. Фролов СС. *Социология*. Москва: Наука; 1994.
3. Бурдьё П. *Практический смысл*. Бикбов АТ, Вознесенская КД, Зенкин СН, Шматко НА, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001.
4. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медиум; 1995.
5. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 37*. Москва: Политиздат; 1965.
6. Коннов АИ, Куликов ВИ, Овчинский АС, Овчинский ВС, Овчинский СС, Эминов ВЕ и др. *Основы борьбы с организованной преступностью*. Москва: ИНФРА-М; 1996.
7. Маркс К, Энгельс Ф. *Святое семейство, или Критика критической критики*. Москва: Госполитиздат; 1956.
8. Иноземцев ВЛ, редактор. *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Москва: Academia; 1999.
9. *The Black Book of the Bologna Process* [Internet] [cited 2019 January 27]. Available from: https://tckeducation.files.wordpress.com/2010/11/bologna_black-book1.pdf.
10. Смирнов ВЭ. Модернизация и социальные инновации: проблемное поле объяснения. *Социологический альманах*. 2013;4:39–46.

References

1. Veblen T. *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: B. W. Huebsch; 1934. Russian edition: Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa*. Moscow: Progress; 1984.
2. Frolov SS. *Sotsiologiya*. Moscow: Nauka; 1994. Russia.
3. Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Les Editions de Minuit; 1980. Russian edition: Burd'e P. *Prakticheskii smysl*. Bikbov AT, Voznesenskaya KD, Zenkin SN, Shmatko NA, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001.

4. Berger P, Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. New York: Penguin Books; 1966.
Russian edition: Berger P, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995.
5. Marx K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 37* [Works. Volume 37]. Moscow: Politizdat; 1965. Russian.
6. Konnov AI, Kulikov VI, Ovchinskii AS, Ovchinskii VS, Ovchinskii SS, Eminov VE, et al. *Osnovy bor'by s organizovannoi prestupnost'yu* [Fundamentals of the fight against organized crime]. Moscow: INFRA-M; 1996. Russian.
7. Marx K, Engels F. *Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten*. Frankfurt am Main: Marx-Engels-Archiv Verl.-Ges.; 1932.
Russian edition: Marx K, Engels F. *Svyatoe semeistvo, ili Kritika kriticheskoi kritiki*. Moscow: Gospolitizdat; 1956.
8. Inozemtsev VL, editor. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New post-industrial wave in the West]. Moscow: Academia; 1999. Russian.
9. *The Black Book of the Bologna Process* [Internet] [cited 2019 January 27]. Available from: https://tckeducation.files.wordpress.com/2010/11/bologna_black-book1.pdf.
10. Smirnov V. Modernization and social innovations: the problem field of explanation. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2013; 4:39–46.

Статья поступила в редколлегию 09.01.2019.
Received by editorial board 09.01.2019.

ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВА

DIGITAL AGENDA FOR MEDIA SPACE

XIII БЕЛОРУССКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕДИАФОРУМ: СОВРЕМЕННОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ СМИ

XIII BELARUSIAN INTERNATIONAL MEDIA FORUM: MODERN MEDIA SPACE AND NEW APPROACHES TO THE SOCIOLOGICAL STUDY OF THE MEDIA

Современный этап развития медиасреды характеризуется активным включением сетевых технологий в повседневную жизнь человека и возрастающим влиянием интернет-ресурсов на формирование общественного мнения. Медиасреда в условиях развития информационного общества характеризуется высокими темпами цифровой трансформации, что не только несет с собой появление новых технологий, но и в целом меняет парадигму журналистики: информационное влияние от традиционных СМИ переходит к социальным медиа. В настоящее время информационная сфера находится под мощнейшим воздействием социальных медиа, благодаря которым практически каждый человек способен влиять на формирование информационной повестки дня. Цифровизация медиапространства ведет как к позитивным, так и к определенным негативным последствиям, отрицательно сказываясь на достоверности, качестве, объективности информационных потоков.

Сегодня стоит вопрос не просто о борьбе с «фейковой» информацией и непрофессиональными подходами к освещению серьезных проблем, но и об обеспечении благоприятной информационной экологии и информационной защите личности. Традиционные средства массовой информации должны стать в этом процессе мощным объединяющим фактором. Особую значимость приобретают кон-

структивные меры и предложения, направленные на повышение эффективности традиционных СМИ (в частности, и региональных печатных изданий), поскольку именно эти информационные ресурсы наиболее профессионально и объективно освещают происходящие в стране и мире события, в то время как интернет-источники далеко не всегда способны сформировать качественный контент. Именно на решение поставленных задач по повышению эффективности традиционных средств массовой информации в контексте цифровизации медиапространства ориентирована работа XIII Белорусского международного медиафорума «Партнерство во имя будущего: цифровая повестка для медиапространства».

Весомую роль в исследовании вопросов повышения эффективности работы традиционных СМИ играет социология. Изучение общественного мнения в данном случае позволит определить поведенческую реакцию аудитории на протекающие в медиапространстве процессы цифровой трансформации. В рамках работы XIII Белорусского международного медиафорума была организована тематическая секция «Интернет-ресурсы как эффективный инструмент формирования общественного мнения. Направления социологических исследований интернет-ресурсов». На секции выступили с докладами известные социологи и политологи:

Н. П. Нарбут (Россия), А. Т. Гаспаршвили (Россия), Д. Г. Ротман (Беларусь), Г. Т. Алимбекова (Казахстан), И. Н. Панарин (Россия), М. Р. Пачулия (Грузия) и др., представив новейшие методологические разработки и эмпирические данные по исследованию национального медиапространства. Модераторами секции выступили директор Центра социологических и политических исследований БГУ Д. Г. Ротман и научный сотрудник Института философии НАН Беларуси А. В. Дзермант. В настоящем номере «Журнала Белорусского государственного университета. Социология» представлены материалы основных докладчиков, выступивших на секции.

Статья заместителя министра информации Республики Беларусь И. И. Бузовского нацелена на анализ изменения ценностных ориентаций и поведенческих установок личности в контексте информационного воздействия современных СМИ. Автор подробно раскрывает особенности позитивного и негативного информационного воздействия на аудиторию, показывает, какую роль средства массовой информации играют в структуре общественных процессов.

Статья ведущего научного сотрудника Центра социологических и политических исследований БГУ А. В. Посталовского посвящена изучению аспектов взаимосвязи средств массовой информации и процессов дестабилизации общества посредством рас-

пространения негативного информационного контента в СМИ и социальных медиа. Автор анализирует содержание конфликтов на постсоветском пространстве в эпоху цифровых технологий, выделяет основные факторы современной дестабилизации общественных систем.

В статье Г. Т. Алимбековой (директора Центра изучения общественного мнения, г. Алматы, Республика Казахстан) и А. Б. Шабденовой раскрываются особенности медиапотребления населения стран Средней Азии. Материал содержит уникальные эмпирические данные об информационных предпочтениях региона в межгосударственном сравнении. Малое количество актуальной информации о медиапространстве Средней Азии существенно повышает эвристический потенциал подготовленного Г. Т. Алимбековой и А. Б. Шабденовой материала.

Статья М. Р. Пачулия (директора исследовательской компании *Georgian Opinion Research Business International*, г. Тбилиси, Грузия), А. В. Лордкипанидзе и А. В. Чуйко посвящена анализу применения инновационного подхода к изучению медиапространства Грузии. Авторы представили результаты практического внедрения инновационной методики социологического изучения телевизионного сегмента грузинского информационного поля.

А. Н. Карлюкевич¹

¹Александр Николаевич Карлюкевич – министр информации Республики Беларусь.
Aliaksandr N. Karliukevich, Minister of Information of the Republic of Belarus.
E-mail: info@mininform.gov.by

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

И. И. БУЗОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Министерство информации Республики Беларусь, пр. Победителей, 11, 220004, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются роль и место средств массовой информации в структуре общественных процессов. Проанализированы особенности информационного воздействия на личность в современных условиях развития общества, разработана модель формирования вектора нормы, выявлена роль СМИ в формировании поведенческих установок личности. Раскрыто содержание негативного и позитивного информационного воздействия на поведенческие установки личности.

Ключевые слова: средства массовой информации; информационное воздействие; поведенческие установки; ценности.

THE MEDIA IN THE STRUCTURE OF SOCIAL PROCESSES

I. I. BUZOVSKY^a

^aMinistry of Information of the Republic of Belarus, 11 Peramožcaŭ Avenue, Minsk 220004, Belarus

The article is devoted to the role and place of mass media in the structure of social processes. The features of information influence on the personality in modern conditions of development of society are analyzed, the model of formation of «norm Vector» is developed, the role of mass media in formation of behavioral attitudes of the personality is revealed. The content of the negative and positive information impact on the behavioral attitudes of the individual is revealed.

Key words: mass media; information influence; behavioral attitudes; values.

Современный контекст развития социума, характеризующийся как стадия радикальных перемен, диктует необходимость переосмысления концепций, теоретических знаний, практических механизмов, обеспечивающих эволюцию общества. Проявляются такие стороны развития цивилизации, которые вступают в жесточайшие противоречия, подвергая сомнениям и переосмыслениям фундаментальные основы как макропроцессов, так и отдельных смысловых категорий, обеспечивающих жизнедеятельность человечества. Грандиозные изменения, происходящие сегодня в мире, сравниваются теоретиками с переходом общества от каменного века к железному. Возникают совершенно новые формы коммуникации, организации человеческого тру-

да, формирования культурологических традиций и ценностных ориентиров. Для анализа, понимания и прогнозирования процессов, происходящих в таком чрезвычайно сложном и многомерном образовании, как общество, люди прибегали к самым различным теориям, научным познаниям в разных областях. Но новое должно быть актуально, универсально, направлено не исключительно на современные процессы. По мнению А. Эйнштейна, история научного познания свидетельствует о том, что фундаментальные понятия и представления науки не могут быть окончательными: «Мы всегда должны быть готовы изменить эти представления», изменить аксиоматическую базу науки, чтобы обосновать факты «логически наиболее совершенным

Образец цитирования:

Бузовский ИИ. Средства массовой информации в структуре общественных процессов. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;1: 36–44.

For citation:

Buzovsky II. The media in the structure of social processes. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2019;1:36–44. Russian.

Автор:

Игорь Иванович Бузовский – заместитель министра.

Author:

Ihor I. Buzovsky, deputy minister.
ibuzovsky@mail.ru

образом» [1, с. 136]. Только в середине XX в., как отмечает С. А. Шавель, общество стали понимать как систему, соотнося ее прежде всего со страной. Системный подход позволяет выделить в обществе:

1) целостность, понимаемую как единство частей и элементов, образующих неаддитивное множество (целое больше суммы частей);

2) структуру как закон связи элементов между собой в рамках целостности;

3) особую форму реагирования, при которой воздействие на одну из подсистем передается на другие, побуждая все общество к соответствующим изменениям;

4) иерархичность в кибернетическом смысле, т. е. каналы прямой и обратной связи (восходящей и нисходящей информации), реализуемая как вертикаль власти;

5) способность к самоорганизации и восстановлению устойчивого состояния (социального порядка) как необходимое условие инновационного развития [2, с. 11].

Отмечается, что «трансформационный процесс зиждется на диалектическом преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения. По самой своей сути он нацелен на новое качество явления или системы» [3, с. 10].

Следует отметить концептуальность осознания такого понятия, как «преемственность опыта предыдущих поколений» и принципиальное требование (при созидательной деятельности общества) акцентуации на фундаментальных ценностях, сформированных на культурологических, религиозных, нравственных устоях, проверенных временем.

Практика свидетельствует о том, что даже частичная утрата ценностных ориентиров исторически обусловленного культурного фундамента общества приводит к сбою в работе всего общественного организма. Деформация ценностей, разрыв межпоколенческих связей приводят к дезинтеграции, размыванию консолидирующего начала и, как следствие, к социальной нестабильности общества.

Для объяснения нового в эру информации нужно переосмыслить старое, в том числе нужна теория не информационного общества, а та, которая будет рассматривать себя как часть общества, как подсистему.

Необходимо отметить, что весьма тщательно разработанные специалистами в области социальной психологии в частности и психологии в целом вопросы, касающиеся анализа и разрешения проблемных, конфликтных ситуаций межличностного характера, имеют немалую ценность и для сферы масштабных социальных, общественных, процессов.

Личностные процессы, являющиеся неотъемлемой частью общественных реструктуризаций, имеют огромное значение для определения стратегий

развития социума. Личность современной информационной эпохи – это человек не просто обладающий исторически обусловленной степенью разумности, социальной ответственности и ведущий образ жизни, соответствующий идеалам и нормам эпохи, в современном понимании личность обязательно обладает способностью к активному созидательному творчеству, умением не только воспринимать, использовать и передавать информацию, но и эффективно реализовывать ее созидательный потенциал, внедрять новые технологии, вносить посильный вклад в совершенствование качества жизни и развитие государства [4].

Наиболее подходящим, позволяющим выразить основную характеристику личности, является понятие «ценностная ориентация личности». Оно трактуется достаточно широко, включая в себя также понятия интереса, установок, направленности, цели в их социально-психологическом и духовном аспектах. Под ценностными ориентациями понимают особое субъективное, индивидуализированное и мотивированное отражение в психике и сознании человека или социальной группы ценностей общества на конкретном этапе исторического развития [5]. Ценностные ориентации – допустимый предел, социальные рамки возможностей поведения.

Если обратиться к известной пирамиде потребностей А. Маслоу, то ее культурно-ценностная составляющая одномерна, хотя и находится на вершине. В то же время социум – измерение многомерное, которое необходимо рассматривать во всем многообразии взаимосвязей и взаимозависимостей.

При рассмотрении личности и общества в единстве процессов необходимо отметить три основные составляющие. Условно обозначим их как Я-1 «хочу»; Я-2 «надо» и Я-3 «цель».

В структуре целостной системы Я-1 «хочу» аккумулирует первичные физиологические потребности в пище, в одежде и т. д. С данными потребностями человек рождается. На этом этапе сформированы побуждения, желания, животные инстинкты. В Я-2 «надо» первичные социальные регуляторы (нормы, социальные институты) формируют осмысленность и характер действия, осознание обязательств. Являясь единицей социального, человек обязан наряду со своими желаниями и потребностями выполнять различные требования социума (выраженные в своде законов, правил, нравственных и духовных канон и т. д.), ограничивать себя в определенной степени. Так, например, если хочешь есть – надо взять ложку, если хочешь проехать в автобусе – нужно купить билет, хочешь водить машину – необходимо получить водительское удостоверение и т. д. Свод данных ограничений, выдвигаемых обществом, может быть безмерен, равно как и количество желаний и потребностей, раскрывающихся как веер все с большим многообразием при удовлетворении первичных желаний и потребностей.

Я-3 «цель» при постоянном противоборстве внутренних сил Я-1 «хочу» и Я-2 «надо» призвано обеспечить как личности, так и обществу приемлемое решение, формируя так называемый вектор нормы – золотую середину между двумя полюсами: эгоистическим абсолютистским желанием и осознанием обязанности, колеблющимся от жертвенности до фанатизма. Я-3 «цель» в системе выражено идеалами, жизненными смыслами, ценностями, сформированными в ходе исторического развития культурой, религией, а также общественно-политическими формированиями. В случае отклонения вектора нормы в соответствии с жизненными установками Я-3 «цель» в сторону желаний, потребностей Я-1 «хочу», у личностей в обществе начинает преобладать ничем не ограниченный индивидуализм, правовой нигилизм, отсутствие социальной ответственности, потребительское отношение ко всему. В крайнем отклонении (либо полном устранении компонента Я-1 «хочу») происходит формирование преступного поведения личности, заинтересованной только в достижении своих потребностей в соответствии с убеждениями, правилами, ценностями: «мои права, мне все должны», «пусть весь мир подождет», «я и только я».

При отклонении вектора нормы в сторону Я-2 «надо» происходит абсолютизация требований, проявляющаяся в высоком понимании жертвенности, негативных формах радикализма, в нездоровом отношении к себе с акцентом на отказ от естественных потребностей. В случае полного нивелирования Я-1 «хочу» можем наблюдать формирование фанатичных настроений, типологию монаха с целями, ценностями, жизненными смыслами, направленными на удовлетворение требований условно определенного свода правил. Устранения компонента Я-3 «цель», обеспечивающего функционирование вектора нормы, приводит к дисбалансу всей системы, при котором внутренний конфликт подобен психическому заболеванию, когда хаос в поступках и решениях не позволяет структурировать и прогнозировать собственные действия. Наступает своеобразная шизофрения общества. Регулятор вектора нормы, выраженный в идеалах, жизненных смыслах, ценностях, таким образом, является важнейшим элементом координации общественного развития, обеспечивающим его равновесие и защиту от возможных деструктивных отклонений маятника, чреватых нестабильностью общественного развития, разбалансировкой или даже распадом общественного строя. Таким образом, здоровая целостная система предусматривает обязательное наличие всех трех составляющих.

Современный этап развития нашего общества – один из сложных и драматических исторических периодов, во многом весьма противоречивый. Общественные процессы затрагивают непосредственные жизненные интересы всех объективных их

участников, вызывают разное отношение и оценку, порождают определенные страхи, что общество потеряло или теряет накопленный авторитет тех или иных культурных, духовных ценностей. Ведь не секрет, что в такие переломные моменты протекает естественный процесс переосмысления прежних социальных, экономических и идеологических ориентиров, а также отказ от некоторых, а порой и очень многих, стереотипных представлений о ценностях.

Объективные обстоятельства таковы, что разные люди, группы, слои, общественные силы совершенно по-разному, вплоть до прямой противоположности, оценивают одни и те же социальные процессы и события, факты и явления культуры, научные достижения. О том, что это совершенно нормально, свидетельствует бурный процесс переоценки ценностей, который сегодня охватил практически все сферы жизни не только белорусского, но и мирового сообщества. Данный процесс, однако, протекает далеко не всегда гладко и однозначно.

По мнению многих социологов, отрицание прежних высших смыслов и идеалов объективно обусловило возникновение экзистенциального вакуума (мировоззренческой, смысловой, идеологической пустоты) в общественном сознании. По утверждениям авторитетного австрийского психолога В. Франкла, поиск смысла жизни – это основная мотивация человеческого бытия. Поэтому идейное опустошение 1990-х гг. на постсоветском пространстве закономерно привело к потере смысловых ориентиров, а затем и к полной дезорганизации. По утверждениям В. Франкла, «в наши дни у людей хватает средств на жизнь, но нет ничего, для чего стоило бы жить. Три грани этого синдрома – депрессия, агрессия, наркомания – обусловлены тем, что называется “экзистенциальным вакуумом” – чувством пустоты и бессмысленности жизни» [6].

На смену марксистско-ленинской доктрине в поисках утраченных смыслов были вживлены идеологические устои, основанные на либеральной системе взглядов на экономику и социум. То, что либеральные взгляды точно также формируют компоненту Я-3 «цель» свидетельствует, например, точка зрения австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса – одного из основоположников классического рыночного либерализма. Дабы подчеркнуть исключительную важность мировоззренческой (смысловой, идейной) составляющей во всякой, в том числе и либерально-рыночной, системе, ученый в фундаментальном труде «Либерализм в классической традиции» писал: «Человеческим поведением руководят идеи. Все, что делают (и имеют) люди, является результатом теорий, доктрин, убеждений и умонастроений» [7, с. 101].

Таким образом, в конце прошлого века в результате отказа от господствовавшей на постсоветском пространстве идеологии «ответственного» коллек-

тивизма в пользу пришедшей ей на смену идеологии либерального индивидуализма вектор нормы в структуре общества его целеполагания смещен в иное, диаметрально противоположное, положение с явным превалированием Я-1 «хочу» (см. рисунок). Роль механизмов, обеспечивающих здоровое общество, формирование основной составляющей (Я-3 «цель») как регулятора вектора нормы объективно возрастает, потому что без этого невозможно никакое развитие. Адекватное формирование ценностных установок, трансформация человека от крайних позиций отклонения в область эгоистичного «я хочу» к коллективистскому «я должен» подразумевает осознание того, что его предназначение сводится не только к потреблению, но и к жертвованию (благами, трудом, временем, жизнью) во имя своих семьи, народа, государства, человечества в целом (рисунок).

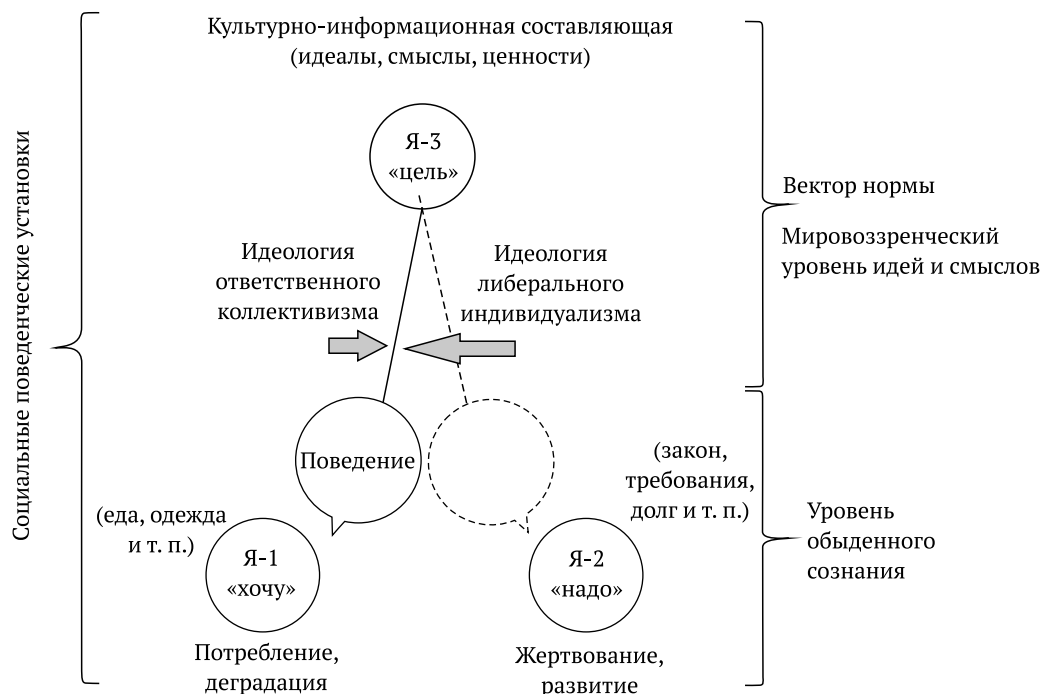
Каждый участник общественных процессов, от наемного работника до владельца крупного бизнеса, обречен постоянно решать одну и ту же хозяйственную задачу: «Что делать с полученным доходом: банально потратить на текущее личное потребление или пожертвовать сиюминутными потребностями во имя развития, ради будущего, во благо потомков?»; «Израсходовать заработную плату на отдых у моря или отложить ее на учебу своих детей?»; «Купить престижный автомобиль либо построить квартиру своим внукам?»; «Приобрести роскошную яхту или инвестировать в создание нового предприятия?». Эти и множество других аналогичных проблем, сводящихся к фундаментальной дилемме «проедание или инвестирование», ежегодно, еже-

дневно, ежечасно решаются в системе базовых координат «я хочу», «я должен». Тем самым мы делаем принципиальный выбор между деградацией и развитием, а значит, между гибелью и выживанием.

Если в обществе процветает безответственное потребление, а его члены озабочены лишь частными интересами и индивидуальными запросами в ущерб развитию, то текущее благоденствие неминуемо рано или поздно будет парализовано общественными болезнями глубинных материй.

При этом очевидно и то, что выбор в направлении вектора нерационального «я должен» в ущерб прагматично-расчетливому «я хочу» может быть сделан исключительно под воздействием общественных институтов, формирующих в обществе нерасчетливые идеалы, непрактичные высшие ценности и смыслы, мало чего общего имеющие с примитивной жадой потребления, удовольствий и денег. В этом смысле идеология есть ключевой источник конкурентоспособности экономики, фундамент государственности, основа выживания нации. Идеология – это важнейший политико-экономический институт, недооценка значимости которого чревата нравственной деградацией нации, разрушением экономики, потерей суверенитета, гибелью национального государства.

В ходе исследований Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета было отмечено, что неизбежным компонентом трансформации структуры общественного сознания выступает ценностный конфликт. При этом изменение менталитета напрямую связано с процессом социализации и в отличие

Модель формирования «вектора нормы» в социуме
Formation model of the norm vector in society

от политических, экономических трансформаций не может подвергаться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут вызывать кризис личности и системы. Люди становятся заложниками событий, которыми не умеют управлять, оказываются в социально-психологическом напряжении, состоянии травмы [8].

В связи с этим одна из узловых и наиболее сложных задач государства связана с формированием в самых разных группах населения целостной здоровой системы общественного развития. Ценности невозможно навязать, это индивидуальный путь каждого. В то же время общество должно активно участвовать в формировании жизненных смыслов, мировоззренческих и культурных установок, преемственности традиций и ценностей. Одновременно сложность состоит в том, что задачей общества и государства при формировании целеполагающих установок (вектора нормы) личности становится смещение влияния и регламентирующего ресурса в сферу мотивации, побуждения человека на платформе преемственности социальной деятельности, активной гражданской позиции. Для того чтобы жить и действовать с большей эффективностью и с наименьшими потерями, общество должно освоить те духовные ценности, которые создали предшествующие поколения, обеспечить их преемственность.

Целостность личности во многом определяется тем, что человек всегда ориентирован на определенную систему ценностей, которая в структуре личности является центром, определяющим жизненную направленность поведения.

Ценностная установка всегда действует на основе избирательного отношения человека к материальным и духовным благам. Это проявляется в отношении человека к усвоению социальных норм, в выборе профессии и вида деятельности, в определении круга друзей, идеалов и жизненных целей. Объединяя определенные интересы разнообразными идейными, нравственными и эстетическими средствами, система ценностей оказывается важнейшим источником непосредственных мотивов поведения, основным регулятором общественной деятельности.

В условиях глобальной информатизации общества, возрастающей динамики всех социальных процессов основная роль в формировании ценностных ориентаций личности и общества переходит к медиакультуре и средствам массовой информации. Даже о традиционной национальной культуре современный учащийся узнает, как правило, из интернет-источников, знакомство с информацией в сети в урбанизированном мире все чаще предшествует знакомству с материальными воплощениями. Именно медиакультура и СМИ, контент национальных интернет-ресурсов становятся основными

инструментами развития культурологической составляющей социальных процессов.

Современный социум ставит перед собой сложнейшую проблему подготовки индивида к жизни в поликультурном мире, где личность, сохраняя идентификацию с определенной культурой, вырабатывает в себе способность усваивать общечеловеческие ценности, пользоваться возможностями мировых информационных систем, взаимодействовать с представителями разных культур. Становление личности изначально связано с освоением ценностей и нормативов культуры, механизмов взаимодействия в социуме, духовно-нравственных, профессионально-трудовых, общественно-политических, идеологических и других социальных функций.

Академик В. С. Стёпин определяет культуру как сложную и непрерывно развивающуюся систему, духовный мир, в котором аккумулируются как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений. Кроме этого, он представляет развитие культуры как формирование новых кодовых систем, фиксирующих программы социального поведения, общения и деятельности [9, с. 42, 49]. Осознание культуры как кодовой системы, способа кодирования социально значимой информации как никогда актуализирует роль СМИ. Широкие возможности современных средств массовой информации вызывают необходимость изучения механизмов их функционирования и развития, эффективности влияния СМИ на формирование идеалов, смыслов, ценностей, духовной связи и исторической преемственности поколений. В отличие от традиционного подхода к изучению эффективности СМИ, ограниченного анализом потребления аудиторией информации, при котором измеряются главным образом охват СМИ, их многомиллионная аудитория, системный подход позволяет обнаружить, что масштаб реального влияния СМИ на социальную активность личности еще далек от ожидаемого. Информация обретает новые формы, меняет специфику так, что, по мнению исследователей, больше трети общего объема информации, сообщаемой СМИ, опосредуется и затем передается через неформальные контакты [10, с. 26].

Значение СМИ действительно весьма велико в современном мире. Именно СМИ в значительной мере формируют наше мировоззрение, взгляды и убеждения. Поэтому не беспочвенны опасения многих людей, что СМИ активно используются для воздействия на общество и манипулирования им. Глобальная информатизация и компьютеризация общества дают невиданные раньше широчайшие возможности контролировать сознание и поведение граждан, они делают технически возможным управление индивидуальным и массовым сознанием и поведением. СМИ стали мощнейшим сред-

ством и инструментом «целенаправленного конструирования политических порядков» [11, с. 403]. Проникновение СМИ в жизнь современного общества чрезвычайно многоаспектно. СМИ, взятые как целое и являющиеся важной составной частью массовой коммуникации общества, несут в себе различные социальные роли, многие из которых в зависимости от числа типичных социальных ситуаций приобретают особую общественную значимость. Это могут быть роли организатора, объединителя общества, его просветителя, формирующие единые социокультурные ценности. Но они могут выполнять и дезинтегрирующую, разъединительную функцию, разрушительную для личности и культурного пространства.

Деятельность СМИ оказывает исключительно большое влияние на социально-психологический и нравственный облик каждого из членов современного общества, на формирование общественного сознания и жизнь общества в целом. Это обусловлено тем, что всякая новая информация, поступающая по каналам СМИ, соответствующим образом стереотипизирована и несет в себе многократно повторяемые социально значимые ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей: «Информация есть передача, циркулирование отраженного и взаимоотраженного многообразия жизненного пространства человека» [12, с. 22]. В кризисные периоды исторического развития, как отмечал Г. Блумер, люди, находясь в состоянии социального беспокойства, особенно подвластны внушению, легко откликаются на различные новые стимулы и идеи, а также более подвержены информационному воздействию [13, с. 173].

Характерной особенностью начала XXI в. является бурный процесс информатизации всех сфер современного общества, в связи с чем наблюдается рост значимости информационных технологий, преобразующих традиционные культуры в новые современные формы жизнедеятельности. Одной из таких новых форм сегодня является медиакультура. Сам термин «медиа» (от лат. *medium* – средство, посредник) первоначально был введен для обозначения феномена массовой культуры (*mass culture, mass media*). Что касается понятия «медиакультура», то оно введено для обозначения особого типа культуры информационного общества, являющегося посредником между обществом и государством, традиционной, «базовой», культурой и ее новыми формами. Медиакультура развивается в общем культурном пространстве и выступает не только проводником, но и регулятором отношений, воздействуя на личность не прямо, а опосредованно, преломляясь через ее внутреннее духовное содержание.

В целом медиакультуру можно определить как совокупность информационно-коммуникационных средств, интеллектуальных и материальных ценностей, выработанных человечеством в процессе

культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Сегодня медиакультура – это прежде всего интенсивность информационного потока, средство комплексного освоения человеком окружающего мира в его социальных, нравственных, интеллектуальных и иных аспектах. В данных условиях чрезвычайно важным является духовно-ценностное становление и развитие личности, которая является мощным стратегическим ресурсом государства. И от того, с каким багажом знаний и умений, духовным опытом и с какими мировоззренческими установками она выйдет в самостоятельную жизнь, будут зависеть перспективы развития Беларуси.

В связи с возрастанием степени влияния медиапространства, интернет-среды на общество и вовлечением широких слоев населения в виртуальные коммуникации, можно говорить о функциях инкультурации и социализации киберпространства, формирующего идеологические установки, жизненные стратегии и ценностные ориентации. Негативным аспектом данного процесса является то, что медиасреда как опосредованно, так и целенаправленно формирует шаблонное мышление, лишая личность творческого начала, социально-культурной активности. К основным признакам целевого воздействия на массовое сознание относятся упрощение подачи любого информационного материала, проявляющееся в терминологии борьбы, нетерпимости, культе противопоставления, апелляции к архетипам, исторической памяти.

Упрощенная подача материала, ориентация на формирование клиповости и бессистемности сознания заменяет сформированные веками социокультурные коды заимствованными нормами и ценностями, чуждыми тому или иному обществу. Поэтому обоснованно говорить о переориентации основной целевой функции СМИ с информационной (ознакомительной, ретранслирующей) на функцию влияния, целенаправленного воздействия.

В управлении социальными процессами СМИ, таким образом, становятся средствами не массовой информации, а массового воздействия (СМВ), одним из факторов обеспечения национальной безопасности государства. Именно данное определение необходимо принимать во внимание обществу, стремящемуся сохранить свою самобытность, историческую преемственность, здоровье социума.

Печатные и электронные СМИ, интернет как источники информации и каналы для работы с ней в совокупности выступают как информационное поле того или иного государства. Для получения полного представления о ситуации в государстве и в целях прогнозирования развития событий в будущем в ходе исследования должно быть изучено воздействие названного поля на население и его влияние на оценку ситуации в стране и обществе.

Информационное поле – это устойчивая совокупность социальных связей и отношений, в которых информация выступает как социально-политический ресурс, а СМИ – как социальный и политический институт. Данное поле можно трактовать как пространство, имеющее общие исторические, географические, политические, экономические, национальные и культурные границы, а также определенный на каждый временной отрезок набор субъектов данного поля, участвующих в сборе, переработке, хранении, интерпретации и распределении информации. Одной из основных функций названного поля является информирование общества о процессах в названных ключевых сферах жизни, разъяснение особенностей изменения ситуации в стране и обществе и т. д. В связи с этим предметом дальнейшего анализа должно стать явление, которое можно определить как «информационное воздействие».

Информационное воздействие представляет собой форму влияния на процессы формирования сознания людей, осуществляемое с применением ресурса СМИ в целях изменения уже существующих оценок ситуаций, личных мнений, убеждений, ценностей, жизненных стратегий, национальной и культурной идентичностей и для формирования иных поведенческих реакций на происходящие события.

Позитивное информационное воздействие характеризуется положительным влиянием на формирование личностных установок и ценностных ориентаций. При этом получаемая информация должна помочь пользователю правильно проанализировать и понять суть происходящего для принятия поведенческих решений. Примерами позитивного информационного воздействия могут выступать патриотическое воспитание, политика образования и просвещения, направленные на предотвращение национальных, религиозных и социальных конфликтов.

Негативным информационным воздействием является заведомо ложная, искаженная и провокационная информация. Она рассчитана на изменение мировоззрения индивида, что ведет в последующем к совершению неосознанных радикальных поступков.

Следует отметить, что ресурсы и технические возможности интернета и социальных сетей позволяют осуществлять наполнение и передачу информационного контента, как негативно, так и позитивно влияющего на взгляды, оценки и суждения населения. Например, ресурсы СМИ и социальных медиа активно используются противоборствующими сторонами в политическом конфликте. Как правило, начальной фазой информационного противостояния выступает увеличение материалов и иных форм информационной активности (нагнетание обстановки) в целях привлечения внимания к воз-

никающему противоречию или проблемной ситуации. Следующим этапом выступает завоевание аудитории либо консолидация потребителей информационного продукта вокруг рассматриваемого противоречия. Третий этап – массивная информационная обработка аудитории, насыщение информационного пространства материалами и сведениями, позволяющими привлечь часть аудитории на свою сторону. Заключительным этапом является управляемая стороной конфликта итоговая реакция аудитории [14, с. 95].

Информационное воздействие традиционных СМИ и интернета (включая социальные медиа) выступает одним из факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций личности. Медиапространство в целом создает условия для возникновения устойчивого интеллектуального фона, который формирует восприятие и последующую поведенческую реакцию индивида на происходящие в стране и мире события. Чрезвычайно высока роль информационного воздействия на понимание людьми качества, функционирования, эффективности основных жизненных сфер (экономической, социальной, политической и духовной) и их оценку. Общее суждение о происходящем влияет на характер поведенческих установок. От этого, в свою очередь, зависит стабильность и спокойствие в государстве. Как отмечается в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Усиливается влияние СМИ на общественную жизнь, активно распространяется практика целенаправленного, в том числе негативного, внешнего информационного воздействия [15]. Поэтому в современном обществе такие понятия, как «культура», «религия», «образование», «идеология», «СМИ» выступают в качестве важнейших элементов, формирующих все стороны развитую личность и общество, обеспечивающих национальную безопасность.

Человек, как существо социальное, наделенное сознанием, может выбирать из многих возможных тот или иной образ жизни, то или иное поведение, тот или иной поступок, он имеет все возможности для того, чтобы ориентироваться в своей жизнедеятельности на широкий круг интересов. В этих условиях на первый план выходит социокультурная составляющая социальных процессов, поиск общих консолидирующих оснований, которые объединяют различные по интересам группы людей. Поиск этих оснований актуализирует тему национальной идентичности. Под идентичностью все чаще понимают как традиционные понятия коллективного самоопределения, так непосредственно и механизмы его формирования, встроенность в глобальные социальные процессы. Исторически Беларусь всегда служила своеобразным мостом между Востоком и Западом, гармонично сочетая в себе чер-

ты различных культур и традиций. Отсутствие противопоставлений с иными культурами свидетельствует о таких отличительных чертах белорусского общества, полученных в процессе развития, как толерантность, мобильность, ценностное измерение. Сама же белорусская модель развития представляет собой не противопоставление западным нормам и ценностям, а синтез с ними, конвергенцию. Работа по противодействию современным источникам внешних и внутренних угроз нуждается в постоянном совершенствовании и коррекции на основании результатов серьезных научных исследований. Решение названных задач, как показывает мировой опыт, невозможно без наличия объективной, достоверной и, что немаловажно, своевременной информации. Действенным инструментом получения такой информации является социологическая наука,

методологический инструментарий которой позволяет сформировать комплексную, содержательную концепцию минимизации факторов дестабилизации и противодействия им, основанную на качественном аналитическом материале и эмпирических данных. Проведенный нами анализ результатов многочисленных исследований, проводившихся на протяжении многих лет ведущими социологическими службами Республики Беларусь, показывает, что выявление проблем, связанных с воздействием дестабилизирующих факторов, должно осуществляться путем постоянного изучения особенностей и качественных характеристик функционирования основных сфер жизни общества и определением так называемого эффекта воздействия содержательных характеристик этих сфер как на отдельных индивидов, так и на общество в целом.

Библиографические ссылки

1. Эйнштейн А. *Собрание научных трудов*. Том 4. Москва: Наука; 1967.
2. Шавель С.А. *Общественная миссия социологии*. Минск: Белорусская наука; 2010.
3. Данилов АН. *Переходное общество: проблемы системной трансформации*. Минск: Харвест; 1998.
4. Ариарский МА. *Педагогическая культурология. Методология и методика постижения культуры. Том 1*. Санкт-Петербург: Концерт; 2012.
5. Парыгин БД. *Основы социально-психологической теории*. Москва: Мысль; 1996.
6. Виктор Франкл. *Человек в поисках смысла*. Маркус М, переводчик [Интернет] [процитировано 25 ноября 2016]. Доступно по: <http://lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt>.
7. Людвиг Мизес фон. *Либерализм в классической традиции*. Москва: Социум; 2001. Совместное издание с «Экономика».
8. Ротман ДГ, Данилов АН, Булышко ДМ, Белов АА, Воднева АН, Согдаева ЛА, и др. *Ценностный мир современного человека: Страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей*. Минск: Белорусский государственный университет; 2016.
9. Степин ВС. *Цивилизация и культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2011.
10. Мухамедова ЛН. *Регионально-психологические факторы профессиональной подготовки управленческих кадров в системе образования*. Москва: Издательство Российской академии государственной службы; 1998.
11. Соловьёв АИ. *Политология: политическая теория, политические технологии*. Москва: Аспект Пресс; 2001.
12. Попов ВД. *Информациология и информационная политика*. Москва: Российская академия государственной службы; 2001.
13. Блумер Г. Коллективное поведение. В: *Американская социологическая мысль*. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; 1994.
14. Посталовский АВ. Феномен информационного воздействия в современных социально-политических конфликтах. *Вестник БДУ. Серия 3. История. Экономика. Права*. 2013;1:94–97.
15. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 года № 575. В редакции от 24 января 2014 [Интернет]. Минск; 2016.

References

1. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov. Tom 4* [Collection of scientific papers. Volume 4]. Moscow: Nauka; 1967. Russian.
2. Shavel S. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [Public mission of sociology]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2010. Russian.
3. Danilov AN. *Perekhodnoe obshchestvo: problemy sistemnoi transformatsii* [Transitional society: Issues of transformation]. Minsk: Harvest; 1998. Russian.
4. Ariarskii MA. *Pedagogicheskaya kul'turologiya. Metodologiya i metodika postizheniya kul'tury. Chast' 1* [Teaching cultural studies. Methodology and methods of comprehension of culture. Volume 1]. Saint-Petersburg: Concert; 2012. Russian.
5. Parygin BD. *Osnovy sotsial'no-psikhologicheskoi teorii* [Fundamentals of social and psychological theory]. Moscow: Mysl'; 1996. Russian.
6. Viktor Frankl. *Man's Search for Meaning*. Markus M, translator [Internet] [cited 2016 November 25]. Available from: <http://lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt>. Russian.
7. Ludwig Mises von. *Liberalismus*. Jena: Verlag von Gustav Fischer; 1927. Russian edition: Ludwig Mises von. *Liberalizm v klassicheskoi traditsii*. Moscow: Society; 2001. Co-published by the «Economy».
8. Rothman DG, Danilov AN, Bulynko DM, Belov AA, Vodneva AN, Soglaeva LA, et al. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: Strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei*

[Value world modern man: the Countries of the Eastern partnership, the European Union and Russia in international projects for the study of values]. Minsk: Belarusian State University; 2016. Russian.

9. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2011. Russian.

10. Mukhamedova LI. *Regional'no-psikhologicheskie faktory professional'noi podgotovki upravlencheskikh kadrov v sisteme obrazovaniya* [Regional psychological factors of professional training of managerial personnel in the education system]. Moscow: Publishing House of Russian Academy of Government Employment; 1998. Russian.

11. Soloviev AI. *Politologiya: politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii* [Political science: political theory, political technologies]. Moscow: Aspect Press; 2001. Russian.

12. Popov VD. *Informatsiologiya i informatsionnaya politika* [Information science and information policy-methodology. Allowance]. Moscow: Publishing House of Russian Academy of Government Employment; 2001.

13. Blumer H. Collective Behavior. In: Lee AM. *Principles of Sociology*. New York: Brames and Noble; 1951. p. 67–121.

Russian edition: Blumer G. Kollektivnoe povedenie. In: *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'*. Moscow: Publishing House of Lomonosov Moscow State University; 1994.

14. Postalovski AV. [The Phenomenon of informational influence in the contemporary socio-political conflicts]. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Jekanomika. Prava*. 2013;1:94–97. Russian.

15. About the approval of the Concept of national security of the Republic of Belarus: Decree of the President of Republic of Belarus, 2010 November 9, No. 575. Amended 2014 January 24 [Internet]. Minsk; 2016. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2019.
Received by editorial board 23.01.2019.

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

А. В. ПОСТАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета,
ул. Академическая, 25, 220072, г. Минск, Беларусь

Приводится социологический анализ роли средств массовой информации в процессах дестабилизации социально-политических систем на примере изучения конфликтогенного поля постсоветского пространства. Рассмотрены вопросы формирования в социологической теории концепции дестабилизации, которая дополняет классическую теорию революции, основанную прежде всего на обязательной детерминации революционного процесса, экономическими факторами. Эмпирически проверена гипотеза С. Хантингтона о ценностных ориентациях и культурных различиях как источниках возникновения инвариантных форм конфликтности в современных условиях развития общества.

Ключевые слова: средства массовой информации; трансформация; дестабилизация; ценности; революция.

MEANS OF MASS INFORMATION AND DESTABILIZATION OF SOCIETY: THE ASPECTS OF INTERRELATION

A. V. POSTALOVSKY^a

^aCenter for Sociological and Political Researches, Belarusian State University,
25 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article is devoted to the sociological analysis of the role of mass media in the processes of destabilization of socio-political systems on the example of the study of the conflict-prone field of the post-Soviet space. The questions of formation in the sociological theory of the concept of destabilization, which complements the classical theory of revolution, based primarily on the mandatory determination of the revolutionary process of economic factors. Hypothesis C. Huntington is empirically tested. on the hypothesis of value orientations and cultural differences as sources of invariant forms of conflict in modern conditions of society.

Key words: mass media; transformation; destabilization; values; revolution.

В современную эпоху развития информационно-общества и существенного влияния информационно-коммуникационных технологий на ценностные ориентации и жизненные установки личности особую значимость приобретают вопросы сохранения (поддержания) стабильного функционирования

социально-экономических систем. Неупорядоченные потоки воспроизводства и распространения массовой информации, а также возрастающая популярность сетевых ресурсов формируют в своем содержании вызовы в адрес стабильности социума и угрозы для ее сохранения. Формирование кли-

Образец цитирования:

Посталовский АВ. Средства массовой информации и дестабилизация общества: аспекты взаимосвязи. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:45–51.

For citation:

Postalovsky AV. Means of mass information and destabilization of society: the aspects of interrelation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:45–51. Russian.

Автор:

Александр Владимирович Посталовский – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Alexander V. Postalovsky, PhD (sociology); leading researcher.
postalnio@tut.by

пового сознания как формы адаптации к значительным объемам информации, распространяемой в сетевом пространстве, привело к снижению критического и аналитического усвоения информационного контента. В указанных контекстах средства массовой информации и социальные медиа перестали быть просто инструментом информирования личности о повседневных и происходящих в стране и мире событиях. Информационные ресурсы в данном случае выступают в качестве формы воздействия на конечные поведенческие реакции индивидов с последующим управлением общественным мнением в отношении конкретных событий и социальных фактов.

В указанных контекстах управление информационным воздействием, в частности негативным информационным контентом, создает условия для возникновения состояния дестабилизации общества. Дестабилизация представляет собой «комплекс технологий, направленных на приведение социальной системы в нестабильное состояние, результатом которого выступает коллапс существовавших ранее социальных норм и отношений, приводящий к полному радикальному изменению структуры социальной системы или к неупорядоченному конфликтогенному ее состоянию» [1, с. 63].

Как показали примеры социально-политических конфликтов последнего десятилетия, произошедших на постсоветском пространстве («сиреневая революция» в Молдове 5–12 апреля 2009 г., «дынная революция» в Киргизии 6 апреля – 15 июня 2010 г., Евромайдан в Украине 21 ноября 2013 г. – 23 февраля 2014 г., «бархатная революция» в Армении 13 апреля – 8 мая 2018 г.), активное применение ресурса СМИ и социальных медиа привело к эскалации конфликтогенности. По мнению Л. Х. Ибрагимова, именно «с развитием информационно-коммуникационных технологий и становлением глобального общества усилилась роль экзогенных факторов, способных привести к дестабилизации политического режима. Современные коммуникационные технологии позволяют различным внешнеполитическим акторам дестабилизировать политическую ситуацию в необходимом регионе мира посредством искусственной дестабилизации действующей власти» [2, с. 25]. Описанные тенденции выступили источником формирования исследовательского поиска феномена дестабилизации как принципиально новой стадии циклического функционирования общества в период социально-политических противоречий.

В социологической теории изучение стабильного функционирования социальных систем нашло отражение в работах Н. Лумана, Т. Парсонса, К. Дэвиса, Д. Истона. Фундаментальные труды классиков теоретического социологического знания посвящены аспектам достижения линейного равновесия системы, предполагающей социальное благообразие и интегративный порядок внутренних взаимо-

связей системы. При этом представителей системной теории отличало идеалистическое восприятие функционирования общества, которое в их концептуальных трудах выступало в качестве бесконфликтной модели социума. Данный недостаток системно-стабильной модели, равно как и склонность современного общества к конфликтам, противоречиям и дестабилизациям, отмечают в своих трудах Р. Дарендорф, Л. Козер, Р. Мертон, П. Сорокин. Социальная система имеет как явные, так и латентные дисфункции (инвариантная форма дестабилизации) в интерпретации Р. Мертона, равно как социальные конфликты являются естественным состоянием общества (Л. Козер). Разрешение конфликтной ситуации обязательно приводит к последующей трансформации общественной системы, переходя на новый уровень развития (Р. Дарендорф). Также заслуживают внимания труды специалистов М. С. Ельчанинова, А. И. Пригожина, И. Стенгерса в области синергетики, рассматривающей такие вопросы, как самоорганизация социальных систем, формирование структурного порядка посредством преодоления хаотичного движения сегментов и общетеоретические аспекты стабилизации или дестабилизации системного состояния общества.

Формирование теоретико-методологического инструментария социологии дестабилизации и применение ресурса СМИ для нарушения стабильности состояния политических систем являются научно-теоретическим развитием концепции революции как радикальной формы трансформации общества. Если революция в классическом понимании выступает закономерным итогом исторического процесса и смены общественно-экономических формаций, то дестабилизация представляет собой комплекс организационно-технических мер, в том числе и акцентированного негативного информационного воздействия на сознание и поведенческие установки личности в условиях, когда видимых предпосылок для наступления революции не существует. Дестабилизация – это процесс умышленного приведения общества в неупорядоченное состояние, результатом которого являются социально-политические катаклизмы и иные девиации. Как отмечает И. В. Лиханова, «политическая нестабильность (дестабилизация), в отличие от неустойчивости политической системы, выражает кризисные ситуации иного порядка, необязательно сопровождающиеся логикой или преобразованием наличной политической системы, а скорее с серьезной перегруппировкой сил (например, правительственный кризис, вызванный внезапной сменой кабинета министров), <...> неустойчивость означает, что система при внешних воздействиях переходит в другое состояние» [3, с. 12].

Обязательным теоретико-методологическим элементом теории революции выступала экономическая детерминация революционного процесса. Эко-

номический кризис, неспособность государственного аппарата удовлетворить жизненные потребности населения, изменение форм собственности, условий труда – все эти аспекты в то или иное время оказывали воздействие на формирование революционного процесса. Дж. Голдстоун, изучая динамику революции, выделил условия для возникновения революционной ситуации: «Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия» [4, с. 39]. Однако, как показали результаты цветных революций, на постсоветском пространстве в 2003–2018 гг. кризисное состояние экономики далеко не во всех случаях являлось фактором дестабилизации политических режимов. Более того, революции происходили в государствах, характеризующихся относительно стабильным положением в экономической сфере (Грузия – в 2003 г., Украина – в 2004 г., Кыргызстан – в 2005 г.).

В указанных контекстах происходит содержательный пересмотр классической теории революции в социально-политических концепциях, в частности тезиса об обязательной экономической детерминации динамики революционного процесса. Теория дестабилизации политических систем дополнилась тезисом об «эффекте Токвиля» как обязательном атрибуте процесса дестабилизации. Содержанием дефиниции «эффект Токвиля» выступает «преувеличение в массовом сознании требований скорейшего разрыва с негативным прошлым и, как следствие, повышенная неудовлетворенность ходом происходящих перемен» [5, с. 371]. Революционные ожидания скорейших радикальных перемен трансформируются в общее недовольство действиями новых правящих элит, которые, по мнению участвующего в революции населения, недостаточно эффективно осуществляют разрыв с условно негативным прошлым. Агрессивная политика средств массовой информации в указанный период приводит к естественному повышению ожиданий от новых властей, которое сменяется разочарованием в отношении апологетов революции с последующим формированием среды для возникновения контрреволюции.

Анализируя динамику революционного процесса, П. Селле подчеркивает, что «основная идея состоит в том, что неожиданный экономический регресс не сопровождается своевременной и соответствующей корректировкой ожиданий. Ожидания продолжают расти, основываясь на предыдущем опыте общественного развития. <...> Следовательно

но, когда разрыв между ожидаемым и реальным уровнями развития достигает определенного предела, вспыхивает революция» [6, с. 371]. Собственно, разрыв между ожиданиями радикальной трансформации общества, сформированными во многом СМИ и революционным массовым сознанием, и реальным состоянием в рассматриваемый период приводит к дестабилизации политического режима.

Немаловажное значение также имеет наличие в конкретном обществе латентных факторов дестабилизации и скрытых неурегулированных социально-политических противоречий. Как отмечает Р. Дарендорф, «чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные (систематическое рекрутирование, коммуникация) и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, пороговыми, не переставая существовать» [7, с. 143]. Определенного рода противоречия и коллизии характерны абсолютно для любого общества, возникает вопрос лишь в конкретных формах и технологиях, которые способствуют тому, чтобы конфликт трансформировался из латентного состояния в открытое. В данном случае, учитывая негативный опыт реализации сценария цветных революций на постсоветском пространстве, эффективным инструментом перехода латентного конфликтного состояния в открытый радикальный политический конфликт выступают средства массовой информации и социальные медиа, которые посредством распространения негативного и провокационного информационного контента оказывают воздействие на поведенческие установки личности, требующие скорейшего разрыва с существующим социальным порядком.

Наглядным примером трансформации латентных факторов скрытой дестабилизации в радикальную фазу политического противостояния является распад СССР и актуализированные в связи с этим вопросы формирования в новых государствах национальной идентичности. Страны постсоветского пространства представляют собой потенциальное конфликтное поле, в котором вопросы национальной самоидентификации и «мягкого» сосуществования в конкретном территориальном пространстве представителей титульной нации и иных этнонациональных групп приобретают первостепенное значение. Конфликт в Приднестровье в 1992 г., война в Нагорном Карабахе 1992–1994 гг., проблема неграждан в Латвии и Эстонии, вооруженное противостояние в Донецкой и Луганской областях Украины в 2014–2015 гг. выступают наглядными примерами неразрешенной проблемы национальной самоидентификации и кризисной формы сосуществования в одном территориальном пространстве разных этносов. Как отмечает в своей работе С. Д. Кавтарадзе, «полиэтнический состав

населения на территории бывшего СССР и нынешних государственно-территориальных образований предопределяет тот факт, что практически любое внутреннее противоречие, любой социально-экономический или политический по своей природе конфликт начинает быстро обретать этническую окраску. Это зачастую углубляет и осложняет противоречия и придает конфликтам манифестный и, как правило, непримиримый характер» [8, с. 78]. Полиэтничность в условиях становления государственности вследствие распада некогда единого федеративного союзного государства выступает фактором конфликтогенного состояния общества. Средства массовой информации во многом провоцируют и стимулируют конфликтную ситуацию в обществе, поскольку новая власть стремится утвердить господство титульной нации и ее превосходство над этническим большинством. Немаловажное значение носит также актуализация в СМИ вопросов пересмотра содержания истории, в частности советского прошлого. В качестве наглядного примера неоднозначного отношения к прошлому выступает акция переноса памятника «Бронзовый солдат» в Таллине эстонскими властями в апреле 2007 г., что привело к массовым волнениям и протестам в Эстонии.

Этнополитические конфликты на территории постсоветского пространства характеризуются содержательной предметно-объектной разнонаправленностью. Для отдельных конфликтов характерно наличие ценностно-ментального противостояния титульной нации и национального меньшинства (проблема неграждан в Латвии и Эстонии, нагорно-карабахский конфликт). Также необходимо отметить противоречия между стремительно возрождающимся национальным самосознанием и консервативной советской идентичностью, присущей преимущественно русскоязычному населению, занятому в промышленном производстве. Как отмечают А. З. Дибиров и Е. В. Белоусов, «на постсоветском пространстве возник и начал разрастаться конфликт между “советской” идентичностью и официальным национализмом пришедших к власти элит, хотя степень развития этого конфликта напрямую зависела и от степени интенсивности националистических устремлений власти, и от степени организованности этнических меньшинств, и от степени полиэтничности общества» [9, с. 141]. В качестве примеров описанной модели идентификационного противостояния можно привести конфликты в Приднестровье (компактно проживающее на прилегающей к р. Днестр территории «промышленно-просоветское» население конфликтует с условной молдавско-румынской национально ориентированной частью общества) и в Украине (победившие в результате Евромайдана национальные элиты противостоят советской ментальности промышленного востока).

Указанные этнонациональные и идентификационные противоречия образуют такую форму социально-политических конфликтов, как конфликт идентичностей. Он представляет собой наличие конфронтационного противоречия между этносоциальными группами относительно права на господствующую самоидентификацию и национальную идею в пределах конкретного территориального пространства. Конфликты идентичности – это новые формы социально политических конфликтов, которые сменили традиционные социально-экономические противоречия и классовую борьбу эпохи классических революций. Как отмечает С. П. Хантингтон, «деление человечества времен холодной войны позади. <...> Более фундаментальные принципы деления человечества – этнические, религиозные и цивилизационные – остаются и становятся причиной новых конфликтов» [10, с. 90].

Наряду с формированием идентичности в новых независимых государствах постсоветского пространства происходит процесс построения государственности. Развитие идентичности и государственности имеет взаимозависимый характер, поскольку, с одной стороны, формируются государственные и политические институты, составляющие в совокупности конституционно-правовую основу суверенитета государства, а с другой – развитие национальной идентичности, в частности личностной национально-культурной самоидентификации, во многом способствует формированию национального самосознания и национальной идеи, которые выступают ценностно-идеологическим фундаментом устойчивого развития современного государства. Как отмечает А. Турен, «...призыв к идентичности сопровождается обращением к метасоциальному гаранту общественного порядка, в частности, к человеческой сущности или просто к некоей общности, характеризующейся ценностями, каким-либо природным или историческим атрибутом. <...> Национальное государство взывает к гражданственности и, соответственно, к патриотизму в противовес всем социальным, профессиональным и географическим различиям» [11, с. 78]. Также эти процессы взаимосвязаны в контексте кризисного состояния социума. Конфликт идентичностей обуславливает кризис государственности, равно как и несформированное национальное государство детерминирует противоречия между этносоциальными группами.

Как отмечает А. С. Панарин, «...самая большая тайна, ныне скрываемая от нас новой господствующей идеологией, состоит в том, что экономические отношения сами по себе не сплавляют людей» [12, с. 190]. Дифференциация, равно как и экономические отношения, не во всех случаях может выступить источником массовых конфликтов. В указанных контекстах, по мнению С. С. Жильцова, «сплавляет только духовность, общая культура и историческая память, которую сегодня так стара-

ются вытравить из сознания молодого поколения» [13, с. 25]. С. Д. Кавтарадзе пишет: «Национальность, этничность, культурно-религиозная принадлежность являются базовыми элементами самоидентификации индивидуумов и групп и тем самым представляют собой выражение жизненно важных принципов социального существования» [8, с. 197]. Обозначенные позиции исследователей по заявленному проблемному полю выступают формально-логическим объяснением принципиально новой фазы социально-политических противоречий – конфликтов идентичности.

Описанный выше тип конфликта активно используется в настоящее время на постсоветском пространстве. Если на первоначальных этапах функционирования государств бывшего СССР конфликты идентичности были обусловлены полиэтничностью населения и ценностно-ментальными противоречиями новой национальной идеологии и советского жизненного уклада, то в настоящее время можно наблюдать активно инспирируемые извне формы национально-культурной конфронтации. Внешнее давление вместе с негативным информационным воздействием формируют очаги идентификационной конфликтности, что приводит к социально-политическим потрясениям внутри государства, в котором отсутствуют монолитная национальная идея и парадигмальный вектор социально-экономического развития.

Описанная инновационная форма конфликтности предполагает трехсторонний формат участия. Внутри конкретного государства происходят противоречия относительно права на ценностно-ментальное господство определенного варианта содержания национально-культурной идентификации. В свою очередь внешний субъект геополитики активно поддерживает конкретную сторону конфликта, что приводит к его последующей радикализации. В качестве примера можно привести поддержку Рос-

сийской Федерацией сторонников федерализации Украины, что привело к жесткой конфронтации как внутри самой Украины, так и в отношениях между странами. Элементы трехстороннего формата конфликтной идентичности встречаются также в цветных революциях, проходящих в 2003–2010 гг. на постсоветском пространстве, инспирируемых США в рамках реализации внешнеполитической стратегии мягкой силы, и в «пятидневной войне» России и Грузии в августе 2008 г.

Изучая феномен дестабилизирующего воздействия разного рода факторов, была сформулирована гипотеза, в соответствии с которой рискогенным направлением, уязвимым для деструктивного воздействия, выступают ценностные ориентации личности. В соответствии с концепцией культурно-цивилизационного конфликта социокультурных миров С. Хантингтона именно ценности и культурные различия выступают в настоящее время источником инвариантных форм конфликтности. В указанных контекстах приобретают значение не столько ценности в целом, сколько необходимые условия для их реализации. Учитывая описанный выше тезис С. Хантингтона, Центром социологических и политических исследований БГУ была проведена проверка данной гипотезы в рамках научно-исследовательской работы «Разработка комплекса технологий эффективного противодействия дестабилизирующим факторам современного мира для обеспечения устойчивого развития Республики Беларусь» посредством организации и проведения массового опроса населения. Выборка состояла из 1500 респондентов, проживающих в 94 населенных пунктах страны: большие, средние, малые города, поселки городского типа и села. Отбор населенных пунктов осуществлялся по жребию в каждой из обозначенных групп. Ошибка репрезентативности не превысила допустимый уровень и составила +2,2, показатель недостижимости составил 19 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, созданы ли на сегодняшний день в нашей стране условия для реализации перечисленных базовых ценностей?»

Table 1

Distribution of answers to the question: «In your opinion, have conditions been created in our country today for the implementation of the listed basic values?»

Переменные	Ответы				
	Да, созданы в полной мере	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет, не созданы	Трудно сказать определенно
Работа	13,9	32,5	32	16	5,6
Семья	29,2	47,6	14,9	4,1	4,2
Друзья и знакомые	30	49,8	7,6	2	10,6
Досуг	26,7	44,4	18,2	5	5,7
Здоровье	19,8	42,2	24,7	9,6	3,7
Политика	11,6	28,9	23,7	12,5	23,3
Религия	41,7	41,6	6,1	1,1	9,5

Необходимо отметить, что для работы как ценности не всегда создаются определенные условия реализации, что коррелирует с экономическим компонентом протестного потенциала, выявленного в показателях ухудшения материального положения. Соответственно, отсутствие или недостаточность условий реализации в данном случае будет выступать фактором потенциальной дестабилизации. Как отмечает в своей работе «Социология революции» П. А. Сорокин, «непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстин-

ктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [14, с. 272]. Соответственно, если будут отсутствовать каналы реализации ценностных ориентаций, то будут создаваться условные препятствия для изначально латентного, а впоследствии и реального публичного протеста, поскольку отсутствие необходимых условий для реализации ценностей непременно приведет к росту социальной напряженности в обществе. Указанная тенденция эмпирически подтверждается данными, представленными в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Можно ли утверждать, что отсутствие условий для реализации важнейших базовых ценностей влияет на определение избирателями своей позиции в ходе голосования на выборах органов государственной власти?»

Table 2

Distribution of answers to the question: «Is it possible to assert that the lack of conditions for the implementation of the most important basic values influences the determination by voters of their position during the voting in elections of state bodies?»

Варианты ответов	Ответы, %
Да, можно утверждать	39,5
Скорее можно	36,3
Скорее нельзя	5,6
Нет, так утверждать нельзя	7,0
Трудно сказать определенно	11,6

Почти 40 % респондентов согласны с утверждением о том, что отсутствие условий для реализации важнейших базовых ценностей влияет на определение избирателями позиции в ходе голосования на выборах органов государственной власти. Соответственно, в данном случае отсутствие условий влияет не только на электоральные предпочтения, но и на показатели доверия к политическим институтам и власти в целом.

Таким образом, необходимо отметить следующее. В современных условиях развития общества и возрастания спроса на распространяемую в социальных медиа информацию особое значение приобретают вопросы сохранения стабильности общественно-политических систем как гаранта социального порядка в государстве. Анализ социально-политических конфликтов на постсоветском пространстве показывает, что экономический компонент перестал быть обязательным атрибутом детерминации революционного процесса и иных форм

политических катаклизмов. Помимо кризисного состояния экономики для проявления конфликтности в открытых формах достаточно наличия дестабилизирующих факторов, которые посредством ресурса СМИ и иных технологий распространения негативного информационного контента в социальных медиа приводят к дестабилизации общества. К таким факторам относятся завышенные ожидания революционно настроенных индивидов в отношении скорейшего разрыва с прошлым и формирующееся недовольство ходом происходящих перемен, конфликт ценностей и противоречия в отношении национальной идентичности, а также полиэтничность социальных групп. В указанных контекстах приобретают особое значение технологии трансформации латентного состояния имеющихся в обществе противоречий в открытое политическое противостояние, радикальная фаза которого обусловлена во многом агрессивной политикой СМИ в отношении проблемных и дискуссионных вопросов.

Библиографические ссылки

1. Посталовский АВ. Технологии дестабилизации информационного поля средствами сетевой виртуальной медиакоммуникации. *Вестник Мазілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D. Эканоміка. Сацыялогія. Права.* 2018;1:61–70.
2. Ибрагимов ЛХ. *Технологии интернет-коммуникации как инструмент дестабилизации политических режимов* [автореферат диссертации]. Москва: Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II; 2016. 28 с.

3. Лиханова ИВ. *Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций* [автореферат диссертации]. Москва: Академия федеральной службы безопасности Российской Федерации; 2010. 25 с.
4. Голдстоун Д. *Революции. Очень краткое введение*. Яковлев А, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. 200 с.
5. Наумов АО, Наумова АЮ, Авдеев ВЕ. *«Цветные революции» на постсоветском пространстве*. Санкт-Петербург: Алетей; 2014. 164 с.
6. Селле П. J-кривая Дэвиса. Когда происходят революции? В: Ларсен СУ, редактор. *Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза*. Жукова ЕП, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2009. с. 371–387.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. Степанова ВМ, переводчик. *Социологические исследования*. 1994;5:142–147.
8. Кавтарадзе СД. *Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве*. Москва: Экзамен; 2005. 224 с.
9. Дибиров АЗ, Белоусов ЕВ. Война идентичностей. *Вестник института социологии*. 2014;4:127–147.
10. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Велимеева Т, переводчик. Москва: АСТ; 2006. 571 с.
11. Турен А. *Возвращение человека действующего. Очерк социологии*. Сомарий СА, переводчик. Москва: Научный мир; 1998. 206 с.
12. Панарин АС. *Народ без элиты*. Москва: Алгоритм; 2006. 352 с. Совместное издание с «Эксмо».
13. Жильцов СС. *Неоконченная пьеса для «оранжевой» Украины. По следам событий*. Москва: Международные отношения; 2005. 264 с.
14. Сорокин П. *Социология революции*. В: Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва: Политиздат; 1992. с. 266–294.

References

1. Postalovsky AV. The technologies of information filed destabilization by the virtual media communications means. *Vesnik Magiljowskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja A. A. Kuljashova. Seryja D. Jekanomika. Sacyalogija. Prava*. 2018;1:61–70. Russian.
2. Ibragimov LH. *Tekhnologii internet-kommunikatsii kak instrument destabilizatsii politicheskikh rezhimov* [Technologies of Internet communication as a tool of destabilization of political regimes] [dissertation abstract]. Moscow: Russian University of Transport; 2016. 28 p. Russian.
3. Likhanova IV. *Destabilizatsiya politicheskogo protsessa kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii v kontekste sotsial'nykh transformatsii* [Destabilization of the political process as a threat to the national security of Russia in the context of social transformations] [dissertation abstract]. Moscow: Academy of Federal Security Service of Russian Federation; 2010. 25 p. Russian.
4. Goldstone D. *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2013. 168 p.
Russian edition: Goldstone D. *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie*. Yakovlev A, translator. Moscow: Publishing House of Gaidar's Institute; 2017. 200 p.
5. Naumov AO, Naumova AY, Avdeev VE. *«Tsvetnye revolyutsii» na postsovetском prostranstve* [«Color revolutions» in the former Soviet Union]. Saint-Petersburg: Aletheya; 2014. 164 p. Russian.
6. Selle P. [J-Davis curve. When do revolutions occur?]. Larsen SU, editor. *Teoriya i metody v sovremennoi politicheskoi nauke: Pervaya popytka teoreticheskogo sinteza* [Theory and methods in modern political science: the First attempt of theoretical synthesis]. Zhukova EP, translator. Moscow: ROSSPEN; 2009. p. 371–387. Russian.
7. Darendorf R. Elements ernes theory des sozialen konflikts. StepanovaVM, translator. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1994;5:142–147. Russian.
8. Kavtaradze SD. *Etnopoliticheskie konflikty na postsovetском prostranstve* [Ethnopolitical conflicts in the post-Soviet space]. Moscow: Examination; 2005. 224 p. Russian.
9. Dibirov AZ, Belousov EV. The war of identities. *Bulletin of the Institute of sociology*. 2014;4:127–147. Russian.
10. Huntington S. *The Clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon and Schuster; 1997.
Russian edition: Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii*. Velimeeva T, translator. Moscow: AST; 2006. 571 p.
11. Touraine A. *Le retour be l'acteur essai de sociologie*. Paris: Librairie Artheme Fayard; 1984. 350 p.
Russian edition: Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii*. Somarii SA, translator. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. 206 p.
12. Panarin AS. *Narod bez elity* [People without elite]. Moscow: Algoritm; 2006. 352 p. Co-publishing by the «Eksmo». Russian.
13. Zhiltsov SS. *Neokonchennaya p'esa dlya «oranzhevoi» Ukrainy. Po sledam sobytii* [Unfinished play for «orange» Ukraine. In the footsteps of events]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2005. 264 p. Russian.
14. Sorokin P. [Sociology of revolution]. In: Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat; 1992. p. 266–294. Russian.

Статья поступила в редколлегия 23.01.2019.
Received by editorial board 23.01.2019.

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СРЕДНЕЙ АЗИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Г. Т. АЛИМБЕКОВА¹⁾, А. Б. ШАБДЕНОВА²⁾

¹⁾Центр изучения общественного мнения, ул. Жибек Жолы, 54, 050002, г. Алматы, Казахстан

²⁾Казахский национальный университет им. аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, 050040, г. Алматы, Казахстан

С целью изучить постсоветское пространство в разных странах созданы исследовательские институты и центры, но все еще не хватает данных и информации из первоисточников о различных аспектах жизни населения в этих государствах. В частности, представляет интерес изучение медиапредпочтений населения стран Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). Несмотря на общее советское прошлое, каждая из этих стран имеет уникальный путь развития и свои особенности, в том числе доступ к объективной информации. Представлены отдельные результаты социологических опросов населения вышеуказанных стран в плане их медиапредпочтений. Изучено общественное мнение по ряду социальных и общественно-политических вопросов. Достижение цели определялось задачами изучения уровня удовлетворенности населения работой различных структур, оценки определенных событий и ситуации в стране, исследования социального самочувствия жителей. По данным опросов, определены наиболее распространенные источники информации, тенденции к изменению доступа к внешней информации. Сравнительный анализ результатов показал, что, несмотря на увеличение значимости телекоммуникационных технологий, наиболее важным источником информации в изучаемых странах является телевидение. Показано, какова значимость источников информации в каждой из изучаемых стран, а также какие телеканалы, радио, газеты и интернет-источники наиболее предпочитаемы. Постепенно сокращается число домохозяйств исследуемых стран, в которых подключены только национальные телеканалы, растет популярность кабельного и спутникового телевидения, число домов, в которых подключено только национальное телевидение, преобладает в Узбекистане.

Ключевые слова: медиапредпочтения; СМИ; Средняя Азия; медиaprостранство.

THE MEDIA-PREFERENCES OF THE POPULATION OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES: THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

G. T. ALIMBEKOVA^a, A. B. SHABDENOVA^b

^aCenter for study of public opinion, 54 Zhibek Zholy Street, Almaty 050002, Kazakhstan

^bal-Farabi Kazakh National University, 71 al-Farabi Avenue, Almaty 050040, Kazakhstan

Corresponding author: G. T. Alimbekova (g.alimbekova@gmail.com)

In order to study the post-Soviet space in various countries established research institutes and centers, but still not enough data and first-hand information about the various aspects of life in these countries. In particular, it is interesting to study the media preferences of the population of Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan,

Образец цитирования:

Алимбекова ГТ, Шабденова АБ. Медиапредпочтения населения стран Средней Азии: результаты социологических исследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:52–60.

For citation:

Alimbekova GT, Shabdenova AB. The media-preferences of the population of Central Asian countries: the results of sociological research. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:52–60. Russian.

Авторы:

Гульжан Токтамысовна Алимбекова – кандидат социологических наук; директор.

Айжан Базархановна Шабденова – докторант кафедры социологии и социальной работы факультета философии и политологии.

Authors:

Gulzhan T. Alimbekova, PhD (sociology); director.
g.alimbekova@gmail.com

Aizhan B. Shabdenova, doctoral student of the department of sociology and social work, faculty of philosophy and political science.
a.shabdenova@ciom.kz

despite the common Soviet past, each of these countries has its own unique path of development and its features, including access to external information. This article presents some results of sociological surveys of mentioned countries' population in terms of their media preferences. The purpose of this longitudinal study was to explore public opinion on a range of social and political issues. Achieving the goal of the study was determined by the tasks of studying the level of satisfaction of the population with the work of various structures, the assessment of certain events, the situation in the country, the social well-being of residents. In addition, we identified the most common sources of information, trends in access to external information. Comparative analysis of the results showed that despite of increase of communication technologies, the most important source of information in these countries is the television. The study showed the importance of information sources in each of the studied countries, as well as the most preferred TV channels, radio, newspapers and Internet sources. In the households of the countries, the presence of only national TV channels is gradually reduced and cable or satellite TV is expanding, the predominance of only national TV channels is more widespread among the citizens of Uzbekistan.

Key words: media preferences; media; Central Asia; media space.

С целью изучить общественное мнение населения стран Средней Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан), за исключением Туркменистана, по различным вопросам общественно-политической жизни Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) провел крупномасштабные социологические опросы. Полевые работы проводились с 2011 по 2016 г., был использован метод количественного исследования – стандартизированный опрос методом *face-to-face* (личное интервью). Объект исследования – городское и сельское население в возрасте от 18 лет и старше. Объем выборки в Казахстане и Узбекистане составил 2000 респондентов в каждой стране, в Кыргызстане и Таджикистане – 1000 респондентов. Организатором и руководителем всех работ по проекту является ЦИОМ – независимая исследовательская организация, офис которой расположен в г. Алматы. Командой ЦИОМ разработаны вся техническая документация, формы отчетов для запуска полевых работ, форма для ввода данных, общий кодировочный лист, стандарты и методология проведения исследования. Полевые работы проводились партнерами – местными исследовательскими организациями. Для сбора информации использовалась многоступенчатая комбинированная выборка с учетом особенностей каждой страны.

В каждой области и каждом регионе для опроса был выбран областной центр, репрезентирующий городское население. Малые города регионов, население которых составляет значительную часть общей численности, были включены в исследование. Таким образом, выборка городского населения репрезентирует жителей областных и малых городов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Для опроса сельского населения в каждой области были отобраны сельские населенные пункты. Для того чтобы все села имели возможность попасть в выборку, отбор происходил случайным образом из существующих списков каждой страны.

Социально-демографические характеристики выборочных совокупностей проведенных исследований свидетельствуют о том, что опросом были охва-

чены все социальные группы населения изучаемых стран Средней Азии, т. е. выборки репрезентируют мнения различных групп населения по гендеру, возрасту, этносу, семейному положению, уровню образования, типу занятости и материальному положению домохозяйств. Средний возраст участников исследования 40 лет, минимальный – 18, максимальный – 89. В настоящей статье представлены краткие результаты данного исследования, демонстрирующие медиапредпочтения населения каждой страны.

Казахстан является самой крупной по территории страной Центральной Азии: площадь суши равна площади территории Европейского союза. Страна не имеет выхода к морю, имеет длинную северную границу с Россией, южную с Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. Каспийское море и Россия находятся на западе, Китай – на востоке. Несмотря на огромную территорию (девятое место в мировом рейтинге по площади), плотность населения в стране одна из самых низких. Согласно официальным статистическим данным, на начало августа 2018 г. население страны равнялось 18,2 млн человек, из них 67,5 % – казахское население. Вторую по численности группу составляет русский этнос – 20 %. Остальные 12,5 % населения представлены различными этносами, что определяет Казахстан как многонациональное государство. Более половины населения (58 %) проживают в городах. Самым крупным городом Казахстана является Алматы – бывшая столица с населением чуть более 1,8 млн человек, что составляет 10 % населения всего государства [1]. Страна имеет многообразные природные ресурсы, которые способствовали восстановлению экономики в постсоветский период. По данным Всемирного банка, ВВП на душу населения в 2017 г. составляло 8792 долл. США.

С целью выяснить, из каких источников население Казахстана предпочитает получать информацию, касающуюся политики и правительства, респондентов попросили назвать три наиболее важных для них источника. Все проведенные опросы подтвердили, что наиболее важным источником информации в Казахстане является телевидение. Воз-

растает значимость других телекоммуникационных технологий (интернет, СМС, социальные сети) как источника информации.

В среднем около 2 % населения не интересуются информацией, касающейся политики и правительства: 1,9 % при третьем опросе, 1,6 – при четвертом опросе и 3,1 – при пятом. Во всех регионах Казахстана самый важный источник информации – телевидение. Другие два источника в ответах респондентов различались. Проведенные опросы подтвердили, что нет преобладания какого-либо одного пакета телеканалов (национального, кабельного или спутникового). Можно выделить следующее статистически значимое различие: в селах чаще, чем в городах, присутствуют только национальные каналы и спутниковое телевидение. Практически во всех регионах страны телекоммуникации становятся более важным источником информации, касающейся политики и правительства, чем печатные издания.

Далее респондентам было предложено назвать средства массовой информации, как местные, так и международные, из которых они предпочитают получать новостную информацию. Каждым респондентом было названо не более трех наименований по каждому виду СМИ.

В целом отметим, что результаты последнего (2016 г.) исследования доли населения, следящего за новостями по телевизору, аналогичны результатам прошлых опросов. Постепенно сокращается численность населения, получающего информацию из печатных изданий (на 4–6 % за последние пять лет) и из радиостанций (в среднем на 5 %), соответственно, увеличивается доля граждан, предпочитающих получать новостную информацию из интернет-ресурсов: с 28 до 59 % за пять лет. Наиболее предпочитаемыми СМИ в Казахстане являются телеканал КТК, газета «Казахстанская правда», радиоканал «Русское радио» (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее предпочитаемые респондентами средства массовой информации в Казахстане в 2016 г.

Table 1

The most preferred media in the whole of Kazakhstan in 2016

Вид СМИ	Количество респондентов, чел.	Результаты	
		Наименование	%
Телевизионные каналы	1911	КТК	49
		«Хабар»	30
		«Евразия»	23
Газеты	1002	«Казахстанская правда»	8
		«Караван»	7
		«Егемен Казахстан»	7
Интернет-ресурсы	1179	<i>Mail.ru</i>	33
		<i>Nur.kz</i>	26
		«Одноклассники»	18
Радиоканалы	490	«Русское радио»	32
		«Автордио»	19
		«Радио NS»	15

При пятом опросе вдвое, по сравнению с первым, уменьшилась доля населения, не пользующегося интернетом: с 51 до 25 %. Таким образом, по результатам пятого опроса большинство населения Казахстана (75 %) используют интернет с различной частотой. Популярными социальными сетями в Казахстане являются «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Мой мир@mail.ru». Анализ данных об использовании социальных сетей представителями различных возрастных групп показал, что «ВКонтакте» наиболее популярна среди молодых граждан в возрасте 18–25 лет, сеть «Одноклассники» – среди граждан в возрасте 36–55 лет. Также наблюдается значимое различие в уровне образования пользо-

вателей: социальная сеть *Facebook* более популярна среди граждан с высшим образованием.

Кыргызстан – соседнее с Казахстаном государство, расположенное в западной и центральной части горного массива Тянь-Шань. Страна на севере граничит с Казахстаном, на востоке – с Китаем, на юге – с Таджикистаном, на западе – с Узбекистаном. Численность населения – 6,25 млн человек, из них 73,3 % кыргызы, второй по численности этнос – узбеки, составляющие 14,7 % населения. Кыргызстанцы русской этничности составляют 5,6 %, остальные 6,4 % представлены другими национальностями. Большая часть населения (66 %) проживают в селах. Самым крупным городом страны

является столица Бишкек с населением более 1 млн человек, что составляет 16 % от численности всего населения Кыргызстана. ВВП на душу населения, по данным Всемирного банка, в 2017 г. составило 1160 долл. США [2].

С целью выяснить, из каких источников население Кыргызстана предпочитает получать информацию о событиях, касающихся политики и правительства, респондентам было предложено выбрать три источника и проставить цифры от 1 до 3, где 1 – наиболее важный источник. Все опросы подтвердили, что в целом по Кыргызстану наиболее важно для получения информации телевидение. По данным последнего опроса, на втором месте расположились другие телекоммуникации (интернет, СМС, социальные сети и др.).

Проведенные опросы показали, что около 2 % взрослого населения Кыргызстана не интересуются информацией, касающейся событий в политике и правительстве: 1,2 % – по результатам второго опроса, 2,4 % – по результатам третьего, 1,7 % – четвертого, 1,8 % – пятого. В целом во всех регионах

Кыргызстана самый важный источник информации – телевидение, остальные источники информации различаются по значимости. Телекоммуникации (интернет, СМС, социальные сети и др.) вошли в тройку важных источников информации во многих регионах, исключение составили Нарынская и Таласская области, население которых предпочитает получать информацию из телевидения и печатных изданий.

Далее респонденты назвали как местные, так и мировые средства массовой информации, из которых предпочитают получать новостную информацию. Респондентами было названо не более трех наименований каждого вида СМИ. По данным пятого опроса, проведенного в 2016 г., около 95 % населения предпочитают получать новостную информацию при помощи телевизионных каналов, 45 % – из интернета, 40–45 % – из газет и около 30 % – из радиоканалов. Большинство населения Кыргызстана предпочитают национальные СМИ: телеканал КТРК, газета «Супер-Инфо», радио «Кыргызстан обондору» (табл. 2).

Таблица 2

**Наиболее предпочитаемые средства массовой информации
в Кыргызстане в 2016 г.**

Table 2

The most preferred media in Kyrgyzstan as a whole in 2016

Вид СМИ	Количество респондентов, чел.	Результаты	
		Наименование	%
Телевизионные каналы	977	КТРК ЭЛТР ОРТ	76,5 37,9 23,5
Газеты	453	«Супер-Инфо» «Вечерний Бишкек» «Дело»	67,1 19 10
Интернет-ресурсы	471	«Одноклассники» Facebook Akipress	46 41 10
Радиоканалы	325	«Кыргызстан Обондору» «Азаттык» «Мин Кыял»	43 26,8 22,5

По результатам первых исследований большая часть жителей Кыргызстана не пользовались интернетом: 64,4 % при первом опросе и 56,8 % при втором. По данным третьего опроса, доля данной категории граждан равнялась 46,9 %. Четвертый опрос дал практически тот же показатель: 50,5 %. По данным пятого опроса, доля населения, не пользующегося интернетом, сократилась до 40,7 %, т. е. большинство жителей Кыргызстана (около 60 %) пользуются интернетом. Самой популярной социальной сетью в Кыргызстане по-прежнему является «Одноклассники», возрастает популярность

Facebook и снижается интерес к социальной сети «Мой мир@mail.ru».

Таджикистан расположен в предгорьях Памира, граничит с Узбекистаном на западе и северо-западе, с Киргизией на севере, с Китаем на востоке, с Афганистаном на юге. Таджикистан – наименьшее по площади государство Средней Азии. Столицей является Душанбе – самый крупный город страны, где проживает более 9 % жителей Таджикистана. По данным Всемирного банка, население страны в 2017 г. составляло 8,8 млн человек, из них около 26 % – городское население. По данным пере-

писи населения 2010 г., этнический состав страны выглядит следующим образом: таджики составили 83 % жителей, узбеки – 12, киргизы – 0,8, русские – 0,5, туркмены – 0,2, другие национальности – 3,5 %. Таджикистан богат природными ресурсами, но их добыча затруднена, так как большую часть (около 94 %) территории страны занимают горы. По состоянию на 2017 г. ВВП на душу населения составляет 812 долл. США [3].

Результаты социологических опросов показали, что наиболее важным источником информации о событиях, касающихся политики и правительства, в Таджикистане является телевидение. Вторым по важности источником информации выступает окружение: знакомые, друзья, соседи, коллеги. Также опросы подтвердили, что около 4 % взрослого на-

селения Таджикистана не интересуются событиями, касающимися политики и правительства. Анализ продемонстрировал, что самый важный источник информации в регионах – телевидение, остальные различаются по значимости. Телекоммуникационные технологии (интернет, СМС, социальные сети и др.) входят в тройку важных источников информации только в Душанбе.

В ходе опросов респонденты назвали как местные, так и международные средства массовой информации. Каждым участником опроса было названо не более трех наименований каждого вида СМИ. Наиболее предпочитаемыми, по результатам опроса 2016 г., в Таджикистане являются телеканал «Телевидение Сафина», газета *ASIA-Plus*, радиоканал «Садои Душанбе» (табл. 3).

Таблица 3

Наиболее предпочитаемые средства массовой информации в Таджикистане в 2016 г.

Table 3

The most preferred media in the whole of Tajikistan in 2016

Вид СМИ	Количество респондентов, чел.	Результаты	
		Наименование	%
Телевизионные каналы	815	«Телевидение Сафина» ОРТ «Шабакаи якум»	22,5 20 18,2
Газеты	365	<i>ASIA-Plus</i> «Минбари халк» «Джумхурият»	26,7 18,6 13,6
Интернет-ресурсы	161	<i>Facebook</i> «Одноклассники» «Радио Озоди»	27,1 21,7 19,3
Радиоканалы	325	«Садои Душанбе» «Тироз» «Ховар»	39,4 20,6 10,5

Постепенно снижается доля жителей Таджикистана, в домах которых подключены только национальные каналы, что происходит за счет использования спутникового телевидения. В селах шире, чем в городах, распространены национальные каналы и спутниковое телевидение. Кабельное телевидение используется только городскими жителями, наиболее широко оно распространено среди жителей Душанбе и Согдийской области. Данные двух последних опросов показали, что около 48 % таджиков не пользуются интернетом. Среди остальных 52 % повышается популярность социальной сети *Facebook*, вместе с тем популярными в стране социальными сетями остаются «Одноклассники» и «Мой мир@mail.ru».

Узбекистан расположен в центральной части Средней Азии и граничит со всеми странами тер-

ритории: на востоке с Кыргызстаном, на северо-востоке, севере и северо-западе с Казахстаном, на юго-западе и юге с Туркменистаном, на юге также проходит граница с Афганистаном, на юго-востоке – с Таджикистаном. По численности населения Узбекистан – самая крупная страна в Средней Азии. Так, по данным на 1 января 2017 г., численность населения Республики Узбекистан составила 32,1 млн человек. Из них 50,6 % – городское население. По этническому составу доля коренных узбеков составила 83,8 %, каракалпаков – 2,2, русских – 2,3, таджиков – 4,8, казахов – 2,5, татар – 0,6, украинцев – 0,2, других национальностей – 3,6 %. Самым крупным городом страны является ее столица Ташкент, с численностью населения более 2,4 млн человек, что составляет около 8 % населения всей страны. Это крупнейший по численности населения город

не только Узбекистана, но и всей Средней Азии. По данным Всемирного банка, ВВП на душу населения в стране в 2017 г. составил 1504 долл. США [4].

С целью выяснить, из каких источников население Узбекистана предпочитает получать информацию о событиях, касающихся политики и правительства, респондентов попросили назвать три источника данной информации, присвоив каждому от 1 до 3 баллов, где 1 – наиболее важный источник. Проведенные опросы показали, что наиболее важными источниками информации в Узбекистане являются телевидение, близкое окружение (знакомые, друзья, соседи, коллеги) и печатные издания (газеты и журналы). Не интересуются информацией о событиях в политике и правительстве около 4 % взрослого населения Узбекистана.

Анализ в регионах страны показал, что телевидение – самый важный источник информации, остальные два источника – печатные издания (газеты и журналы) и близкое окружение (знакомые, друзья, соседи, коллеги), предпочтения различаются только по значимости. Интернет вошел в тройку важных источников информации только в г. Ташкенте. Как показывают данные последнего опроса, проведенного в 2016 г., большинство населения Узбекистана предпочитают телеканалы «Ёшлар» и «Узбекистон», газету «Даракчи» и радио «Ёшлар». Среди интернет-ресурсов наиболее популярна социальная сеть *Facebook*. В целом, прослеживая динамику популярности источников информации в Узбекистане, следует отметить, что наблюдается увеличение популярности национальных интернет-ресурсов.

Таблица 4

**Наиболее предпочитаемые средства массовой информации
в Узбекистане в 2016 г.**

Table 4

The most preferred media in Uzbekistan as a whole in 2016

Вид СМИ	Количество респондентов, чел.	Результаты	
		Наименование	%
Телевизионные каналы	1995	«Ёшлар» «Узбекистон» «Спорт»	79 66 10
Газеты	766	«Даракчи» «Халк сузи» «Бекажон»	45 12 11
Интернет-ресурсы	155	<i>Facebook</i> <i>Daryo</i> «Одноклассники»	33 22 13
Радиоканалы	432	«Ёшлар» <i>Рухсор</i> «Водий Садоси»	23 22 22

Постепенно снижается доля жителей Узбекистана, в домах которых есть только национальные каналы. Уменьшение этого показателя происходит за счет роста популярности спутникового (в том числе цифрового) или кабельного телевидения. Национальные каналы шире распространены в селах, чем в городах. Кабельное телевидение популярнее среди жителей городов, в частности Ташкента. По результатам проведенных опросов доминирующая часть жителей Узбекистана не пользуются интернетом: 90,1 % – при первом опросе, 88,4 – при втором, 86,3 – при третьем, 87,4 – при четвертом и 85,4 % – при пятом. Данные последнего опроса продемонстрировали, что наиболее популярной социальной сетью среди интернет-пользователей Узбекистана является *Facebook*. Вместе с тем по-прежнему популярна «Одноклассники». Социальные сети

«Мой мир@mail.ru» и «ВКонтакте» постепенно теряют популярность.

Сравнительные данные. Динамика данных проведенных опросов показывает, что постепенно сокращается количество граждан исследуемых стран, в домах которых присутствуют только национальные телеканалы, при этом повышается популярность кабельного или спутникового телевидения. Преобладание только национальных телеканалов, по средним значениям последних двух опросов, шире распространено среди граждан Узбекистана (рис. 1).

Постепенно увеличивается доля интернет-пользователей. По данным последнего опроса, наибольшая доля интернет-пользователей наблюдается в Казахстане (75 %), а наименьшая – в Узбекистане (15 %) (рис. 2).

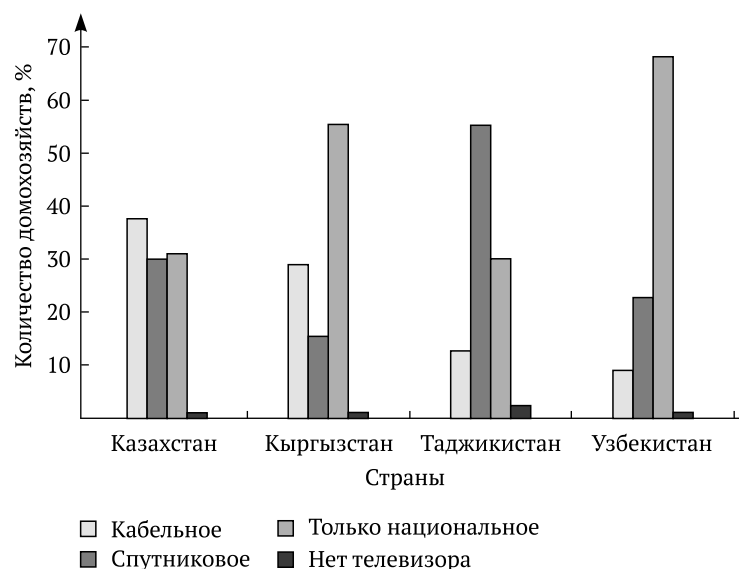

Рис. 1. Виды телевидения в домах жителей исследуемых стран, по данным последних двух опросов

Fig. 1. Types of television in the homes of the population of the studied countries

Рис. 2. Доля интернет-пользователей в исследуемых странах, по данным последнего опроса

Fig. 2. The share of Internet users according to the latest survey by country of study

Жители исследуемых стран основной причиной, по которой они не пользуются интернетом, назвали отсутствие в этом необходимости.

Значительное увеличение доли интернет-пользователей в последние пять лет наблюдается в Казахстане (рис. 3).

В целях отслеживания доступности для населения стран Центральной Азии внешней информации о политических событиях был разработан консолидированный показатель с условным названием «Индекс доступа к внешней информации», равняющийся проценту взрослого населения страны по следующим данным:

- используют интернет в любых целях «иногда», «часто» и «постоянно»;
- телекоммуникационные технологии (интернет, СМС, социальные сети и т. д.) входят в тройку наиболее важных источников информации о событиях, касающихся политики и правительства;
- в домах подключены не только национальные каналы, но и кабельное либо спутниковое телевидение.

Сравнительные данные проведенных опросов представлены на рис. 4. Результаты исследований свидетельствуют о том, что значение данного индекса увеличивается, т. е. постепенно растет доля

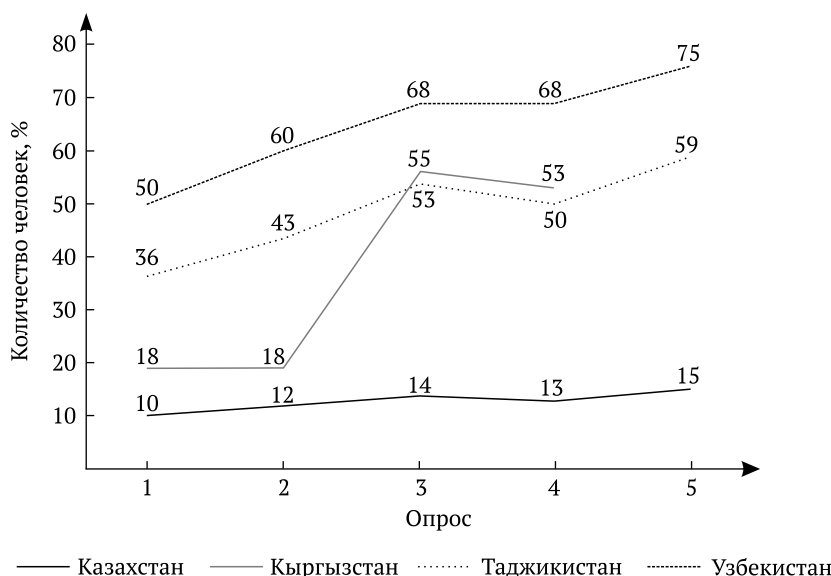

Рис. 3. Динамика роста (уменьшения) числа интернет-пользователей в исследуемых странах

Fig. 3. Dynamics of Internet users by country of study

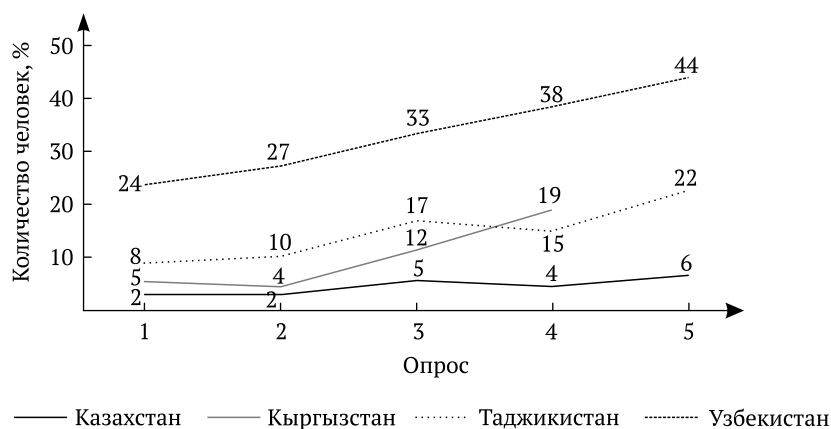

Рис. 4. Сравнительные данные индекса доступа к внешней информации в исследуемых странах

Fig. 4. Comparative data of the index of access to external information in the countries of Central Asia

жителей, для которых становится доступнее внешняя информация о событиях, происходящих в стране и мире.

Проведенные опросы подтвердили, что наиболее важный источник информации во всех регионах стран исследования – телевидение, два других предпочитаемых источника различаются. Во всех странах другие телекоммуникационные технологии (интернет, СМС, социальные сети и т. д.) становятся более важным источником информации о со-

бытиях, касающихся политики и правительства, чем печатные издания. Динамика результатов исследований показала, что расширяется доступ населения изучаемых стран к внешней информации, включая новостную. Расширение доступа происходит за счет интернета, популяризации кабельного и спутникового телевидения. Представляет интерес дальнейшее изучение медиапредпочтений и доступа к интернету населения стран Средней Азии.

Библиографические ссылки

1. Официальный сайт Комитета по статистике Министерства Национальной Экономики Республики Казахстан [Интернет] [процитировано 1 октября 2018]. Доступно по: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=l5zkss5st_50&_afLoop=763690621211810.
2. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Интернет]. Население [процитировано 3 октября 2018]. Доступно по: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/>.

3. The World Bank in Tajikistan [Internet]. Country Context [cited 2018 October 4]. Available from: <http://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/overview>.

4. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике [Интернет]. Статистические таблицы [процитировано 5 октября 2018]. Доступно по: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demografiya-i-trud/statisticheskie-tablitsy-demog>.

References

1. Official Website of the Committee on statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan [Internet] [cited 2018 October 1]. Available from: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_adf.ctrl-state=l5zkss5st_50&_afzLoop=763690621211810.

2. National statistical Committee of the Kyrgyz Republic [Internet]. Population [cited 2018 October 2]. Available from: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/>. Russian.

3. The World Bank in Tajikistan [Internet]. Country Context [cited 2018 October 3]. Available from: <http://www.worldbank.org/en/country/tajikistan/overview>.

4. State Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics [Internet]. Statistical tables [cited 2018 October 4]. Available from: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demografiya-i-trud/statisticheskie-tablitsy-demog>. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 23.01.2019.
Received by editorial board 23.01.2019.*

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

ИННОВАЦИОННЫЙ КОМБИНИРОВАННЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТРАДИЦИОННЫХ МЕДИА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА МЕДИАПРОСТРАНСТВА ГРУЗИИ («ТВ-ГРАФ»)

А. В. ЛОРДКИПАНИДЗЕ^{1), 2)}, М. Р. ПАЧУЛИЯ^{1), 2)}, А. В. ЧУЙКО¹⁾

¹⁾Исследовательская компания «Georgian Opinion Research Business International»,
ул. Ташкентская, 34, 0160, г. Тбилиси, Грузия

²⁾Tri Media Intelligence, пр. Д. Агмашенебели, 154, 0112, г. Тбилиси, Грузия

Телевидение является одним из основных каналов получения информации и пользуется большой популярностью среди телезрителей во всем мире, в том числе и в Грузии, с другой стороны, это источник данных и способ формирования массового сознания. Именно поэтому исследовательский интерес к изучению контента и его влияния на различные группы граждан очевиден. Чаще всего для анализа медиаконтента используются количественные методы, результаты применения которых отражают предпочтения телезрителей и популярность телеканалов. Применение этих методов не позволяет давать характеристику самому медиаконтенту. Предложена методика сопряжения количественных методов анализа с качественным методом посредством анализа тональности. Результаты применения методики позволяют получить нетривиальные выводы о политике телеканалов, а также дают возможность охарактеризовать существующие в обществе тенденции к формированию мнений по различным вопросам. Методика (проект «ТВ-Граф») апробирована на эмпирическом примере телезрителей из 540 домохозяйств семи городов Грузии (около 2000 индивидов, которые репрезентируют 1 572 000 представителей грузинского населения). Очерченные наработки представляют особый интерес для ученых политической и социальной сфер, а также для всех заинтересованных этой темой.

Ключевые слова: тон; тональность; контент-анализ медиа; рейтинг; мониторинг медиа; пропаганда.

INNOVATIVE COMBINED APPROACH TO THE ANALYSIS OF TRADITIONAL MEDIA ON THE EXAMPLE OF GEORGIA'S MEDIA SPACE ANALYSIS («TV-GRAPH»)

A. V. LORDKIPANIDZE^{a, b}, M. R. PACHULIA^{a, b}, A. V. CHUYKO^a

^aGeorgian Opinion Research Business International, 34 Tashkent Street, Tbilisi 0160, Georgia

^bTri Media Intelligence, 154 D. Aghmashenebeli Avenue, Tbilisi 0112, Georgia

Corresponding author: M. R. Pachulia (mpachulia@gorbi.com)

Television, on the one hand, is one of the main channels of information, and is very popular among viewers around the world, including Georgia, on the other hand, it is a source of data and a way of forming mass consciousness. That is why the research interest in the study of content and its impact on different groups of citizens is obvious. Most often, quantitative methods are used to analyze media content, the results of which reflect the preferences of viewers and the popularity of TV

Образец цитирования:

Лордкипанидзе АВ, Пачулия МР, Чуйко АВ. Инновационный комбинированный подход к анализу традиционных медиа на примере анализа медиапространства Грузии («ТВ-Граф»). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:61–68.

For citation:

Lordkipanidze AV, Pachulia MR, Chuyko AV. Innovative combined approach to the analysis of traditional media on the example of Georgia's media space analysis («TV-Graph»). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:61–68. Russian.

Авторы:

Анна Важаевна Лордкипанидзе – заместитель директора¹⁾; руководитель проектов²⁾.

Мераб Ревазович Пачулия – генеральный основатель¹⁾; основатель и генеральный директор²⁾.

Анна Владимировна Чуйко – руководитель исследований.

Authors:

Ana V. Lordkipanidze, deputy director^b, project manager^a.
ani.lortkipanidze@tmi.ge

Merab R. Pachulia, general founder^a, founder and CEO^b.
mpachulia@gorbi.com

Anna V. Chuiko, head of research.
annachuykogorbi@gmail.com

channels. The use of these methods does not allow to characterize the media content itself. This article proposes a method of combining quantitative and qualitative methods of analysis through sentiment analysis, the results of which allow to obtain non-trivial conclusions about the policy of TV channels and the ability to characterize the existing trends in society to form opinions on various issues. The methodology is tested on a specific empirical example («TV-Graph») of TV viewers in 7 cities of Georgia out of 540 households (approximately equal to 2000 individuals representing 1 572 000 Georgian population). The developments presented in this article are of particular interest to political and social scientists, as well as to all interested in this topic.

Key words: tone; content analysis of media; rating; media monitoring; propaganda.

Актуальность исследования

Телевидение является наиболее часто используемым источником информации и каналом влияния на массовое сознание, оно распространено почти повсеместно.

Опираясь на данные, полученные в Грузии в результате проведения компанией *Georgian Opinion Research Business Integration* (GORBI) исследований в сентябре 2018 г. на репрезентативной национальной выборке Грузии ($n = 1500$), 88 % граждан называют телевидение основным источником получения информации и новостей, для 60 % граждан таким источником является интернет, 20 % упоминают газеты и журналы и только 9 % респондентов ссылаются на радио как на основной источник информации.

Всеобъемлющее влияние СМИ и, в частности, телевидения на общественное сознание и настроение порождает актуальную потребность для исследователей иметь представления о медиаконтенте, а также средства для его анализа.

Касательного самого анализа, в частности его результатов, основной интерес исследователя заключается в том, чтобы задействовать такие методы, с помощью которых удалось бы охарактеризовать одновременно и телевизионный контент, и аудиторию.

В современной науке используются различные подходы к решению этой задачи. Информация о наиболее популярных телеканалах, транслируемых программах, рекламе, а также о портрете телезрителей может быть получена с помощью применения количественных методов. В такого рода данных в большей степени нуждаются и заинтересованы рекламные агентства и телеканалы.

Однако основной интерес социолога заключается в том, чтоб измерить и охарактеризовать влияния медиаконтента на различные слои общества. Для этого необходимо подвергать анализу не только

предпочтения самих телезрителей, но и непосредственно само информационное сообщение, которое транслируется телеканалом, а именно его эмоциональную окраску (тон).

В соответствии с кодексами профессиональной этики, которые существуют во всех странах мира, в том числе и в Грузии, журналисты обязаны представлять информацию объективно, так, чтобы каждая из точек зрения (участвующих сторон) получала равную огласку без субъективного оценивания контента. Кроме того, журналисты не должны использовать эпитеты, давая характеристику какому-либо объекту, а также должны упоминать их в нейтральном тоне, т. е. не окрашивая объект ни положительно, ни отрицательно, поскольку эмоционально маркированное сообщение может расцениваться в том числе и как пропаганда [1].

Не будет преувеличением сказать, что данные, полученные в результате количественного анализа, равно как и качественного, не могут считаться полноценными, поскольку результаты количественного анализа не характеризуют сам контент, т. е. отсутствуют данные об оценке с журналистской точки зрения степени добросовестности сведений, представленных на суд зрителя или слушателя.

Настоящее исследование направлено на поиск ответа на вопрос о том, насколько более глубинными и полными могут стать результаты анализа, основанного на комбинации количественных и качественных методов.

В настоящей статье предложен, пошагово описан и апробирован на конкретном эмпирическом примере, пилотном проекте «ТВ-Граф» (исследование телепространства Грузии), инновационный подход к анализу традиционных медиа путем сопряжения данных об измерении аудитории телеканалов и об анализе тональности медиасообщений.

Методологические основы. Историческая справка

Изучение контента средств массовой информации привлекает внимание социологов на протяжении двух веков. Именно представленная в СМИ информация, как подробно излагает Дж. Макна-

мара в своей работе, способна породить насилие, сексуальную распушенность, создать предпосылки дискриминации женщин, оказать влияние на рынки ценных бумаг, привести к банкротству корпора-

ций, а также к снятию с постов глав государств [2]. М. Вебер, полагал, что СМИ, а точнее их содержание – это материал, с помощью которого возможно наилучшим образом измерить «культурную температуру» в обществе [3, р. 92].

Так, одним из основных для осуществления таких замеров является метод контент-анализа, разработанный в 1927 г. для изучения пропаганды известным американским социологом и политологом Г. Д. Лассуэлом, который занимался изучением массовой коммуникации.

В науке присутствует множество определений метода контент-анализа, остановимся на одном из них, предложенном профессором мичиганского университета В. Ньюман в 1997 г.: «...контент-анализ – техника для сбора и анализа контента текстов, контент включает в себя слова, значения, изображения, символы, идеи, темы или любые другие сообщения, которые могут быть переданы. Под текстом понимается что-либо рукописное, визуальное или сказанное, служащее средством коммуникации»¹ [4, р. 272–273].

В 1920–30-х гг. с увеличением коммуникационного контента распространенность метода увеличивалась, к 1950-м гг. вследствие возрастающей популярности телевидения метод контент-анализа приобрел наивысшую популярность в социальных науках в целом и в исследованиях массовых коммуникаций в частности. Дж. Макнамара подчеркивает, что анализ содержания СМИ был основным методом изучения изображений, содержащих сцены насилия, расовой дискриминации и унижения образа женщин в телевизионных программах и фильмах [5, р. 1].

Сегодня в научном сообществе отсутствует единое соглашение относительно того, к какой группе качественных или количественных методов (заметим, что и само разбиение на такие группы подвергается критике) стоит относить контент-анализ.

Однако поиск ответа на этот вопрос выходит за рамки настоящего исследования. Заметим только, что социологи сходятся во мнении о том, что исключительно количественный подход к анализу медиа (посредством кодирования медиасообщений), т. е. статистический анализ частоты упоминания конкретных элементов текста (слов, выражений), не может считаться полноценным, поскольку требует внедрения элементов качественного анализа, а именно получения данных об объективности транслируемой информации, о влиянии сообщения на аудиторию, об общественном настроении.

Комбинация методологий качественного и количественного контент-анализов позволяет получить лучшее от каждого из подходов, их совместное применение необходимо для того, чтобы наиболее глубоко проникнуть в смыслы информационных сообщений и более полно охарактеризовать влияние, которое то или иное медиасообщение оказало на аудиторию [5; 6].

Примером, в котором соединены качественная и количественная методики, может служить пятивопросная модель, предложенная Д. Лассуэлом и содержащая в себе основные якорные точки массовой коммуникации:

- 1) «Кто говорит?» (анализ управления коммуникативным процессом);
- 2) «Что сообщает?» (анализ содержания сообщения);
- 3) «Кому?» (анализ аудитории);
- 4) «По какому каналу?» (анализ средств сообщения);
- 5) «Какой был вызван эффект?» (анализ результата: изменилось или нет осознание и (или) поведение реципиента) [6, с. 11–20].

Ответы на указанные вопросы позволяют применить предложенный нами подход к анализу медиаконтента.

Предложенная методика. Методологические основы

Предложенная методика совмещает в себе, как упоминалось, количественную и качественную методологии, она состоит из трех компонентов:

- 1) измерение популярности телеканалов;
- 2) измерение популярности телевизионного контента;
- 3) анализ тональности контента.

Опишем каждый из указанных компонентов в отдельности.

1. Измерение аудитории телеканалов. Методология этого компонента основывается на использовании пиплметров² для измерения численности аудитории телеканалов, она же широко применяется во всем мире. *Tri media intelligence* – компания, занимающаяся телеметрией в Грузии, – также руководствуется этой методикой. Сами разработки принадлежат холдингу *Kantar Media* и используются для подсчета рейтингов телеканалов. Пошагово

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Л., М. П., А. Ч.

²*Пиплметр* – специальное устройство, которое подключено к телевизору и используется для отслеживания того, какие телеканалы смотрит зритель. Пиплметры также имеют в комплекте пульт, на каждой кнопке которого написано имя члена домохозяйства [7]. Когда человек находится в комнате, в которой включен телевизор, он нажимает кнопку, соответствующую его имени. Данные о социально-демографическом портрете домохозяйств впоследствии аккумулируются в отдельный массив.

опишем, каким именно образом осуществляются замеры.

Шаг 1. Случайным образом отбираются домохозяйства для участия в исследовании, после получения согласия домохозяйства опрашиваются по анкете, которая содержит вопросы о каждом его члене и обо всем домохозяйстве.

Шаг 2. Посредством пиплметров в отобранных домохозяйствах собирается информация о просмотре телевизионных передач.

Шаг 3. Социально-демографические данные накладываются на замеры, полученные при помощи пиплметров. Так, например, когда член домохозяйства нажимает на кнопку, соответствующую его имени на пульте, демографическая информация о данном члене семьи соединяется со сведениями о том, какие телеканалы он смотрит.

Последовательное осуществление описанных выше шагов позволяет замерить аудиторию телеканалов, т. е. получить информацию о предпочтениях телезрителей, а также о том, какие телевизионные каналы пользуются наибольшей популярностью среди различных категорий телезрителей.

2. Измерение телевизионного контента. Второй компонент предложенного нами подхода направлен на измерение популярности телевизионного контента, т. е. на поиск ответа на вопрос, какие именно информационные, развлекательные и другие типы передач пользуются наибольшим спросом среди населения.

Для получения ответа на этот вопрос команда высококлассных специалистов с помощью особого программного обеспечения производит кодирование названий телепередач, которые представлены в сетке вещания. Например, передаче или рекламе присваивается вручную код, затем при помощи программного обеспечения процесс кодирования проводится автоматически, по его результатам большому числу (90 %) всех упоминаний данной программы или рекламы присваивается такой же код.

После того как процесс кодирования завершен, данные, полученные по результатам замеров аудитории телеканалов, совмещаются с данными о популярности телепередач при помощи специального программного обеспечения *Instar Analytics*, разработанного *Kantar Media Audiences* [8].

По итогам описанного сопряжения данных генерируется информация о предпочтениях телезрителей относительно телеканалов и телепередач различного рода.

3. Измерение тональности телевизионного контента. Последовательная реализация шагов, описанных в первом и втором компоненте предлагаемой методики, позволяет получить детальную информацию о портрете телезрителей, которые смотрят конкретные телеканалы и передачи.

Сама по себе эта информация, конечно, необходима, но недостаточна, поскольку не дает ответа на

вопрос о том, в какой манере был представлен телезрителю контент, популярность и аудитория которого измерялись, т. е. тональность по-прежнему останется неизученной.

Именно благодаря анализу тональности передаваемого контента можно оценить работу журналистов и телеканалов, а главное – характер влияния транслируемого контента на телезрителей, и попытаться предсказать его масштабы: чем выше рейтинг телевизионного канала, тем больше зрителей он привлекает и тем более «отравляющим» может стать его контент (или, как считают некоторые, возыметь большее влияние).

Медиасообщения по смыслу условно можно разделить на две группы:

1) *сообщения типа «упоминание» (mentioning)* – объект наблюдения упоминается журналистом, политиком, медийной личностью и т. д.;

2) *сообщение типа «объект в центре внимания» (appearance)* – объект наблюдения выражен персоналией, которая является частью телевизионного шоу или передачи, высказывается сам о себе или о других людях.

Оба типа сообщений маркируются по тональности.

Тон или тональность сообщения – совокупность тона, жестикюляции, подчеркивания конкретных слов, смысла сообщения, передающего информацию о явлении или объекте.

Принято выделять *три типа тонов* (тональностей): положительный, отрицательный и нейтральный. Чем больше информации транслируется на телевизионном канале в нейтральном тоне, тем более объективным считается контент.

Положительный тон – представление объекта наблюдения в оценивающей манере. Например, в сообщении типа «объект в центре внимания» при помощи фразы: *я бы сделал это лучше*, сообщении типа «упоминание»: *он (она) – выдающийся политик*.

Отрицательный тон – представление объекта наблюдения в умаляющей его манере, при помощи иронии. Сообщения типа «объект в центре внимания»: *я не смог сдержать свои обещания*; сообщение типа «упоминание»: *он (она) сделали безответственное заявление*.

Нейтральный тон – представление объекта наблюдения фактически таким, какой он есть. Сообщения типа «объект в центре внимания»: *...мы будем принимать участие в предвыборной компании*; сообщение типа «упоминание»: *кандидат в мэры встретился с жителями района Дидубе*.

Отметим также, что не существует однозначно закрепленных и универсально принятых в научном пространстве определений тона и типов тональности. Предложенные дефиниции – генерализация наработок, которые были использованы в пилотном проекте.

Апробация методики. Пилотный проект «ТВ-Граф»

Для проведения пилотного проекта «ТВ-Граф» использовались данные исследования, проведенного в период с 28 августа до 22 октября 2017 г.

Выборка исследования составляла 540 домохозяйств, которые в совокупности репрезентируют 1 572 000 граждан Грузии. Географически проект охватил семь населенных пунктов страны: Тбилиси, Гори, Рустави, Кутаиси, Поти, Зугдиди, Батуми.

Объектами наблюдения выступили: шесть кандидатов, принимающих участие в выборах в мэры города Тбилиси в 2017 г., несколько политических лидеров, Центральная избирательная комиссия Грузии (далее – ЦИК), НАТО, Европейский союз, а также США и Россия. Упоминание имели место в основных новостных программах на 15 телевизионных каналах Грузии, 10 из них транслируются во всем государстве (Первый государственный телеканал, «Аджария», «Имеди», *Maestro*, «Рустави 2», *Palitra News*, *1 TV*, *Iberia*, «Объективи», «Кавкасия»), а 5 – в регионах (*Rioni TV*, «Одиши», «Диа», *Kvemo karti*, «Триалети»).

В настоящей статье приводится анализ следующих объектов наблюдения, взятых из перечня: США, Россия, Европейский союз, ЦИК, НАТО. Наблюдение за ними велось в период с 28 августа по 28 сентября 2018 г.

Анализ данных пилотного проекта осуществлялся путем последовательного выполнения приведенных этапов. Рассмотрим суть реализации каждого из них.

1. Измерение аудитории телеканалов. Описав логику и принцип осуществления предлагаемой методики, следует перейти к рассмотрению ее применения в пилотном проекте «ТВ-Граф».

Отметим также, что при работе с данными использовалась стандартная методология, разработанная холдингом *Kantar Media* и примененная на практике специалистами компании *Tri Media Intelligence* для измерения телеаудитории.

Шаг 1. Для измерения аудитории отобранных 15 телеканалов использовалась панель *TMI*, состоящая из 540 домохозяйств, для которых был проведен опрос. По результатам опроса была сформирована база социально-демографических характеристик всех домохозяйств панельного исследования *TMI*.

Шаг 2. В каждом домохозяйстве был установлен пиплметр в целях получения данных о тех телеканалах, которые смотрят члены семьи. Использование пиплметров позволяет получать данные о телеканалах, просматриваемых не только онлайн, но и в записи. Так, например, если отдельно взятый

член домохозяйства смотрит в записи телепередачу, которая была в эфире несколько дней назад, пиплметр при помощи техники локального сопоставления звука способен отследить, по какому именно телеканалу была показана эта программа.

Используя названную технику, команда *TMI* идентифицировала, с какого устройства был получен сигнал (кабельное телевидение, оптическое, DVD и т. д.).

Такая возможность появляется только при условии наличия пиплметра в домохозяйстве. Принцип действия сопоставления следующий: с помощью пиплметров создаются метки (*signatures*) – небольшие части цифровой последовательности (не голосовые части дорожки), которые соответствуют аудио тех телеканалов, которые были просмотрены членами домохозяйства. Затем данные о метках соединяются с данными сервера, представляющими собой записи телевизионных сигналов [9]. Результат такого сопоставления – информация о том, какой именно контент был просмотрен членами каждого домохозяйства.

Шаг 3. Как было изложено ранее, пиплметр имеет в комплекте пульт, кнопки на котором соответствуют именам членов домохозяйства, также присутствуют добавочные кнопки для гостей с указанием их пола и возраста, с помощью этих кнопок фиксируется контент, который просматривают гости.

Данные о нажатии на кнопки членов домохозяйств были совмещены с социально-демографическими данными и информацией о просматриваемых телеканалах, полученной на шаге 3 при помощи инновационного программного обеспечения *Instar Analytics*.

2. Измерение телевизионного контента. Контент всех новостных и развлекательных программ, а также реклама 15 телеканалов, отобранных для исследования «ТВ-Граф», были закодированы при помощи специальной программы. Впоследствии матрица кодов контента телеканала была совмещена с данными об аудитории и популярности самих телеканалов.

3. Измерение тональности телевизионного контента. Для определения тональности контента команда из 12 специалистов ежедневно в период проведения исследования просматривала основные новостные телепередачи, транслируемые по 15 названным каналам, отмечая все упоминания о каждом из 6 объектов наблюдения (учитывались сообщения и типа «упоминание», и типа «объект в центре внимания»). Также кодировались тональности упоминаний.

Двухступенчатое кодирование. Тоны и содержание сообщения

Двухстадийное кодирование. Приведем примеры кодирования телевизионного контента каждого из

типов сообщений («упоминание» и «объект в центре внимания»).

Сообщение типа «объект в центре внимания». В случае, если объект наблюдения был представлен персоналией – кандидатом в мэры или политиком, – каждое его появление на экране кодировалось специалистами как сообщение типа «объект в центре внимания».

Упоминания стран (Россия, США) или организаций (НАТО и ЕС) относились к типу «объект в центре внимания», если официальный представитель страны или организации выступал лично. Примером такого типа сообщения является выступление посла США в Грузии (передача «Курьер», транслируемая на телеканале «Рустави 2» в 21 час 25 минут 5 секунд 11 сентября 2017 г.), заявляющего официально об экстрадиции бывшего президента Грузии М. Саакашвили и уточняющего, что лица, принимающие участие в этом процессе, обязаны обеспечить его прозрачность. Такое информационное сообщение было отнесено к типу «объект в центре внимания» для США как объекта наблюдения.

Сообщение типа «упоминание». Примером такого сообщения является обращение грузинского политика Ш. Нателашвили к ЦИК, в котором политик высказывается о комиссии как о мошеннической организации, которая намеренно фальсифицировала результаты выборов (передача «Курьер», транслируемая на телеканале «Рустави 2» в 21 час 19 минут 40 секунд 18 октября 2017 г.). В приведенном примере политиком был упомянут объект наблюдения (ЦИК).

Причина, по которой важно разделять упоминания об объектах наблюдения на два типа, техническая: разделяя контент на две разные группы, удается избегать ситуации, при которой один объект наблюдения, выраженный персоналией, сообщает что-то о другом объекте, выраженном страной или организацией. Предложенное деление позволяет не потерять информацию ни об одном объекте наблюдения.

Тоны. На следующем шаге производилось кодирование тонов (положительных, отрицательных и нейтральных) упоминаний объектов наблюдения. Как отмечалось, отсутствует четкое определение типов тонов, поэтому задачей кодировщиков при определении было учитывать одновременно и контекст, и жестикуляцию, и смысл самого сообщения. Приведем примеры определения каждого типа тональности.

Отрицательный тон. Рассмотрим упоминания о России как об объекте наблюдения в негативном ключе. Такой тон будет характерен высказываниям человека, обвиняющего Россию в соучастии террористам, во время действий которых скончался друг интервьюера (передача «Курьер», транслируе-

мая на телеканале «Рустави 2» в 21 час 34 минуты 15 сентября 2017 г.).

Положительный тон. Примером может стать выступление министра безопасности Германии Урсулы фон дер Леен, в котором она комментирует присутствие НАТО в Украине, называя факт присутствия организации гарантом безопасности в регионе. В данном случае НАТО как объект наблюдения позитивно окрашен немецким политиком (передача «Моамбе», транслируемая на Первом государственном телеканале в 20 часов 36 минут 10 секунд 7 сентября 2017 г.).

Нейтральный тон. Упоминания об объекте наблюдения в нейтральном тоне рассмотрим на примере высказываний о США. Речь первого заместителя председателя парламента Грузии Т. Чугошвили о встрече делегации парламента Грузии с официальными представителями США (передача *Kurieri*, транслируемая на телеканале *Russia 2*, в 22 часа 2 минуты 30 секунд 15 сентября 2017 г.) в штатах и освещение таких основных тем встречи, как соглашения о свободной торговле, территориальная целостность Грузии будут считаться нейтрально окрашенным, поскольку транслируемая информация содержит в себе только факты.

Процесс кодирования контента. Использовалось программное обеспечение, предоставленное компанией *Kantar media*, которое также применяется для кодирования контента телепередач. Кодировке подвергались и типы упоминаний, и типы тональностей.

Так, когда объект наблюдения, например НАТО, был упомянут в одной из телепередач на любом из 15 телеканалов, включенных в наблюдения, все сегменты сигнала с точностью до секунды были вычленены из основного (аналогично были осуществлены описанные шаги и для оставшихся 5 объектов наблюдения). Из таких сегментов была создана база данных.

Затем в каждом вырезанном сегменте было произведено разделение всех упоминаний на сообщения типа «упоминание» и типа «объект в центре внимания», после чего была осуществлена кодировка тональности каждого типа сообщения.

На следующем шаге при помощи программы *Instar Analytics* матрицы с кодами были соединены с данными о телезрителях: социально-демографическом портрете и численности просмотревших то или иное упоминание об объекте наблюдения.

Так, по итогам описанного объединения были получены данные не только об охвате и характеристиках аудитории, просмотревшей телевизионное сообщение, но также о том, каким образом сообщение могло воздействовать на телезрителей, поскольку известно, в каком тоне оно было передано.

Основные результаты и выводы

В пилотном проекте был проведен анализ тональности упоминаний следующих объектов: 6 кан-

дидатов, принимающих участие в выборах в мэры города Тбилиси в 2017 г., несколько политических

лидеров, ЦИК, НАТО, Европейский союз, США, Россия. В настоящей статье обсуждению подвергаются только Европейский союз, НАТО, США и Россия, наблюдение за которыми велось в период с 28 августа по 28 сентября 2017 г., а потому результаты анализа будут приведены только для упомянутых объектов.

Страны (Россия и США). За указанный период на 15 телевизионных каналах, включенных в анализ, упоминания о России встречались гораздо чаще, чем о США, 690 и 347 раз соответственно (см. рис. 1). Так, 806 800 человек услышали упоминание о России, а 723 700 – о США. Однако сама по себе информация об упоминаниях не дает понимания об общем контексте, в котором это упоминание было сделано.

По итогам анализа выяснилось, что упоминание США в негативном тоне встречалось менее 1 % случаев, тогда как информацию о России в негативном тоне транслировали в 33 % случаев (рис. 1). Так, становится понятно, что у негативных упоминаний России большее число телезрителей, нежели у негативных упоминаний США.

Позитивный тон упоминаний США встречается в 6 % рассмотренных кейсов, тогда как позитивных упоминаний России почти не было выявлено (рис. 1).

Чаще всего две эти страны упоминали на телеканале «Имеди», на нем, как и на других телекана-

лах, участвующих в наблюдении, прослеживается определенная закономерность: негативные упоминания США отсутствуют, тогда как негативные упоминания России встречаются в среднем в 34 % случаев.

Международные организации (НАТО и Европейский союз). Отметим также, что сравнительный анализ количества и тональности упоминаний показывает, что партия «Грузинская Мечта – демократическая Грузия» упоминалась в нейтральном тоне в 71 % случаев, тогда как партия «Единое национальное движение» подвергалась огласке в нейтральном тоне в 15 % случаев, международные организации (Европейский союз и НАТО) – в 96 % случаев. Такие результаты позволяют предположить, что телевизионная среда в Грузии отличается определенной объективностью в отношении упоминаний международных организаций и объединений по сравнению с политическими партиями страны.

Наибольшая частота упоминаний Европейского союза (все из которых были нейтральными) зафиксирована на Первом государственном телеканале, а упоминания о НАТО (большинство из которых носит нейтральный характер) – на телеканале «Имеди».

Результаты количественного анализа позволяют ответить на вопросы о том, каков масштаб аудито-

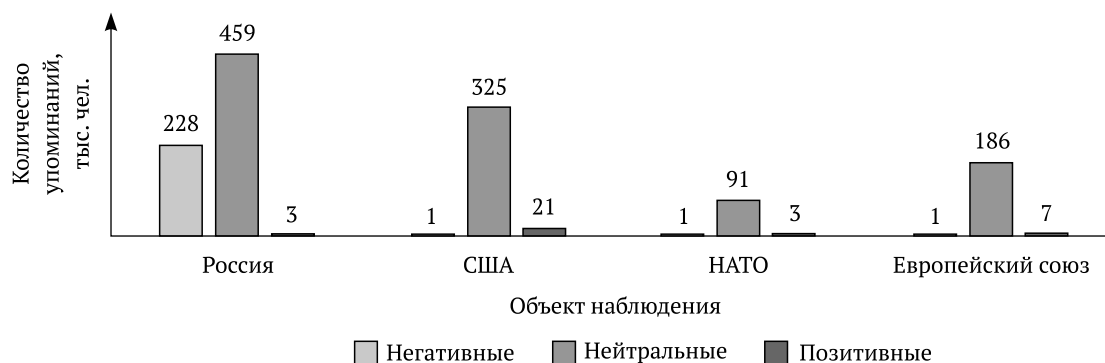

Рис. 1. Тональность и количество упоминаний

Fig. 1. In what key and how many times each object of observation was mentioned

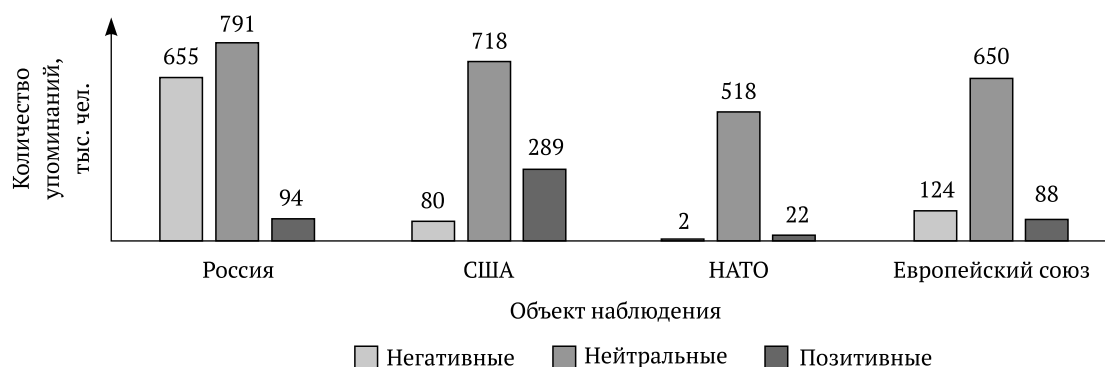

Рис. 2. Количество телезрителей, увидевших каждое упоминание в указанных тональностях

Fig. 2. The number of viewers who saw each mention in these keys

рии того или иного информационного сообщения, а также каков ее социально-демографический портрет. Анализ тональности, в свою очередь, позволяет углубить полученные результаты: предположить, какова политика того или иного телеканала в отношении освещения различных социальных проблематик, персон и т. д.

Можно предположить, что чем большую долю вещания телеканала составляют упоминания об интересующем объекте в нейтральном тоне, тем более объективный и профессиональный с журналистской точки зрения контент транслируется.

Понятно также, что предложенная методика апробирована на одном пилотном проекте, который имеет ряд ограничений, нивелируя их, можно продвигаться дальше в исследовании по настоящей теме.

География исследования, несомненно, ограничена. Как было сказано ранее, наблюдение велось только за просмотром телевизионных передач в семи городах Грузии. Ограничивающим также является тот факт, что замеры медиаконтента проводились только на 15 грузинских телеканалах и исключительно в рамках новостных телепередач, которые в большинстве случаев выходят в прайм-тайм, т. е. подвергалась анализу аудитория, состоящая только из телезрителей новостных программ прайм-тайма.

Тем не менее, как показывают приведенные выше примеры, совместное применение качественной и количественной методологии анализа крайне необходимо в том случае, когда исследователь заинтересован в получении наиболее полной и объективной информации о медиaprостранстве.

Библиографические ссылки

1. Журналистская Хартия Грузии. Законодательный Вестник Грузии [Интернет]. 18 марта 2009 [процитировано 30 октября 2018]. Доступно по: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/82792?publication=0> (на грузинском).
2. Macnamara J. *Mass media effects: a review of 50 years of media effects research* [Internet]. 2004 July 30 [cited 2018 October 30]. Available from: <http://www.archipelagopress.com/jimmacnamara>.
3. Hansen A, Cottle S, Negrine R, Newbold C. *Mass communication research methods*. London: Macmillan; 1998.
4. Neuman W. *Social research methods: qualitative and quantitative approaches*. Needham Heights: Allyn and Bacon; 1997.
5. Macnamara J. Media content analysis: Its uses, benefits and Best Practice Methodology. *Asia Pacific Public Relations Journal*. 2005;6(1):1–34.
6. *Актуальные проблемы теории коммуникации*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; 2004.
7. Trimedia intelligence. *Panel* [Internet] [cited 2018 October 30]. Available from: <https://www.tmi.ge/en/panel>.
8. Trimedia intelligence. *How we provide data* [Internet] [cited 2018 October 30]. Available from: <https://www.tmi.ge/en/provide-data>.
9. Trimedia intelligence. *Matching Technology* [Internet] [cited 2018 October 30]. Available from: <https://www.tmi.ge/en/local-audio>.

References

1. Journalistic Charter of Georgia. *Legislative Herald of Georgia* [Internet]. 2009 March 18 [cited 2018 October 30]. Available from: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/82792?publication=0>. Georgian.
2. Macnamara J. *Mass media effects: a review of 50 years of media effects research* [Internet]. 2004 July 30 [cited 2018 October 30]. Available from: <http://www.archipelagopress.com/jimmacnamara>.
3. Hansen A, Cottle S, Negrine R, Newbold C. *Mass communication research methods*. London: Macmillan; 1998.
4. Neuman W. *Social research methods: qualitative and quantitative approaches*. Needham Heights: Allyn and Bacon; 1997.
5. Macnamara J. Media content analysis: Its uses, benefits and Best Practice Methodology. *Asia Pacific Public Relations Journal*. 2005;6(1):1–34.
6. *Aktual'nye problemy teorii kommunikatsii* [Actual problems of communication theory]. Saint Petersburg: Publishing House of Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; 2004. Russian.
7. Trimedia intelligence. *Panel* [Internet] [cited 2018 October 30]. Available from: <https://www.tmi.ge/en/panel>.
8. Trimedia intelligence. *How we provide data* [Internet] [cited 2018 October 30]. Available from: <https://www.tmi.ge/en/provide-data>.
9. Trimedia intelligence. *Matching Technology* [Internet] [cited 2018 October 30]. Available from: <https://www.tmi.ge/en/local-audio>.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2019.
Received by editorial board 23.01.2019.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 316(075.8)

ПЕРЕСМАТРИВАЯ ТЕОРИЮ СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА

ИРЖИ ШУБРТ¹⁾

¹⁾Карлов университет, Ovocný trh, 560/5, 11636, Прага 1, Чехия

Рассматривается теория структуризации Э. Гидденса. Показаны основные концептуальные инструменты его теории, сильные и слабые стороны, а также то, как можно повысить перспективы этой теории. Концепция Э. Гидденса основывается на попытке преодолеть долгосрочный теоретический дуализм индивидов (индивидуализм) и общества (холизм) с помощью концепта дуальности действия и структуры. Предполагается, что фактическое преодоление этого дуализма потребует концептуализации, которая не переведет этот дуализм в дуальность (как это делает Э. Гидденс), а, скорее, попытается охватить его в дуплексной перспективе. Стимулы к этому были найдены в работах Э. Дюркгейма. Сделана попытка развить данную тему.

Ключевые слова: социологическая теория; теория структуризации; актор; действие; взаимодействие; структура; дуальность действия и структуры; *homo duplex*.

RECONSIDERING GIDDENS' THEORY OF STRUCTURATION

JIRÍ ŠUBRT^a

^aCharles University, 560/5 Ovocný trh, Prague 1, 11636, Czech

This article deals with the theory of structuration of Anthony Giddens. It shows the main conceptual tools of his conception, its strengths and weaknesses, and how it might be possible to surpass its perspective. Giddens' conception is based on trying to overcome the long-term theoretical dualism of individuals (individualism) and society (holism) with the help of the concept of duality of action and structure. The author of this article believes that overcoming this dualism would require a conception that does not translate it into «duality» (as Giddens' does), but rather attempts to capture it in a «duplex» perspective. The inspiration for this is found in Emile Durkheim, and the author tries here to elaborate on it.

Key words: sociological theory; theory of structuration; actor; action; interaction; structure; duality of action and structure; *homo duplex*.

Образец цитирования:

Шубрт Иржи. Пересматривая теорию структуризации Э. Гидденса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:69–73.

For citation:

Šubrt Jiří. Reconsidering Giddens' theory of structuration. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019; 1:69–73. Russian.

Автор:

Шубрт Иржи – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой исторической социологии гуманитарного факультета.

Author:

Šubrt Jiří, PhD (sociology), docent; head of the department of historical sociology, faculty of humanities.
jiri.subrt@fhs.cuni.cz

Among contemporary sociologists there is hard to find an author of such ambitious, comprehensive and at the same time widely-discussed work as A. Giddens (1938). Working at the University of Cambridge and at the «London School of Economics», he became known as adviser to British Prime Minister T. Blair. He is the author of more than thirty publications, from which instantly spring to mind «Capitalism and Modern Social Theory», «New Rules of Sociological Method», «A Contemporary Critique of Historical Materialism», «The Consequences of Modernity», «The Third Way», «Europe in the Global Age» [1–6]. We shall not look at the whole of A. Giddens' work, but only one aspect; what A. Giddens himself describes as an effort to reconstruct social theory.

A. Giddens' reconstruction of social theory.

A. Giddens, Parsons previously, sought to lay the theoretical foundations of social science. Parsons' endeavour, based on the «voluntaristic» theory of action (representing individual freedom) and structurally functional theory (representing social order), A. Giddens considered less than successful. On the contrary he saw it as marred by an unbridged gap between behaviour and structure (e. g. between the «unit act» and AGIL-schema).

This led A. Giddens to formulate a theory of structuration to provide the answer – long discussed – to the problem of how to connect action and structure. The Theory of Structuration in A. Giddens' work crystallized gradually during the 1970s and first half of the 80s, mainly articulated through the books «New Rules of Sociological Method» [2] and «Central Problems in Social Theory» [7], which A. Giddens subsequently elaborated in his work «The Constitution of Society» [8] whose construction and intent is sometimes compared to J. Habermas «Theorie des kommunikativen Handelns» [9]. In like manner both A. Giddens and J. Habermas aimed to reformulate social theory and overcome restrictive traditions. «The Constitution of Society», as one of the key works of theoretical sociology from the latter half of the XX century, still provokes much debate on the question of action and structure. A. Giddens traced out certain ways of resolving such questions which he himself left unexploited¹ and engaged with a broad range of ideas and inspirations. What follows is an account of the most important.

A. Giddens locates his starting point in dissent with what he described as the «orthodox consensus» – the dominant trend in American sociology from the early 1950s to the early 70s – whose central characteristics were functionalism and evolutionism. The dominant representative of this was of course Parsons. A. Giddens' theoretical thinking is founded on criticism of Parsons. A. Giddens views Parsons as obsolete, but at the same time admits that the issues raised by functionalists cannot be forgotten. A. Giddens considers that the conception of function is not applicable in

sociology, but admits that many who criticized functionalism have fallen into subjectivism; eg. in phenomenology. In its analysis of institutions and a range of social processes, functionalism, according to A. Giddens, is stronger than phenomenological sociology. Therefore, he concludes that to withdraw from functionalism we must handle the issue differently than phenomenological sociology.

A. Giddens emphatically regarded his approach as non-functionalist and non-evolutionary. His objections to functionalism led him to the theory of structuration, based on the concept of duality of action and structure or simply the duality of structure. A. Giddens believed that this approach could overcome both the traditional dualism of action and structure, and the dualism of micro and macro-theory. A. Giddens tried to think out the problem of the dualism of individual action and structure in such a way that both aspects come as near to each other as possible, i. e., so that dualism will convert into duality. This approach may contain a certain unsolved problem to which we will return.

Before getting to the principles of structuration, let us recall A. Giddens' conception of action and structure. A. Giddens criticizes functionalism for failing to appreciate the importance of human action in the constitution of the social world. Social theory, according to A. Giddens, must deal primarily with human actors, their consciousness and actions, and yet simultaneously with the structural conditions for and consequences of these actions.

A. Giddens' concept of action posits a competent, conscious actor, associated with two characteristics, *knowledgeability* and *capability* (clearly reflecting the influence of interpretive sociology). The concept of *knowledgeability* is related to practical consciousness, arising from reflection on the stock of knowledge and experiences of individual actors. Actors, according to A. Giddens, are usually aware, and can possess effective information on their own initiative. A. Giddens combines the *capability* of actors to act with the concept of power (the actor who acts has a certain power per se). Power is an integral element of social life. A. Giddens does not examine actions as discrete creative acts, but as repetitive practices involved in the continuous events of the social world, as a «continuous flow of conduct» [10].

A. Giddens sees structures as a set of rules and resources. Rules can be divided into:

1) *normative*, corresponding to legitimization processes, specific rights and obligations, and on the level of the social system, sanctions;

2) *interpretative*, corresponding to significations, interpretative schemes (as part of the available knowledge) and, on the level of the social system, the system of communication.

¹In his later studies in the course of the last two decades he has moved on without returning to them.

Resources are divided into:

- 1) *allocative*, establishing dominance arising from manipulating the results of human control of nature;
- 2) *authoritative*, allowing the exercise, based on power, of non-material resources, especially through controlling the activities of other people.

It is worth noting that A. Giddens understands structure not as a priori given, but as existing only because constantly produced, reproduced and modified by the conduct of human subjects. Structure has a hidden virtual pattern that on the one hand enables this conduct and at the same time sets limits and boundaries to it.

The stated objective of A. Giddens' theory is to relate action and structure. His strategy lies in rapprochement between these two poles. Having founded his theory of structuration on the transformation of dualism into constitutive «duality», he translated the dichotomy of action and structure into the duality of action and structure (also the duality of structure).

Fundamental to the idea of structuration is the theorem of *duality of structure*, according to which «the structural properties of social systems are both the medium and the outcome of social action» [11]². The concepts structure and action signify analytically different moments of the reality of structured systems of actions. Structures exist not as independent phenomena of space and time, but only through the actions and practices of human individuals. A. Giddens develops the principle of duality of structures on three levels:

- 1) communication of meaning;
- 2) the use of power;
- 3) the use of norms and sanctions.

From this it is clear that interaction in social life consists of three components – communication, power and sanctions related at the structural level with the processes of significance, dominance and legitimation. Various aspects of interaction – communication of meaning and the use of power, moral relations and sanctions – have their correlates in structure: interpretative rules, resources, and normative rules. At the level of individual action, conforming to the rules and resources brings concepts of *capability* and *knowledgeability*.

However, while it solves many issues, A. Giddens' theory generates problems too³. As already mentioned, previous efforts to overcome the dualism of individualism and holism are based on approaches where the

authors change their standpoints during theoretical explanations and try to explain theoretical issues by alternating perspectives from individualistic and holistic positions.

In A. Giddens' case, in the first step the individualistic perspective stands for individuals whose actions create structures. In the second step the holistic perspective stands for structures affecting individual action⁴. Following this, we return to the individualistic perspective and say that individuals can modify or reshape the existing structures.

It is at this point that the solution offered by the theory of structuration does not appear very satisfactory, and it is necessary to consider alternatives. The solution may be inspired by É. Durkheim and his concept of «homo duplex» [12]. This strategy is not the transfer of dualism of activity and structure to duality, as in the case of A. Giddens, but an approach where all basic concepts – actor, activity and structure – are grasped via the É. Durkheimian concept of duplex. In other words, that it is not only necessary for both perspectives to approach each other maximally, but, so to speak, to «blend» in a theoretical interpretation that demonstrates that the terms with which we work in sociological theory – actor, activity and structure – are by nature dualistic, which means «duplex».

Dualism in the perspective of «duplex». É. Durkheim notes that the human being is divided, and what's more in an internally contradictory manner. Durkheim variously characterizes this division it is sustained. É. Durkheim refers to traditional dualism, which opposes the body to the soul. He speaks of the «constitutional duality of human nature» [12, p. 17], the decoupling of man into physical being and social being. He says that in each of us there are two consciousnesses, two aspects of mental life: personal and impersonal. Our physical body, on the one hand, is the source of our endless needs and desires, or egoism. Our socialized being is the construct of society, living and acting through us, controlling and diminishing the symptoms of our egoism through internalized moral principles.

In trying to follow up É. Durkheim and be inspired by his concept of «homo duplex», we want to consider what É. Durkheim himself set aside – the consistent projection of a dualistic view onto the concept of the actor in all key concepts of sociological theory. É. Durkheim frequently expresses terms and ideas which are to a degree anachronistic, and it's not necessary to de-

²Human language is an example of a medium, and also an outcome, of social action, according to A. Giddens. Individual speech acts can occur only within the frame of an abstract set of rules of language, while speech acts repeatedly reproduce language as an abstract set of rules. If I pronounce a sentence, it is a manifestation of my action, which at the same time as an unintended consequence reproduces the system of language.

³One of the problems is Giddens' anti-functionalism. At the theoretical level, A. Giddens rejects functionalism and emphasizes the role of active individuals. However, in his later books, which deal with problems on a macro-sociological level in a holistic perspective, he forgets his reservations and formulates arguments that are functionalist in nature and do not differ much from Parsons' approach. Another problem is that A. Giddens' theory generally emphasizes the aspect of the repetitiveness of the action and largely ignores the matter of creativity, which is raised, among others, by H. Joas [13].

⁴Giddens, however, weakens this holistic stand-point by stating that the structures and systems do not exist as separate autonomous entities (as e. g. in Luhmann), but in so far as they are repeatedly formed by human action.

fend all his partial claims, but we should make efforts to utilise the most powerful, still-relevant elements, which in particular means the inner ambiguity of «homo duplex». We would take and enhance this idea, but not strictly in the context and conceptual form in which the French sociologist uses it, retaining it as a loose inspiration in exploring issues which É. Durkheim did not deal with⁵. In accepting this idea we can consistently derive considerations on the nature of action, interaction, and structure, all of which may be looked at through the perspective of «duplex».

In individualistic conceptions, actions tend to be seen as one-way acts from the individual oriented outwards to impress something or someone in the outside world. However, from the dialectical perspective the whole thing is more complicated. A person driven by individual will monitors the actions of their personal (egoistic) interests and intentions. However, this activity is simultaneously social. Both components in human action – individual and social – interrelate, condition and support each other. In terms of work we could use two dimensions of actions, distinguished by the terms 'voluntarism' and 'sociality'. Voluntarism means that activities express the individual will or the interests of the acting persons who are its driving force. The components interact in the sense that one limits the other in the extent and degree of expression in a specific activity⁶. In existing theoretical conceptions voluntarism is often associated with motivation and choice; sociality is viewed as a problem for the anticipated action, mainly associated with the concept of its social role. While analytically it is possible to distinguish two components, it is extremely difficult because they may be multiply-linked. As human actions relate to other individuals, there becomes a mutual influence; that is to say, interaction, which may take different forms and intensities, ranging from ephemeral encounters to fixed steady relationships. Specific interests and goals conjoin interacting individuals in certain interactional configurations, in which are found – despite their variety of specific features and differences – generally applicable principles that allow us to consider the typical forms of such interaction, such as cooperation, competition, opposition, conflict, etc.

Structure from the duplex perspective (in place of a conclusion). The flaw in current considerations of this topic in sociological thinking – in A. Giddens as well as other authors – appears to lie mainly in the fact that structures are seen as a single-level in relation to activities, whereas a more adequate picture of how social structures operate emerges if we imagine them as multi-level and multi-layer, where the layers fit into

each other and interact. In contrast to that established idea we shall now consider how the perspective of «duplex structures» could be applied.

Sociological thinking concerning structures usually records social reality stripped of all individual features and reduced to general and collective concepts, formulas and rules. In terms of efforts to achieve generalized scientific knowledge this strategy is perfectly understandable, but nevertheless cannot be applied in its pure form in all humanistic and social science-oriented disciplines. A typical example is in history, which cannot be satisfied with general historical trends, but must incorporate the activities of specific historical figures, with their intentions and influence. Looking at the issue of structures through the perspective of «duplex» can help solve this problem. Social structures can be understood as two levels of structural rules. On the first level there are general rules defining basic social institutions and setting basic role positions and role activities. On the second level there are specific rules in the context of specific human groups, in which expectations are derived or enforced on the basis of the individual dispositions members; these are rules somehow negotiated within these groups, or imposed by force. Taking the simple example, we should turn our attention to example of sporting event, which occurs in accordance with rules, but further structure itself by the strategies and capabilities of teams and players (some football teams rely on corners – others specialise in penalties; some habitually defend while others habitually attack; and these roles may shift with regard to the corresponding characteristics of opponents). The functioning of various types of social groups, organizations and social systems can be considered in a similar way (eg. in the policy area, democratic system systems may differ in the specific form of expression, due to different procedural rules but also how the representatives of the leading political parties effect their power). Essentially all social reality should be seen in the unity of these two aspects simultaneously [14; 15]. A theory should be constructed to reflect the idea that the individual phenomena of social life can always be viewed simultaneously from the individual and social perspectives, which are not only complementary, but internally mutually conditional- and any interpretation conducted only one way is necessarily one-sided and incomplete. Therefore, our approach to the formulation of theoretical concepts should reflect this ambiguity, showing that each surveyed problem can be approached from two sides. Accepting this presumption, individual (unique) activity does not stand in opposition to supra-individual (general) social structures and systems, but they

⁵For this reason, we do not engage in the specific context of religion and morality, in which the concept of «homo duplex» by Durkheim is set or with the secondary literature that deals with this subject.

⁶From the historical and cultural point of view it can be assumed that the proportions between voluntarism and sociality can differ in individual types of societies and social groups. As an example the choice of a life partner can help. In traditional societies the parents or relatives determine the life partner, and often they have to respect a variety of strict social rules. In modern society the individual it usually selects himself, often based on very subjective choices and feelings.

are so aligned that each has individual and its supra-individual (general, collective) components, and these are in correspondence with other categories specified in a similar way. The advantage of this approach is that it can quite satisfactorily sort out the traditional conflict between the individual and society, which A. Giddens

transposed into the form of duality of action and structure. Looked at through the prism of «duplex», the individual will is not opposed to the transpersonal structure of society, but the two exist in mutual correspondence, each with individual and its social components, even though each to a different extent and degree.

References

1. Giddens A. *Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber*. Cambridge: Cambridge University Press; 1971.
2. Giddens A. *New Rules of Sociological Method*. London: Hutchinson; 1976.
3. Giddens A. *A Contemporary Critique of Historical Materialism. Volume 1. Power, Property and the State*. London: Macmillan; 1981.
4. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity; 1990.
5. Giddens A. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity; 1998.
6. Giddens A. *Europe In The Global Age*. Cambridge: Polity; 2007.
7. Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press; 1979.
8. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press; 1984.
9. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Volume 1, 2*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1981.
10. Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction. Social Analysis*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press; 1979. p. 55.
11. Giddens A. Time and Space in Social Theory. In: Matthes J, editor. *Lebenswelt und soziale Probleme*. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 1981. p. 88–97.
12. Durkheim É. Dualismus lidské přirozenosti a její společenské podmínky. In: *Cahiers du CEFRES*. 1995;8:16–34. Czech.
13. Joas H. *Die Kreativität des Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1992.
14. Šubrt J. *The Perspective of Historical sociology: The Individual as Homo-Sociologicus through Society and History*. Bingley: Emerald; 2017.
15. Šubrt J. *Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory*. Bingley: Emerald; 2019.

Received by editorial board 25.01.2019.

УДК 316.62

ПОЛИТИКА КАК ИГРА: ОСНОВНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ

В. А. ПОЛИКАРПОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрыт секрет власти: он лежит в психологической плоскости. Власть возможна лишь при наличии согласия управляемых субъектов подчиняться. Все решения власти принимаются с учетом получения согласия. Нарушение данного принципа приводит к потере власти. Политические отношения представлены как игра, имеющая игровое поле, фигуры для игры и определенные правила. Это позволяет предельно упростить предмет и задачу по компьютерному моделированию политических процессов.

Ключевые слова: игра; правила игры; условия игры; социальные отношения; политические отношения; совокупный субъект политического действия; субстанциональный поток; генерирующий поток; утопия; антиутопия; власть; согласие субстанционального потока.

POLITICS AS A GAME: THE MAIN PSYCHOLOGICAL ATTITUDE

V. A. POLIKARPOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Revealed the secret of power. It lies in the psychological plane. Power is possible only if there is agreement to obey the governed subjects. All decisions made by the authorities are made subject to obtaining this consent. Violation of this principle leads to the loss of power. Political relations are presented as a game with a playing field, pieces for the game and certain rules. This allows us to extremely simplify the subject and simplifies the task of computer modeling of political processes.

Key words: the game; the rules of the game; the conditions of the game; social relations; political relations; the aggregate subject of political action; the substantial stream; the generating stream; utopia; dystopia; power; the consent of the substantial stream.

Общие замечания

Политические отношения проще всего представить как игру, подчиняющуюся определенным правилам. Это, впрочем, касается всех социальных отношений. Научный подход в области социально-

го исчерпал себя. Нет никаких социальных законов. Социальное не есть продолжение физического. Естественно-научная парадигма не работает. Общество должно быть понято, а не познано.

Образец цитирования:

Поликарпов ВА. Политика как игра: основное психологическое отношение. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:74–79.

For citation:

Polikarpov VA. Politics as a game: the main psychological attitude. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:74–79. Russian.

Автор:

Владимир Алексеевич Поликарпов – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Vladimir A. Polikarpov, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of psychology and social sciences.
polikarpoff2@yandex.ru

Что же необходимо понять?

Правила игры.

Мы не настаиваем на том, что сказанное ниже будет соответствовать действительности. Может быть да, а может быть нет. Во всяком случае, это только модель, которая облегчает понимание социального.

Итак, люди и пространство, в которое они помещены, представляют собой, соответственно, фигурки для игры и игровое поле, созданное целенаправленно некими высшими существами. Это скучающие боги. Скорее всего, так, ведь для чего нужна игра? Чтобы развеять скуку. Игра носит характер соперничества. Из этого вытекает диалектика, борьба противоположностей, схватка.

Когда-то мудрый бог Ахура-Мазда открыл эту истину пророку Заратустре. Интерпретируя учение Заратустры, древнегреческий философ Гераклит сформулировал ее так: «...следует помнить, что война всеобща и правда – борьба. Война – отец всему и царь всему. Одних она делает свободными, других – рабами, одних – богами, других – людьми» [1, с. 201].

Это весьма неприятная истина для мыслящего человека, который живёт иллюзией своего бессмертия. Платон говорил, что задача философии – смягчать нравы людей. Иными словами, идти против их природы. Но если бы это действительно удалось? Что бы было?

Представьте себе шахматную доску и фигуры на исходных позициях. Вот одна из фигур, например слон (он же офицер), вдруг обращается к другим фигурам и говорит: «Братья, доколе мы будем сражаться и убивать друг друга на потеху игрокам? Черные фигуры такие же, как белые, а белые – как черные. Остановитесь. Кому из вас нужно это побоище? Внемлите голосу разума!»

Вняли.

И игра так и не началась.

Фигуры стоят без движения и покрываются пылью. Жизнь кончилась. Время остановилось.

Но это маленькое отступление – не более, чем сказка. Время остановить нельзя. И правила игры

невозможно отменить. Тот, кто пытается это сделать, погибает раньше других. История знает такие примеры.

Мы, разумеется, не шахматные фигуры, и наше игровое поле не шахматная доска. Мы гораздо сложнее. Мы наделены сознанием. И чем лучше мы осознаем правила игры, тем успешнее в ней участвуем. Игроки должны особенно ценить такие фигуры.

Предмет настоящего исследования – политические отношения. Политика в переводе с древнегреческого означает «деятельность государства». Государство – это высший уровень организации общества, а политические отношения представляют собой квинтэссенцию всех социальных отношений.

Дело в том, что социальное – это всегда отношения власти и по поводу власти. В этом нет ничего удивительного, ведь социальное – это организация, целое, а власть – это квинтэссенция организации. Исходное, самое первичное отношение социального: *господин – раб*. Мы найдем его в любом социальном отношении. Человек, как социальное существо, тем и отличается от животных, что живет за счет подчинения и использования себе подобных, добиваясь власти. Даже строительство храма – не что иное, как стремление подчинить себе бога. Скоро колесо истории завершит свой оборот, и общество вернется к своему исходному и естественному состоянию – неприкрытому рабству.

Сущность человека, его *differentia specifica*, которая отличает его от всех других живых существ, заключается в том, что человек подчиняет и эксплуатирует себе подобных. Как только некое первобытное существо, предок человека, подчинило другое подобное себе существо и заставило его на себя трудиться, оно сразу стало человеком. Грубо говоря, как только какая-то первобытная обезьяна поработила другую обезьяну, она сразу стала человеком. Вот наша сущность. Социальное возникает из завоевания.

Если вас интересует мое мнение, то мне это тоже не нравится. Но ничего нельзя изменить, таккова природа человека.

Возникновение государства

В 1960-х гг. в Минске вышла книга белорусского историка Ф. М. Нечая «Рим и италики» [2]. В ней автор доказывал, что древнеримское государство возникло в результате завоевания одного народа другим, а вовсе не из-за расслоения общества на классы, как утверждал К. Маркс. Мы полагаем, что это универсальный принцип.

Он просматривается на всем историческом материале и действует до сих пор. На территории Древней Греции с XVI по XII в. до н. э. развивалась минойская цивилизация ахейцев. Известные нам

древнегреческие мифология, религия, язык возникли именно тогда. Микены возглавили ахейцев в Троянской войне. Ахиллес, Одиссей – ахейцы. В XII в. до н. э. в Грецию вторглись племена данайцев. Они завоевали Грецию, подчинили ахейцев, усвоили их культуру, религию, язык и постепенно, пройдя так называемые темные века, создали свои государства-полисы. В Лакедемонии потомки Ахиллеса и Одиссея – ахейцы – вообще превратились в перизков и илотов. В свою очередь, завоевание Греции Македонией привело к созданию нового го-

сударства, ставшего ненадолго империей. И снова завоеватели приняли культуру и язык завоеванной страны, сменив лишь ее элиту и ядро войска.

В IX в. Русь представляла собой развитую страну. Мы, по крайней мере, знаем о существовании таких городов, как Ладога, Новгород и Киев. В это время происходит завоевание Руси варягами. Рюрик подчиняет Новгород. Хельг, известный нам как Олег, проводит успешную операцию по захвату Киева. Возникло государство варягов, так называемое древнерусское государство, – Киевская Русь. Варяги усвоили религию автохтонного населения, культуру, язык, но стали его элитой. Ядро войска составляли варяги. Они оставались элитой, хотя даже приспособили свои имена к местному языку. Так, Свендеслейв стал Святославом, а Хельга – Ольгой.

Из Старгорода (ныне немецкий город Ольденбург) в Полоцкое княжество пришло племя лютичей во главе с князем Миндовгом. Они подчинили местное население, усвоили их культуру, религию, язык. Их предводитель стал князем, сопровождавшая его знать – новой элитой, а войско – ядром вооруженных сил нового государства. Так же, как в Англии и на Руси, здесь новое государство стало именоваться по названию племени, создавшего его: Англия – государство англов, Русь – государство руссов, Литва – государство лютичей. Все население бывшего Полоцкого княжества стало называться «литвины».

Следует ввести новое понятие: «совокупный субъект политического действия». Совокупный субъект политического действия – это общность, объединенная общей историей. В основе этой общности лежит матрица, главным импульсом которой является обладание и экспансия – завоевание и удержание власти. Именно поэтому у геополитики как функции того или иного совокупного субъекта политического действия есть только один закон – борьба за передел мира и жизненное пространство. Н. Хомский пишет: «Одним из ключевых устремлений сверхдержав является организация и реорганизация окружающего мира в собственных интересах с использованием военных и экономических средств» [3].

Все это, за исключением используемых средств, применимо к политической психологии каждого отдельного человека. Данные средства могут стать доступными только вследствие вхождения в совокупный субъект политического действия – сообщество единомышленников. Уточним это. Политические устремления (симпатии, чаяния) любого рядового члена общества связаны со стремлением переделать весь мир под себя. Это врожденное влечение. Оно определяет и оценку, и интерпретацию событий.

Как говорил один герой Ф. М. Достоевского, чаю мне по утрам не пить или весь мир вдребезги? Он, как известно, выбирал чай. И не следует питать иллюзий,

поскольку именно таким создан человек и пересоздать его невозможно. Во всяком поступке можно отыскать общее универсальное противоречие, которое определяет поведение человека, – это противоречие между стремлением к самореализации (к реализации желаний) и защитой своего положения в обществе [4, с. 68]. Если угроза положению в обществе исчезает, если социальный контроль стремится к нулю, возникает ниша произвола [4, с. 129], желания берут верх. Если нет, то они будут проявляться в косвенных действиях и намерениях. И, если интересы бизнеса требуют уничтожения государства, пусть погибнет государство. Понять, что вместе с государством погибнет и сам бизнес вместе с бизнесменом, они уже просто не могут. Таковы условия игры. Как много сделали очень богатые старожилы для свержения монархии Романовых в 1917 г. Вспомним хотя бы Савву Морозова. И где теперь эти очень богатые старожилы?

Исходя из сказанного, объяснить политическое поведение любого среднего человека очень просто. На все вопросы, которые мы зададим, может быть только один ответ: для завоевания (удержания) власти.

Совокупный субъект политического действия – это инициативная часть некоего сообщества, которое имеет своей целью захват власти. Применительно к Древней Руси – это дружина Рюрика, принадлежавшая к некоему скандинавскому племени и давшая новому государству свое имя. Какое государство существовало на данной территории до них, неизвестно.

К истории какого государства мы бы ни обратились, везде обнаруживаем три исходных элемента: подчиняемое большинство, уже имеющее хозяйственный механизм или содержащее возможности его обретения; подчиняющее меньшинство и его «дружина» – совокупный субъект политического действия. Подчиняющее меньшинство питает «дружину», оставаясь в массе индифферентным к ее действиям. Однако именно оно является носителем интегрирующего и побуждающего начала. Это в первую очередь социальная память. Ее ядром всегда является образ потерянного рая. Это память о страданиях.

В истории каждой социокультурной группы, чаще всего это этнос, имеется миф о золотом веке. Этот век был уничтожен врагами, и с тех пор все устремления группы сводятся к восстановлению справедливости – обретению утраченного рая и наказанию врагов. Иными словами, к возвращению в ситуацию страданий и борьбы, дабы завершить ее в свою пользу. Включается действие закона обратной тенденции, описанного нами ранее в монографии «Психология первой любви» [4, с. 113]. Сегодня, впрочем, мы понимаем, что нет никаких законов, это просто правила игры.

Механизм возникновения нового государства. Структурно-функциональный анализ

Уже имеется схема, которая содержит все основные элементы механизма возникновения государства. Далее мы будем ее только уточнять и конкретизировать. Разберем ее. Наличие всех элементов схемы обязательно.

1. *Субстанциональный поток*¹. Это та реальность, которая питает весь процесс. Она имеет влияние и средства. Это «подчиняющее меньшинство».

2. Субстанциональный поток оказывает влияние через *генерирующие потоки* – интеллектуальные центры, агентов влияния и «дружинников». Субстанциональный поток проявляет себя через некую систему убеждений, которую удобно назвать утопией.

Впервые подверг утопию научному анализу немецкий философ К. Мангейм [6]. Не будет преувеличением сказать, что весь процесс социально-исторического развития человечества представляет собой институализацию утопий в жизни разных стран и народов. Это очень важно, потому что анализ утопии позволяет добраться до субстанциональных потоков, вскрыть их цели и предсказать последствия появления нового государства. Это возможно потому, что любая утопия несет в себе свой антипод – антиутопию.

3. *Утопия и антиутопия*. Фактически любая социальная утопия является ярким завлекательным миражом, волшебным покрывалом, под которым таится ее страшный, но неизбежный антипод – антиутопия. В. Штепа уточняет эту мысль. Он утверждает, что если утопия основана на позитивном стремлении к прямому воплощению своего идеала, то антиутопия сосредоточена на негативе – борьбе со всевозможными «врагами» и «ересями», чем постоянно отодвигает «светлое будущее» на неопреде-

ленный срок [7]. Как только власть обретена, утопия отступает на задний план, становясь частью официальной идеологии. На первый план выходит антиутопия. Так, например, коммунистическое государство Сталина возродило крепостничество и прочие формы рабства. Либерально-демократическая утопия в СССР превратилась в некий симбиоз авторитарного государства и капиталистической корпорации. Исторический опыт показывает, что, как правило, любые антиутопии заканчиваются политическим и экономическим крахом государства, которое выступает их субъектом-носителем. Рим пал. Его жизненную энергию высосали люмпены (помните: хлеба и зрелищ) и христианская церковь. Надорвались. А дальше пошло и поехало. Возникли христианские государства.

По условиям игры государства рождаются из преступления. Одна группа людей захватывает и подчиняет себе другую. Здесь можно заметить, что, так как в широком смысле возникновение государства есть начало возникновения цивилизации, цивилизация рождается из преступления, а культура – из оправдания его.

Но, возникнув, государство стремится обезопасить себя и создает право, ставя преступление вне закона. Так возникает криминалитет – группы людей, придерживающиеся доцивилизационного права, названного Гегелем «непреднамеренное неправо» (*Unrecht*) [8, с. 137]. Нравственная рефлексия криминального права рождает криминальную мораль, наиболее близкую к первобытной морали, – аморализм. Это мораль маргинальных групп – тех, которые не успели или по каким-то причинам не смогли поучаствовать в захвате власти. Такие группы образуют субстрат для следующего переворота.

Основной психологический закон

Теперь рассмотрим структуру власти. Как устроен ее механизм, иными словами, в чем сущность такого явления, как власть? Она на удивление проста, хотя ее и трудно разглядеть. Она, можно сказать, лежит на поверхности. Власть существует с **согласия** субстанционального потока. Еще раз, власть существует только благодаря **согласию** субстанционального потока. Здесь ключевое слово – согласие. Поэтому все, что делает власть, она делает, чтобы получить согласие субстанционального потока. Это прослеживается во всех решениях, принимаемых властью. Если согласие будет утрачено, даже наличие самой сильной в мире армии, самого мощного репрессивного аппарата, колоссальные штаты полиции и жандармерии власть не спасут. Она рух-

нет. Согласие субстанционального потока нельзя рассматривать как некие активные действия, как бои с инсургентами, которые имели место во время первой революции в России в 1905 г., когда общество было здорово. Согласие совокупного субъекта чаще всего и как правило является молчаливым. Это очень важный момент.

Представим себе некую гипотетическую страну, образовавшуюся после развала Советского Союза. В этой стране 65 % процентов населения или более ориентированы на Россию и 35 % или меньше – на Запад. Прозападная компонента более активна. Их дружина, составленная из агрессивного меньшинства, ходит по улицам, устраивает митинги, угрожает и вообще полностью занимает внимание обывателя.

¹ Концепция субстанциональных и генерирующих потоков предложена российским ученым А. П. Левичем (см.: [5]).

И вот (это всегда воспринимается как неожиданность) на выборах побеждает пророссийский президент. Агрессивное меньшинство переворачивает автомобили, бьет витрины, поджигает крыши, пытается штурмовать здание правительства. Им противостоит полиция. Никто из 65 % электората пророссийского, в нашем примере, президента не вышел на улицу, не устроил митинг, не пошёл с палками на инсургентов, но полиция разогнала митингующих и все улеглось. Потому что большинство просто молча сочувствовало президенту и соглашалось с его действиями. Этого оказалось достаточно. Инсургентов разогнали, и все вздохнули с облегчением. Молчаливого одобрения, просто общественного настроения, оказалось достаточно.

Так что же происходит с подчиненным большинством, с теми, кто подвергся завоеванию? Приведем еще одну цитату: «Независимо от того, что происходит в отдельных ситуациях, войны ведутся с целью изменить психологию противника. Таким образом, войны ведутся для достижения психологических целей, если они не являются войнами на истребление. <...> Война – это своего рода убеждение, дорогостоящее, опасное и неприятное, но эффективное, если другие меры не дают желаемых результатов» [9, с. 64].

Коротко говоря, их принуждают к согласию. Существуют разные способы принуждения.

Прямое принуждение – использование угрозы.

Косвенное принуждение – эксплуатация чувства вины. К нему прибегают, например, некоторые религии, как, скажем, христианство, или идеологии, наподобие той, которую навязали побежденным немцам.

Используется и экономическое принуждение. Все его формы и их эволюция хорошо описаны К. Марк-

сом. Этот вид принуждения имеет одну слабую сторону. Говоря кратко, люди могут даже убить за деньги, но никогда за деньги не отдадут свою жизнь.

Наиболее эффективно – скрытое принуждение – создание иллюзии участия. Следуя М. Веберу, можно выделить три вида иллюзий, обеспечивающих согласие: традиция, право и харизма [10, с. 139–147].

Традиция основана на обычае, властные отношения регулируются традиционными сложившимися установлениями. Например, когда имеет место убеждение, что именно эта власть лучшим и единственным возможным способом учитывает культурную и историческую специфику данного народа. Право опирается на главенство закона. Например, власть законна, если была соблюдена процедура выборов. Харизма – признание права именно этого человека или именно этой группы на управление. В основе харизмы лежит успех. Успешный, эффективный лидер или группа быстро получают согласие.

Все три выделенные М. Вебером иллюзии иррациональны и основаны на вере. Вера относится к области общественных настроений.

Нами предложен метод эротетического анализа, позволяющий исследовать состояние общественных настроений [11]. Если особое значение в политологическом исследовании имеет определение ранних признаков больших перемен, которые в разведке называют «слабые сигналы», то главными задачами такого исследования являются обнаружение возникающего совокупного субъекта, идентификация существующего и определение его актуальных трендов.

Сказанное выше включает в себя все элементы для написания компьютерной программы, направленной на моделирование текущей политической ситуации и прогнозирование тенденции ее развития.

Библиографические ссылки

1. Лебедев АВ, составитель. *Фрагменты ранних греческих философов*. Москва: Наука; 1989.
2. Нечай ФМ. *Рим и италии*. Минск: Белорусский государственный университет; 1964.
3. Хомский, Ноам: биография [Интернет] [прочитано 25 марта 2019]. Доступно по: https://peoplelife.ru/312864_5.
4. Поликарпов ВА. *Психология первой любви*. Минск: Экономпресс; 2002.
5. Левич АП. *Метаболический и энтропийный подходы в моделировании времени* [Интернет] [прочитано 28 августа 2018]. Доступно по: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/levich_metabolishesky/levich_metabolishesky.htm.
6. Мангейм К. *Идеология и утопия*. Левич М, переводчик. Москва: Весь мир; 1997.
7. Штепа В. *РУТОПИЯ*. Екатеринбург: Ультра культура; 2004.
8. Гегель ГВФ. *Философия права*. Москва: Мысль; 1990.
9. Лайнбарджер П. *Психологическая война*. Москва: Политиздат; 1962.
10. Вебер М. Харизматическое господство. *Социологические исследования*. 1988;5:139–147.
11. Поликарпов ВА. Эротетический анализ: социальная диагностика общественных настроений. В: Демчук МИ, редактор. *Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Выпуск 18, часть 2*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2018.

References

1. Lebedev AV, compiler. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of the early Greek philosophers]. Moscow: Nauka; 1989. Russian.
2. Nechay FM. *Rim i italiki* [Rome and Italics]. Minsk: Belarusian State University; 1964. Russian.
3. Chomsky, Noam: biography [Internet] [cited 2019 March 25]. Available from: https://peoplelife.ru/312864_5. Russian.

4. Polikarpov VA. *Psikhologiya pervoi lyubvi* [Psychology of first love]. Minsk: Ekonompress; 2002. Russian.
5. Levich AP. [Metabolic and entropy approaches in time modeling] [Internet] [cited 2018 August 28]. Available from: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/levich_metabolishesky/levich_metabolisesky.htm. Russian.
6. Mannheim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and utopia]. Levich M, translator. Moscow: Ves' mir; 1997. Russian.
7. Shtepa V. *RUTOPIYA*. Ekaterinburg: Ul'tra kul'tura; 2004. Russian.
8. Hegel GWF. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl'; 1990. Russian.
9. Linebarger P. *Psikhologicheskaya voina* [Psychological war]. Moscow: Politizdat; 1962. Russian.
10. Weber M. [Charismatic domination]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;5:139–147. Russian.
11. Polikarpov VA. Erotetic analysis: social diagnostics of public sets. In: Demchuk MI, editor. *Nauchnye trudy respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki. Vypusk 18, chast' 2* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological-pedagogical sciences. Issue 18. Part 2]. Minsk: National Institute of the Higher Education; 2018. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2018.
Received by editorial board 31.10.2018.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Удивительное дело, но как в сюжетах рыцарских романов, так и в фабулах иных жанров рыцарской литературы постоянно встречаются сцены, когда рыцари льют слезы, бледнеют, рвут на себе одежды и падают без чувств. Что это за нервные припадки? И почему такую истеричность позволяют себе эталонные образцы мужества? Да и истеричность ли это в самом деле? Может, причина рыданий совсем в другом? Давайте попробуем разобраться!

Марина Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК: ВДАЛИ ОТ ПОТОКА СОЗНАНИЯ, ИЛИ ОТЧЕГО РЫЦАРИ ПЛАЧУТ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Анализируются поиски выразительных средств, которые были предприняты в рамках рыцарской литературы Средневековья. В свете этого выявляются четыре направления конструирования языка любви: в традициях песни-альбы, рыцарского романа, аллегорического романа и куртуазной поэзии.

Ключевые слова: средневековая литература; язык любви; поиски выразительных средств; альба; рыцарский роман; аллегорическая литература; символизм; куртуазный универсум.

Образец цитирования:

Можейко МА. Черный ящик: вдали от потока сознания, или Отчего рыцари плачут. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:80–92.

For citation:

Mojeiko MA. A Black box: away from the stream of consciousness, or Why knights cry. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:80–92. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

A BLACK BOX: AWAY FROM THE STREAM OF CONSCIOUSNESS, OR WHY KNIGHTS CRY

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkoraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article is devoted to the analysis of the search for expressive means that were undertaken in the framework of knightly literature of the Middle Ages. Four directions of searching for the language of love are revealed, namely: in the tradition of the alba song, in the tradition of the chivalrous romance, in the tradition of the allegorical novel and in the tradition of courtly poetry.

Key words: medieval literature; language of love; search for expressive means; alba; chivalrous romance allegorical literature; symbolism; courtly universum.

Северофранцузский рыцарский роман, рассмотренный в двух предыдущих статьях, существенно отличается в жанровом отношении от рыцарского эпоса, так как центрирован вокруг идеи любви рыцаря. Рыцарские подвиги трактуются как совершающиеся во имя дамы – ее спасения и завоевания (мотив завоевания ее любви исторически еще впереди). Сколько бы ни отвлекались авторы на описания подвигов как таковых (а любовный сюжет выступает в структуре романа скорее в качестве обрамления, задавая в начале повествования мотив подвигам, а в финале предполагая любовь дамы как награду за них), все же организующим фабулу моментом является именно состояние влюбленности рыцаря, именно оно – в фокусе внимания.

В силу этого обстоятельства авантюрно-рыцарский роман принципиально отличается от традиционного героического эпоса («Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде» и т. п.) еще и тем, что вынужденно фокусирует внимание на внутренних состояниях героя: эмоциях, чувствах, переживаниях, – обрздно говоря, на движениях его души.

По оценке Т. Манна, фундаментальным основанием, на базе которого роман сформировался как жанр, является «углубление во внутреннюю жизнь» персонажа [1, с. 280–282].

Вот здесь и возникает затруднение, попытки преодоления которого породили многие особенности средневековой любовной литературы: потребность говорить о чувствах уже есть, однако вербальных средств (условно говоря, *языка любви*), позволяющих выразить душевные состояния героя, еще нет.

Собственно, природа и сущность любви рыцаря к Даме непосредственно не выступают предметом рассмотрения романистов: внимание автора неизменно сосредоточено на внешних действиях, а отнюдь не на чувстве как таковом. Современные литературоведы полагают, что в условиях Средневековья отмеченное Т. Манном углубление во внутреннюю жизнь героя было «весьма ограниченным, еще самым предварительным и реализовывалось немногими наивными и примитивными средствами» [2, с. 4], поэтому о психологизме рыцарского романа можно говорить «лишь как о тенденции,

о творческой установке», хотя, как справедливо отмечает А. Д. Михайлов, в данном случае эта установка «даже важнее ее конкретных результатов» [2, с. 4], и в плане жанрового развития рыцарский роман являет собой существенный шаг вперед в истории художественной литературы и расширении ее предметного поля.

Важно также и то, что рыцарский роман впервые обращает внимание на своего рода внутреннюю эволюцию сознания персонажа, фактически делая еще один шаг вперед по сравнению с рыцарским эпосом (*chanson de geste*), где доминирует, по образному выражению В. В. Кожина, своего рода «пафос устойчивости», в рамках которого «сдвиги сюжета только подтверждают неподвижную незыблемость героя и породившей его почвы – приключения проносятся, как волны мимо утеса» [3, с. 115].

Однако что касается средств художественной выразительности, позволяющих описать душевные состояния романских героев, то нельзя не признать, что они едва ли не отсутствуют. Такая ситуация в целом свойственна для Средневековья. Характеризуя особенности средневековой культуры, А. Я. Гуревич приводит примеры неожиданного для современного человека использования терминологии: например, числа описываются в богословской системе понятий как мысли Бога, бедность – в системе понятий сословных различий и т. п. В ряду подобных примеров А. Я. Гуревич упоминает и отсутствие адекватного языка в лирических текстах: автор таковых, по его определению, «воспевает возлюбленную, но не находит да, видимо, и не ищет каких-либо особых, небывалых слов для выражения своих чувств» [4, с. 13].

Однако так ли уж не ищет? Языка любви еще нет, а между тем герои влюблены, т. е. переживают яркие эмоции, их чувства глубоки, а любовь развивается и обогащается содержательно, и это значит, что сознание героев переходит на новые стадии развития.

Но как передать это на бумаге?

Фактически сознание персонажа предстает перед автором как своего рода *черный ящик*, в котором определено что-то есть: там явно бушуют

сильные чувства, происходят важные для героя и эмоционально бурные процессы, – там, несомненно, что-то происходит, но что? На каком языке это можно назвать, если такого языка пока еще нет, поскольку задача подобного рода до сих пор фактически не ставилась?

Языковые средства для этого только нащупываются, и средневековая любовная литература – именно то пространство, в котором происходит эта работа. Медиевальные тексты о любви совсем не похожи на то, что мы привыкли называть любовной лирикой, и нередко их тематическая отнесенность с трудом угадывается с первого взгляда. Например, Ук де ла Баккалария, пытаюсь говорить о своей любви, говорит, скорее, о подвигах, свершенных ранее (подчас и даже не в честь любимой):

К ней от стен Антиохии
В смертный час помчался б я! <...>
Брал я с бою замок грозный,
Мне не страшен был медведь,
Леопард неосторожный
Попадал мне часто в сеть, –
Пред любовью же ничтожна
Мощь моя, досель и впредь! [5, с. 174].

Современная литература ушла далеко вперед – вплоть до такого экзистенциалистского приема, как *поток сознания*, в рамках которого непосредственно воспроизводится процессуальность внутренней жизни сознания субъекта, – однако результатами тех поисков языка любви, который осуществила средневековая рыцарская литература, во многом живет и вся последующая европейская лирика.

В этой непростой ситуации средневековые авторы, пишущие о любви и связанных с ней высоких чувствах и эмоциональных порывах, фактически осуществляют поиск (разработку) тех вербальных инструментов и образных средств, посредством которых могло бы быть осуществлено первое приближение к решению поставленной задачи: если не выразить любовные переживания, то хотя бы обозначить их наличие.

Предпринятые в рамках средневековой рыцарской традиции усилия в этой сфере (равно как и сформированные приемы передачи чувств в художественном тексте) можно сгруппировать в четыре следующих направления.

Первое направление опирается на прием, который представлял собой описание внешней (сугубо внешней!) и притом одной и той же событийности, на фоне и в контексте которой осуществляются любовные переживания героев, однако автор не касается их даже посредством описания.

Классическим примером этого направления могут служить альбы (ст.-фр. *alba* – заря), основное содержание которых представляет собой сетования

по поводу рассвета, несущего с собой необходимость расставания влюбленных – рыцаря и замужней дамы, которые должны соблюдать осторожность и не встречаться при свете дня:

Отогнал он сон ленивый,
Забывье любви счастливой,
Стал он сетовать тоскливо:
– Дорогая, в небесах
Рдеет свет на облаках.

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

– Живо

Уходите! Настает

Час рассвета!

– Дорогая! Вот бы диво,

Если день бы суетливый

Не грозил любви пугливой

И она, царя в сердцах,

Позабыла вечный страх!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

– Живо

Уходите! Настает

Час рассвета!

– Дорогая, сколь правдиво

То, что счастье – прихотливо!

Вот и мы – тоски пожива!

Ночь промчалась в легких снах –

День мы встретили в слезах!

Ах!

Страж кричит нетерпеливо:

– Живо

Уходите! Настает

Час рассвета! [6, с. 175].

Как видим, наряду с парой влюбленных, третьим действующим лицом альбы выступает страж (*gaita, wächter*) – либо слуга дамы, либо оруженосец или друг рыцаря, – песня которого, напоминающая о наступлении дня, собственно, и прерывает тайное свидание.

«Там за холмами...

Рассвет, который не дает

Длительности радости любви тому,

Кого я сам сюда впустил.

Я должен весть подать ему!»

«То, что поешь ты,

О страж, приносит муку мне.

Мне ненавистна песня эта!

Весть подаешь ты

О приближающемся дне

Всегда задолго до рассвета.

Будь другом, страж,

И нам не пой,

Что все светлеет неба круг,

Чтобы мог еще побыть со мной
В моих объятиях мой друг».
«Пускай спешит он!
Пора расстаться вам, поверь;
Не лгу я, подавая весть. <...>
Мой долг сказать ему о том,
Что час разлуки наступил.
Уж день, а ночь была кругом,
Когда вас поцелуй соединил».
«Пой, что угодно,
О страж, но друга не тревожь,
Его отсюда не зови!» [7, с. 98–99].

Альба действительно утренняя песня, и потому в ней, как правило, присутствует повторяющийся рефрен, обязательно содержащий в себе напоминание о заре: словно маятник, неотвратимо отбивающий час за часом, приближая момент разлуки:

«О царь лучей, бог праведный и вечный,
Свет истинный, единый, бесконечный,
Молю тебя за друга моего.
Уж с вечера не видел я его,
И близок час денницы!

Предшественница утренних лучей
Давно горит во всей красе своей.
Товарищ мой, усталые ресницы
Откройте вы, – как утро, молода,
Вдали горит восточная звезда,
И близок час денницы!

О милый друг, услышьте песнь мою:
Приветствуя пурпурную зарю,
Уже давно в лесу щебечут птицы.
О горе вам, настал ваш смертный час!
Соперник ваш сейчас застанет вас, –
Уж брезжит луч денницы! <...>

Вас сторожить просили вы вчера,
И простоял я с ночи до утра;
Напрасно все: и плач мой, и моление!
Соперник ваш свое готовит мщенье, –
Зарделся луч денницы!» [8, с. 171–172].

При безусловной отнесенности к любовной лирике альба сюжетно строится по схеме, весьма далекой от описания чувств героя: ее структура представляет собой диалог (*Wechsel* – спор) стража, который извещает о рассвете, и рыцаря или дамы, которые возражают ему, прося продлить радость встречи:

Боярышник листвою в саду поник,
Где донна с другом ловят каждый миг:
Вот-вот рожка раздастся первый клик!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

– Ах, если б ночь господь навеки дал,
И милый мой меня не покидал,
И страж забыл свой утренний сигнал.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...

Под пенье птиц сойдем на этот луг.
Целуй меня покрепче, милый друг, –
Не страшен мне ревнивый мой супруг!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил...¹
[9, с. 159–160].

Таким образом, альбы предлагают лишь изложение внешней конфигурации событий, причем всегда одной и той же типичной ситуации, лишенной каких бы то ни было сюжетных вариаций. Содержание чувств выносится в альбе за пределы сюжета и тем самым аккуратно обходится вниманием: читателю как бы предлагается самостоятельно реконструировать то, что задается автором *по умолчанию*. Здесь кроется неявная аксиома, предполагающая, что чувства эти столь же типичны, как и сама ситуация свидания, и в силу этого домыслить их (опираясь как на собственный опыт, так и на опыт чтения) не составит для читателя особого труда...

Как сильно отличается от традиционной альбы ее поздний отголосок у У. Шекспира: знаменитая сцена на балконе в трагедии «Ромео и Джульетта» тоже завершается приходом кормилицы и фразой Джульетты «Почти светает. Шел бы ты подальше. А как, скажи, расстаться мне с тобой?..», но как подробно, как тонко и филигранно говорят до этого герои о своих чувствах!

Однако к чести альбы следует отметить следующее. Несмотря на то что в ней только начинают нащупываться языковые инструменты, посредством которых можно говорить о любви, важно уже то, что акцент в альбе делается именно на психологической стороне события: моделируемые авторами сетования по поводу разлуки (пусть канонические, пусть нормативно заданные, типичные и даже не предполагающие каких-либо индивидуальных оттенков) – это не что иное, как первая попытка фиксации наличия любовного переживания – не событий, не внешних обстоятельств, но именно чувства как такового.

Первый шаг сделан!

Второе направление идет дальше: фундирующий его прием – это уже не просто признание того, что любовная ситуация имеет психологическую окраску и подоплеку, но попытка говорить о самих любовных чувствах и переживаниях как таковых (пусть не раскрыть их содержание, но хотя бы найти способ указать на них). Этот прием основан на использовании внешних маркеров, посредством которых можно если и не описать чувства героя, то хотя бы намекнуть на то, что они бушуют в его серд-

¹Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением орфографических особенностей оригинала. – М. М.

це. И если герой совершает неординарные поступки, выходящие за рамки обыденного, то это надо понимать как проявление сильной (или очень сильной) влюбленности. Например, у Кретьена де Труа в романе «Ланселот, или Рыцарь Телеги» читаем:

Когда она исчезла с глаз,
Он вознамерился тотчас
В окно метнуться напрямик.
Почти уж выпал он, но вмиг
Мессир Гавэйн сие узрел
И ухватить его успел [10, с. 25].

В восприятии современного читателя подобные усилия романистов могут производить эффект комического, однако литературные критики предостерегают от мысли об ироничности подобных описаний: авторы лишь хотят подчеркнуть, что любовь героя не знает колебаний и сомнений [2, с. 57].

Именно посредством указания на внешние проявления глубоких страстей автор пытается сказать о том, для выражения чего еще не знает нужных слов, – о неумолимой сущности любви, и потому ищет условные маркеры хотя бы для того, чтобы указать на сам факт наличия сильного чувства.

Используемыми в средневековой литературе внешними маркерами любви выступают не только сугубо внешние действия, но и сугубо внешние (применительно к романам сюжетам – чаще всего физиологические) состояния: герои трепещут, краснеют, бледнеют, бессонно ворочаются в постели, рыдают и падают в обморок. Так, Кретьен де Труа говорит о пылких чувствах Ланселота именно посредством перечисления внешних телесных слабостей:

Тут рыцарь, новости внемля,
Познал такую слабость в сердце,
Что принужден был опереться
На ленчик своего седла. <...>
...Поскольку, выслушав слова,
Чувств не утратил он едва.
На сердце будто пало бремя,
И перестал он в это время
Воспринимать слова, цвета.
К его коню стремится та,
На помощь рыцарю приспела
И помогала как умела,
Ведь не желала ждать она,
Чтоб рыцарь пал со скакуна... [10, с. 56–57].

Казалось бы, такое поведение не должно быть характерно для рыцаря как воплощения сурово-

го мужества и самодостаточной сдержанности. Да и сами средневековые тексты демонстрируют соответствующую ценностную установку. Например, Вольфрам фон Эшенбах в своем романе в стихах «Парцифаль» рассказывает о тревоге матери, сын которой, выросший вне рыцарского двора («...с собою сына... / Она в пустыню привела») и потому не усвоивший нормативных канонов поведения, проявляет излишнюю чувствительность. Так, сожалея о подстреленной птичке, он ведет себя, по ее мнению, не по-рыцарски:

...Но если певчей птички стон,
Сменявший песню, слышал он,
То удержать не мог он слез,
Рвал нежный шелк своих волос... [11, с. 77].

И материнское беспокойство («Ее заботил сына нрав» [11, с. 78]), и собственные сомнения ее сына в правильности своего поведения, и оценка встретившихся мальчику в лесу рыцарей, – все это заставляет его задать им вопрос: «Что значит рыцарь, не пойму?» [11, с. 79]. Ответом служит их совет приобщиться к рыцарской традиции в Камелоте:

Король Артур. К нему свой путь
Направь ты и уверен будь:
Вернешься рыцарем назад
И жизнь твоя пойдет на лад... [11, с. 79].

Однако средневековые авторы вновь и вновь заставляют своих мужественных героев бледнеть и рыдать. Готфрид Страсбургский, известный автор немецкой куртуазной поэзии начала XIII в., в своей версии романа о Тристане и Изольде описывает состояние глубоко взволнованного Тристана именно таким способом:

Его ланиты побледнели,
И губы прошептали еле... [12, с. 85].

Да, странно: эталон воина – и вдруг ведет себя, как кисейная барышня, вплоть до того, что лишается чувств в самый ответственный момент... В силу этого средневековые тексты нередко воспринимаются – через призму прочтения современным и неподготовленным читателем – достаточно неадекватно². Так, на портале, посвященном рыцарской традиции, можно прочесть следующее суждение: «Психика рыцарей, как и многих других людей той эпохи, была неуравновешенна: от неумного веселья они легко переходили к тоске и заливались сле-

²Здесь уместно вспомнить П. Зюмтора, утверждавшего, что «есть отдельный текст и есть современный читатель (медиевист), который держит этот текст в руках. <...> Проблема состоит не столько в переводе текста из одного культурного кода в другой, сколько в том, чтобы дать возможность понять его в рамках сегодняшнего опыта. Такое понимание нельзя ни подготовить, ни уточнить, не прибегая к научно-аналитическим суждениям. <...> Их функция – помочь зарождению у читателя эмоции, основанной на разуме» [13, с. 10–11].

зами (что вовсе не считалось зазорным), либо внезапно впадали в столь же безудержную ярость» [14]. Между тем такая трактовка в корне неверна: подобные реакции нельзя понимать как проявления слабости – речь идет лишь о поисках средневековыми авторами средств, которые позволили бы говорить о высоких чувствах: поиск этих средств идет, но результат пока не достигнут.

Зато достигнуто другое: применительно к корпусу текстов средневековых романов можно говорить о своего рода негласной конвенции, сложившейся (предполагаемой) между авторами и читателями. Эта конвенция опиралась на определенную систему маркеров, в рамках которой тем или иным физическим действиям и физиологическим состояниям героя ставилось в соответствие то или иное чувство или переживание. Данная система маркеров, вполне обозримая и достаточно стабильная, позволяла авторам эмоционально размечать текст, т. е. осуществлять своеобразные указания на то, что герой в те или иные моменты переживает те или иные эмоции: условно говоря, взволнован – бледнеет, сильно впечатлен – падает с коня... Отсюда и нервическая трепетность, столь неожиданная для сурового рыцарства.

Нельзя не отметить, что данный прием впервые апробирован еще в Античности, в частности, в некоторых описаниях Сафо он достигает высокой экспрессивности:

...У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться.
Лишь тебя увижу, уж я не в силах
Вымолвить слова.

Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же –
Звон непрерывный.

Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я... [15, с. 5].

Прием был апробирован, однако прочно забыт и потерян для литературной практики, как потеряно было для Средневековья все античное наследие, – авторам рыцарских романов пришлось открывать для себя его приемы вновь, что и было успешно осуществлено.

Третье направление – аллегорическое: дабы говорить о чувствах, авторы персонифицируют их, изображая в виде сюжетно самостоятельных фигур, наделенных вполне конкретными (как правило, человеческими) чертами. Воистину в соответствии с этимологией: аллегория – от греч. *alios* – другое и *agoreio* – говорю (то есть не умею сказать о том,

о чем хочу сказать, так скажу о другом, а уж ты, читатель, разумеи).

И если под аллегорией в целом понимают иносказательное изображение отвлеченного понятия или абстрактной идеи посредством вполне конкретного явления, имеющего зримый образ, то это как нельзя более подходит для отражения в тексте любовных переживаний, чувств и состояний, для которых еще не найден более изощренный, точный и адекватный язык.

Иносказания используются в любой культуре (существуют даже устойчивые аллегории, подобно сочетанию *голубь мира*), однако применительно к аллегорическим построениям Средневековья необходимо отметить три особенности.

Во-первых, аллегорический ряд, касающийся любовных переживаний, еще не устоялся, он только оформляется, и устойчивые аллегории еще не сложились – все только нащупывается: ищется образный строй, складываются первые описания.

Во-вторых, речь идет о достаточно рафинированных аллегориях, поскольку стоит задача иносказательно передать суть не только самых обобщенных чувств, но и таких абстрактных понятий, как справедливость, мудрость, добродетель и т. п.

В-третьих, нельзя не отметить, что в средневековой культуре аллегория занимает особое место, более значимое, нежели в других культурах: иносказание выступает не только как художественный прием, но и как важнейший принцип организации картины мира средневекового человека. Это связано со своего рода зеркальностью мироустройства в его средневековой проекции: земной мир мыслится как отражение мира божественных смыслов; неслучайно фундаментальным представлением средневековой культуры является трактовка тварного мира как книги, чьи сакральные знаки подлежат прочтению – расшифровке. Это формирует у средневекового человека интенцию к усмотрению в зримых явлениях скрытых смыслов, формирует навык декодирования оных и даже своего рода привычку видеть аллегорию везде и повсюду. Этот мыслительный контекст инспирирует и зеркальную интенцию: полагать, что любой абстрактной идее может соответствовать конкретное зримое воплощение. Как замечает А. Я. Гуревич, «разве не удивительно с современной точки зрения, например, то, что слово, идея в системе средневекового сознания обладали той же мерой реальности, как и предметный мир, как и вещи, которым соответствуют общие понятия, что конкретное и абстрактное не разграничивались или, во всяком случае, грани между ними были нечеткими?» [4, с. 10]. С точки зрения медиевистики «в высшей степени важно, что время, право и иные подобные абстракции мыслятся в средние века столь же конкретно, имеют такую же “материальность”, осязаемость, как и вещи, предметы. Поэтому общие понятия

и материальные предметы рассматриваются людьми той эпохи в качестве явлений одного ряда, сопоставимых и однородных» [4, с. 264].

Исчерпывающим примером может служить традиция реализма в знаменитом схоластическом споре об универсалиях, утверждавшая, в отличие от номинализма, онтологическое тождество бытия имен и бытия именуемых с их помощью предметов (*universalia sunt realia*): *роды* и *виды* как идеальные образы будущих объектов в сознании Творца у Августина, предбытие вещей как архетипов (*arhetipum*) в разговоре Бога с самим собой у Ансельма Кентерберийского, *самость* (*haecceitas*) вещи, предшествующая ее бытию и актуализирующаяся в свободном волеизъявлении Божьем у Иоанна Дунса Скота и т. п. [16, с. 878–879].

Типичным и наиболее масштабным средневековым текстом о любви, построенным на основе аллегории, является «Роман о Розе», первая часть которого (более романтическая) написана в 1240-х гг. Гийомом де Лорисом (4058 строк), вторая (более систематическая) – Жаном Клопинелем де Мёном около 40 лет спустя (17 724 строки).

Аллегорические фигуры уже встречались в культуре V–VI вв.: например, в трактате Марциана Капеллы «О браке Филологии и Меркурия» аллегорические фигуры олицетворяли науки и искусства (см. [17]); в «Утешении Философией» Боэция присутствует аллегория Философии, которая в виде дамы приходила к узнику и даровала ему утешительную беседу [18].

Однако в «Романе о Розе» аллегория выступает не просто художественным приемом, но фундаментальным принципом конструирования романного пространства, оформляющегося как своего рода целостный аллегорический универсум. Повествование строится от первого лица – как сон Поэта (он же Автор, он же Влюбленный – *L'Amant*), попавшего в прекрасный сад, в центре которого, у фонтана, – Она, Роза. Сад, однако, окружен каменной стеной с изображениями аллегорических фигур, означающих препятствия любви; среди них – Ненависть, Низость, Стяжательство, Скупость, Предательство, Зависть и (*sic!*) Печаль и Старость. У входа поэта встречает Праздность, а по саду ходят фигуры, означающие различные чувства и, как сказали бы мы сегодня, психологические состояния: Юность, Радость, Красота и Щедрость танцуют в хороводе, который ведет Веселье; любви поэта содействуют Приветливость, Дружба, Жалость, в то время как отрицательные персонажи (Злоязычие, Страх, Стыдливость, Ревность и др.) стремятся помешать ему; герой ведет дискуссии о сущности любви с такими персонажами, как Природа, Фортуна, Разум и др. [19].

Й. Хейзинга называет пестрый мир этих персонажей «несравненным театром марионеток», вся пестрота и элегантность которого была «необходима для того, чтобы сформировать систему понятий

о любви, с помощью которых люди обретали возможность понимать друг друга» [20, с. 119].

Следует отметить, что предлагаемые в романе описания аллегорических фигур вовсе не бескровны и не абстрактны, – напротив, они предельно конкретны и колоритны, снабжены описанием деталей туалета и аксессуаров, казалось бы необязательных и не играющих существенной роли в дальнейшем повествовании (это отнюдь не то ружье, которое выстрелит в одном из предстоящих актов). Так выглядит, например, описание Беззаботности:

И дверь в конце концов открылась,
А в ней девица появилась:
Так благородна и юна,
И миловидна, и нежна;
На ней корона с позолотой
Была искуснейшей работы;
Сияет золото волос,
И шапочка на них из роз.
Высокий лоб ее открыт,
И кожа нежная блестит.
Так дивно; изогнулась бровь
Красивой линией; цветов
Как будто аромат повеял –
Ее дыханье; розовее
Ни губ, ни щек вам не видать, –
Волшебница – ни дать ни взять!
И так чудесен без прикрас
Разрез ее небесных глаз,
И ямочкою подбородок
Ее отмечен; в меру тонок.
И строен женский силуэт, –
Пропорций лучших в мире нет!
Длинна и грациозна шея, –
Казалось, нет ее нежнее,
Безукоризненно бела.
И видел я – в руке была
У ней привычная вещица:
Чтоб на ходу прихорошиться,
Держала зеркальце она.
Прическа гребнем убрана
С весьма богатым украшеньем;
Изящны рукава суженья, –
И весь наряд ее таков,
Что образец он образцов!
И чтобы руки были белы
И гладки, а не загорелы, –
Перчаток пара служит ей,
Что снега самого белей.
А котты гентское сукно
С тесьмой по краю – зелено.
И по ее казалось платью,
Что без особого занятья
Она свои проводит дни, –
Знакомы игры ей одни.
Со вкусом выберет наряд,
И по утру выходит в сад;

И, наслаждаясь цветом мая,
Живет, совсем труда не зная!
Итак, она передо мной –
Прекрасный образ неземной.
Та дева дверцу отворила
И милосердно говорила
Со мною. Поблагодарив
Ее за милость и спросив,
Как имя ей, пренебреженья
Я не увидел даже тени
В лице: ее ответ был прост,
И не смутил ее вопрос.
«Меня назвали Беззаботность:
К забавам я имею склонность.
Свободна от забот весь день...» [19, с. 6–7].

Само название романа уже содержит аллегорию: если в классическом католицизме образ розы сопрягался с Христом, Девой Марией, святыми Георгием, Екатериной, Доротеей, Софией и других святых, а также с рядом нравственных свойств (милосердие, всепрощение, мученичество и др.), иногда выступая символом молитвы (канонический «Розарий») и самой христианской церкви [21; 22], то в контексте аллегорической системы романа Роза понимается именно как Возлюбленная: именно к ней стремится влюбленный Поэт, именно ее взаимности добивается. Вместе с этим может быть обнаружено и своего рода двойное дно повествования, которое задается вторичной аллегоричностью Розы: путь к ней понимается также как процесс самопознания и обретения истины и гармонии³.

Аллегорическое пространство, семантически аналогичное пространству «Романа о Розе», выстраивается и в «Книге о Сердце, охваченном любовью» (1457). Она написана в форме сатуры (т. е. с чередованием поэзии и прозы) и принадлежит перу Рене Анжуйского, сына Людовика Анжуйского и Иоланды Арагонской (его титулы, пусть подчас и символические, достойны того, чтобы их перечислить: король Иерусалима, Неаполя и Сицилии, Арагона, Валенсии и Майорки, Сардинии и Корсики, герцог Анжуйский и Лотарингский, граф Прованский и Барселонский).

Повествование Рене Анжуйского строится в том же (столь популярном для средневековой литературы) жанре (сно)видения, и переживания влюбленного героя также передаются посредством действий аллегорических фигур: он страдает, так как его Сердце исторгнуто из груди и отдано в руки Желанию, Разлад уничтожает его жизнь, в то время как Жалость на помощь отнюдь не спешит. Сюжет строится на том, что Сердце может получить Нежную милость, лишь отвоевав ее у Разлада, заключив последний в сети Стида и Страха. Герой обретает искомое, так как Желание дарит ему кольцо Наслаж-

дения, которая помогает ему отражать удары Отказа и Отчаяния, и шлем, который украшен цветами Любви, а предпринимаемые усилия поддерживаются такими помощниками, как Обещание, Нижайшая просьба, Любезность и Щедрость (см. [23, с. 20–31]).

Внешний вид аллегорических фигур выражает сущность персонифицируемых ими чувств, состояний и отношений сугубо оценочно: положительные чувства благообразны, отрицательные – отвратительны. Так, когда Сердце и Желание встречаются Ревность, она предстает перед ними как одетая в шкуры горбатая и кривая старуха-карлица: глаза – как угли, уши – размером с ладонь, зубы – желтые и редкие. Именно она держит в плену Любезный Прием, не давая приблизиться к цели влюбленному герою, который в силу этого попадает на берег Реки Слез в Лесу Долгого Ожидания (см. [23, с. 20–31]). Аллегорические фигуры также вполне конкретны и осязаемо материальны – вплоть до смертности: например, Сердце дает клятву не убивать Отказ, однако не сдерживает ее, убивает.

Весьма своеобразным аналогом рассмотренным аллегорическим построениям является «Любвный бестиарий» Ришара де Фурниваля. В этом тексте любовные переживания персонифицируются не в антропоморфных, но в зооморфных фигурах, среди которых встречаются как реально существующие животные (петух, дикий осел, волк, сверчок, лебедь, собака, змея, обезьяна, ворон, лев, лиса, дрозд, крот, пчелы, пантера, журавль, павлин, ласточка, пеликан, бобер, дятел, еж, крокодил, гидра, горлица, куропатка, страус, аист, орел, слон, голуби, кит, лис, гриф), так и мифические (каландр, сирена, змей аспид, единорог, серра) [24].

От традиционных средневековых бестиариев как сводов описаний животных, имеющих (при аллегорическом характере) нравоучительный смысл [25], «Любвный бестиарий» отличается и жанрово, и содержательно. Прежде всего исследователи полагают, что текст Ришара де Фурниваля представляет собой зашифрованное любовное послание Даме сердца [26, с. 132–146], в силу чего акценты смещены от нравоучений к рассуждениям о нюансах любовных переживаний.

Ришар де Фурниваль акцентирует внимание на передаче чувств влюбленного, выстраивая аллегорические сопоставления любовных настроений и действий с особенностями поведения представителей животного мира (подчас далеких от реальности, но устоявшихся в качестве стереотипов средневекового сознания). Так, он рассуждает: «Петух. Ибо чем ближе к дневному времени, тем чаще он поет; и чем ближе к полуночи, тем старательнее он поет и тем сильнее его голос. День, а также вечер, природа коего состоит из дня и ночи, смешанных воедино, символизируют любовь, не вполне могущую на-

³Запомним этот нюанс: мы еще вернемся к нему, поскольку в куртуазной традиции он получит богатое развитие.

десяться; полночь же означает любовь, совершенно лишённую надежды. И [вот], поскольку я теперь уже лишился всякой надежды добиться Вашего благоволения, это есть как бы полночь. <...> А потому из всех сил пою все громче, и подобает мне сейчас запеть еще сильнее. Природа Волка такова, что, если человек увидит его прежде, чем он человека, волк теряет всю силу и смелость; если же волк увидит человека первым, то человек теряет голос и не может вымолвить ни слова. Та же природа у любви мужчины и женщины: ибо когда есть любовь между ними, то, если сможет мужчина первым заметить, что женщина его любит, и даст ей это понять, она теряет смелость и не может отказать. Я же, не сумев сдержаться, сообщил Вам о своих чувствах прежде, чем что-либо разузнал о Ваших; потому Вы мне и отказали, как я от Вас неоднократно слышал. <...> А еще одна причина все того же находится в природе Сверчка, каковой причины я весьма остерегаюсь. <...> Ибо его природа такова: сей несчастный столь старательно поет, что из-за своего пения гибнет, забывая о еде и позволяя с легкостью себя поймать. А посему я стал оберегаться, заметив, что пение мне принесло слишком мало пользы...» [24].

Хотя такого масштабного влияния на культуру, как «Роман о Розе», «Бестиарий любви» Ришара де Фурнивалля не имел, тем не менее они могут быть рассмотрены в одном ряду, а именно в общем контексте аллегорического направления в построении образного ряда любовной литературы Средневековья.

В рамках этого направления внутренний мир человека фактически как бы вынесен вовне, субъективная сфера представлена объективным пространством (территорией сада в «Романе о Розе», топографией долины в «Книге о Сердце, охваченном любовью»), а о чувствах и состояниях влюбленного говорится посредством описания аллегорических фигур.

Анализируя трактовку любви в средневековой культуре, нельзя не отметить и то обстоятельство, что в аллегорической литературе отчетливо оформляется новая тенденция, связанная если не с переосмыслением феномена телесности, то по крайней мере с некоторым новым поворотом в его трактовке. Так, важную роль в «Романе о Розе» играет фигура Природы – дамы, которая помогает достичь цели поэту, жаждущему сорвать Розу и насладиться ее прелестью. В одной из предыдущих статей⁴ упоминалась поэма Алана Лилльского «Плач Природы», где аллегоризм уже имел место, однако оценочные акценты были расставлены принципиально иным образом. Алан Лилльский вложил в уста Природы негодования по поводу испорченной природы человека, искаженной и поруганной телесными вожделениями. Жан де Мён видит Природу принципиально по-иному: она есть не что иное, как

олицетворение жизни, и в этом плане трактуется как позитивное начало, помощница Бога, ответственная за продолжение рода людского и, таким образом, – за физическую сторону любви. Это новый взгляд на вещи, достаточно далеко уходящий от классической средневековой аскезы с ее аксиологической дискредитацией любого проявления телесности в любви. Более того, Й. Хёйзинга отмечает и «естественный эротический мотив» в «Романе о Розе», говоря об «острой притягательности тайны девственности, символически запечатленной в виде розы» [20, с. 120].

В силу сказанного аллегорическая литература Средневековья и прежде всего «Роман о Розе» как самое масштабное и мощное произведение этого направления не только обрели значительную популярность, но и существенно повлияли на последующие этапы развития литературы о любви и культуры в целом, поскольку в них был успешно реализован важный шаг на пути создания художественных средств, позволяющих (пусть еще и иносказательно) говорить о чувствах. Это далеко не финал в обретении языка любви, но это уже гораздо больше, чем простое указание на бледность рыцаря, падающего с коня от сильных чувств, о сути которых читателю остается лишь догадываться.

Четвертое направление средневековых поисков языка любви опирается на весьма интересный прием, предполагающий построение достаточно сложных знаковых систем, в рамках которых нюансы лирических переживаний передаются посредством отсылок к их символическим аналогам. В отличие от аллегорического направления здесь все неоднозначно: многослойные символы клубятся, создавая целый мир смыслов, взаимодействующих и перетекающих друг в друга.

Различные экземплификации этих символических систем представлены знаковой системой известного средневекового романа «Фламенка», аксиологическими правилами южнофранцузской рыцарской поэтики, игровой средой поэзии трубадуров.

«Фламенка» – старопровансальский роман в стихах XIII в., в рамках которого выстроен достаточно богатый сюжет, раскрывающий много деталей понимания любви в южнофранцузской рыцарской традиции, и мы еще вернемся к нему в этом контексте. Однако в настоящий момент нас интересует не сюжетная событийность, а весьма элегантный способ говорения о любви, которым неизвестный нам автор снабдил влюбленных героев.

Юный граф Гильем Неверский и Фламенка чрезвычайно стеснены в возможностях общения: она, как водится, замужняя дама, он – причетник посещаемого ею храма. Сразу нужно оговориться, что причетником Гильем стал не случайно: услышав

⁴См.: Можейко М. А. Любовь как феномен европейской культуры: от экстаза к аскезе // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 98–108.

печальную историю Фламенки, бессердечно запертой в башне замка ревнивым мужем, он заочно (тоже – как водится) влюбляется в нее и уговаривает священника прогнать прежнего причетника. При такой традиционной завязке (дама в беде, заочная влюбленность, доблестный рыцарь, мчащийся спасти даму) дальнейшая фабула далеко уводит «Фламенку» от северофранцузских рыцарских романов: Гильем разрабатывает хитроумный план, который должен приблизить его к любимой. Для этого недостаточно подкопа под помещения ванн, куда может прийти сказавшаяся больной Фламенка, – нужно обо всем этом договориться и добиться ее согласия, т. е. нужно поговорить. Уже одно это свидетельствует о внимании автора к внутреннему миру героев, к проблеме их понимания друг друга. И при всей аморальности такого адюльтерного предприятия нельзя не отметить, что в этом сюжете мы впервые сталкиваемся с тем фактом, что – страшно сказать! – женщина рассматривается не как объект завоевания, безмолвный и безличный (не безликий, лицо-то как раз очень важно), но как со-субъект коммуникации (вспомним: в северофранцузском рыцарском романе было совсем не так).

Итак, каков же язык этой коммуникации? Прежде всего надо признать, что уже разработанные языки используются в полной мере: герой мечется в лучших традициях северофранцузского романа:

Коль только отдыхом зовется,
Когда несчастный так трясется,
То вскакивая, то от пота
Весь мокры, то нападет зевота,
То вдруг застонет, то вздохнет,
То чувств лишится, то всплакнет...
[27, с. 105].

Кроме того, влюбленный Гельем также успешно использует уже сложившиеся сложившиеся языки культуры: медицинский, математический, юридический, богословский [27, с. 170, 175]; со схоластикой у Гельема и вообще все хорошо: Фламенка замечает такую его способность, как «диалектический мыслить метод» [27, с. 170]. Однако все эти языки недостаточно выразительны для достижения целей влюбленного – и он изобретает свой, особый язык.

Раз в неделю, во время воскресной мессы, Гельем на одно мгновение подходит к Фламенке для благословения, поднося ей для поцелуя псалтырь. В этот миг он может шепнуть ей одно лишь слово, и начинает он с интригующего «увы!»:

Слез с хоров – господи помилуй,
Ибо досель с такою силой
Его тревога не гнела,
К Фламенке, не подняв чела
И глаз, чтобы куда не надо

Не бросить ненароком взгляда,
Идет, решив, что все готово
К тому, чтоб хоть промолвить слово,
Коль не затеять разговор, –
И пусть ведет его Амор. <...>
И наконец Гильем пред дамой.
Она псалтырь целует; в самый
Тот миг он прошептал: «Увы!» –
Не поднимая головы,
Но так, чтоб дама услышала.
Гильем удачным счел начало
И прочь пошел, склоняясь смиренно
[27, с. 124–125].

Прямо скажем, Гильем откровенно пользуется своим служебным положением, причем это не простое служебное положение: он – слуга Божий, и то, что он делает, выглядит не только достаточно греховно, но и вполне кощунственно:

Священник даром не судачил,
Спев мессу, он молитву начал
Полуденную, как всегда.
Гильем, держа псалтырь, туда
Как будто чтеньем одержим,
Глядел; но расставаясь с ним,
Поцеловал листок сто раз,
Гордясь своим *увы!* [27, с. 125].

Однако автор не осуждает героя: его «ведет Амор», и Амору он служит. Здесь нельзя усматривать какого бы то ни было антирелигиозного поползновения: эти параллели никак не пересекаются ни для автора, ни для героев, – оценки одного мира не приложимы к миру другому (однако разговор об этом еще впереди).

В силу сказанного в мире повседневности герои, лицемеря бестрепетно и виртуозно, никак не теряют симпатий автора, – напротив, их сомнительное поведение вызывает не только полное одобрение, но подчас и восхищение:

Фламенка, дум его предмет,
Из церкви возвратилась, снова
И снова повторяя слово,
Что в сердце спрятала она,
И хоть была возбуждена,
Очаровательно снаружи
Сумела выглядеть при муже [27, с. 130].

Одного слова, одного непонятного «увы!» оказывается достаточно, чтобы Фламенка начала обсуждать с Алис перспективы, обдумывать ответ и в целом приходить в волнение.

В данном контексте можно говорить о готовности героини перейти из универсума обыденности (реальной жизни) в универсум любовный (своего

рода игровой), и Алис говорит о своего рода любовном этикете, практически о правилах поведения, нормативно заданных законами этого универсума:

Хоть он мне вовсе незнаком,
Но куртуазный долг ваш в том,
Чтоб сочинить ответ умело... [27, с. 133].

Речь фактически идет о куртуазном этикете, соблюдении канона, и Фламенка не считала бы себя благородной дамой, если бы не вступила в игру:

Коль он в тисках любви, сердечный,
Не скрою ласки, безупречной
Став дамой и беспрекословной
Рабою прихоти любовной... [27, с. 134].

Реплики, которыми по церковным праздникам обмениваются Гильем и Фламенка, немногочисленны: их всего двадцать (с 7 мая по 1 августа), но как изящно они выстраиваются! Это всегда лишь краткое восклицание, но оно не просто волнует сердца героев, но сдвигает сюжет, приближая их к желанной встрече. Суммарно (но не забудем про интервалы от мессы до мессы, придающие каждой реплике силу недельного волнения и ожидания) итоговый диалог выглядит так: «Увы!» – «В чем боль?» – «Умру». – «Чей грех?» – «Любви». – «К кому?» – «Да к вам». – «Как быть?» – «Лечить». – «Но как?» – «Хитря». – «Начни ж». – «Есть план». – «Какой?» – «Придти». – «Куда?» – «В дом ванн». – «Когда?» и т. д. В итоге Фламенка соглашается:

И говорит она: «По мне», –
«Да» этим заменив вполне [27, с. 179].

При этом особую изысканность придает каждому высказыванию то обстоятельство, что слово это не может быть произнесено произвольно: в каждом конкретном случае оно должно соответствовать текущему празднику, совпадая с именем святого в мессы. Например, реплика Гильема «Лечить» приходится на день святого Варнавы, почитаемого в качестве целителя; реплика Фламенки «По мне», снимающая с влюбленного Гильема запреты, приходится на день святого Петра-в-веригах, когда католическая церковь почитает цепи, упавшие в темнице с рук апостола (см. [28, с. 278]), и т. п.

В нашем контексте важно, что каждая реплика практически в постмодернистском ключе предполагает целый веер смысловых коннотаций и психологически значимых ассоциаций, что позволяет не только расширить семантическое пространство произнесенного, но и придать ему своего рода легальность и практически сакральный смысл. Все это делает односложные реплики многозначными, позволяя усматривать в них подспудные смыслы и полисемантическое богатство содержания.

Да, про индивидуальные особенности проявления чувств, про неповторимые персональные нюансы речь еще не идет, они заинтересуют авторов значительно позже. Пока же об этом даже не думают – поименовать бы общезначимое, выразить бы чувства как таковые, найти бы слова для любви и слова любви... хотя бы универсальные...

Но это уже язык, пусть специфичный, но зато изысканный, и столь далеко ушедший от примитивности предшественников, что уж и о *черном ящике* говорить сложно: символизм становится тем языком, на котором рыцари и их возлюбленные могут общаться друг с другом, раскрывая свои чувства и надеясь на взаимопонимание. Самой известной и грандиозной системой подобного символизма стала куртуазная модель любви, представленная в поэзии трубадуров, однако она заслуживает отдельной статьи (и не одной).

Пока же подведем итоги поисков языка любви, предпринятых авторами Средневековья.

В целом можно выделить четыре направления попыток средневековых авторов нащупать тот язык любви, который позволил бы средствами художественной выразительности передать читателю то, что в современном языке можно было бы обозначить как *любовь в качестве субъективного переживания, которое нужно выразить* (а не просто объективного факта, о наличии которого достаточно лишь упомянуть):

1) направление, побуждающее читателя собственным усилием домыслить любовные переживания и чувства, предполагаемые в контексте описываемых внешних событий (альбы);

2) направление, пытающиеся посредством фиксации опять же внешних, чисто феноменологических процессов и действий намекнуть на глубокие чувства и бурные переживания, которые читатель должен реконструировать, опираясь на своего рода неявную – не прописанную, но предполагаемую – конвенцию, согласно которой определенные физиологические проявления (бледнеть, рыдать, падать без чувств и т. п.) должны были прочитываться как маркеры для обозначения любовных страстей (сеговефранцузский рыцарский роман);

3) аллегорическое направление, основанное на приеме персонификации любовных чувств и переживаний и построении своего рода аллегорических универсумов, в рамках которых открывается возможность иносказательного говорения о любви и любовных переживаниях («Роман о Розе» и аналогичные);

4) семиотическое направление, ориентированное на построение разветвленных и многослойных знаковых систем, в рамках которых нюансы лирических переживаний передаются посредством отсылок к их символическим аналогам, сложным и неоднозначным (южнофранцузская поэтическая традиция: роман «Фламенка» и лирика трубадуров).

Библиографические ссылки

1. Манн Т. Искусство романа. В: Манн Т. *Собрание сочинений. Том 10*. Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1961. с. 272–288.
2. Михайлов АД. *Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе*. Москва: Наука; 1976. 351 с.
3. Кожин ВВ. *Происхождение романа*. Москва: Советский писатель; 1963. 440 с.
4. Гуревич АЯ. *Категории средневековой культуры*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Искусство; 1984. 350 с.
5. Ук де ла Баккалария. Альба. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы*. Москва: Просвещение; 1974. с. 174.
6. [Бертран, барон Аламанский / Гаусельм Файдит]. Альба. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы*. Москва: Просвещение; 1974. с. 175.
7. Эшенбах Вольфрам фон. [Утренняя песня]. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, польская, сербская, болгарская литературы*. Москва: Просвещение; 1975. с. 98–99.
8. Борнейль Гирант де. Альба. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы*. Москва: Просвещение; 1974. с. 171–172.
9. Альба. Анонимная песня XII в. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы*. Москва: Просвещение; 1974. с. 159–160.
10. Кретьен де Труа. *Ланселот, или Рыцарь Телеги*. Забабурова НВ, Триандафилиди АН, переводчики. Москва: Common place; 2013. 328 с.
11. Вольфрам Эшенбах фон. Парцифаль. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, польская, сербская, болгарская литературы*. Москва: Просвещение; 1975. с. 77–80.
12. Готфрид Страсбургский. Тристан и Изольда. В: Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков. Немецкая, испанская, итальянская, английская, чешская, польская, сербская, болгарская литературы*. Москва: Просвещение; 1975. с. 81–86.
13. Зюмтор П. *Опыт построения средневековой поэтики*. Стаф ИК, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2003. 544 с.
14. Рыцарская мораль. Железный век [Интернет] [процитировано 10 ноября 2018 г.]. Доступно по: <http://ageiron.ru/epocha-ryitsarey/ryitsarskaya-moral>.
15. Сафо. Равным кажется мне по счастью... В: Сафо. *Лирические поэмы*. Вересаева ВВ, переводчик. Москва: Издательский дом «Летопись-М»; 2000. 156 с.
16. Можейко МА. Реализм. В: Грицанов АА, редактор. *История философии: энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; 2002. с. 878–879. (Мир энциклопедий). Совместное издание с «Книжный дом».
17. Лосев АФ. *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга 1*. Москва: Искусство; 1992. 656 с.
18. Боэций Аниций Манлий Торкват Северин. *«Утешение философией» и другие трактаты*. Москва: Наука; 1990. 414 с. (Памятники философии).
19. Лорис Гийом де, Мён Жан де. *Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма*. Смирнова ИБ, переводчик. Москва: Гуманитарное издательство столицы; 2007. 671 с.
20. Хейзинга Й. *Осень Средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах*. Москва: Издательская группа «Прогресс»; 1995. 378 с.
21. Топоров ВВ. Роза. В: Токарев СА, редактор. *Мифы народов мира. Том 2*. Москва: Советская энциклопедия; 1982. с. 386–387.
22. Веселовский АН. Из поэтики розы. В: Веселовский АН. *Избранные статьи*. Ленинград: Художественная литература; 1939. с. 132–139.
23. Абрамова МА. Взаимодействие жанровых традиций в «Книге о сердце, объятom любовью» Рене Анжуйского. В: Косиков ГК, составитель, редактор. *Сквозь шесть столетий: метаморфозы литературного сознания*. Сборник в честь 75-летия Л. Г. Андреева. Москва: Диалог – МГУ; 1997. с. 20–35.
24. Ришар Фурнивалль де. Бестиарий любви, с приложением ответа дамы [Интернет] [процитировано 11 ноября 2018 г.]. Доступно по: <http://literature.gothic.ru/classic/prose/furnival/text.htm>.
25. Муратова КМ. *Средневековый Бестиарий. The Medieval Bestiary*. Москва: Искусство; 1984. 242 с.
26. Абрамова МА. «Любовный бестиарий» Ришара де Фурнивалля: проблема жанра. *Кентавр*. 2006;3:132–146.
27. Найман АГ, переводчик. *Фламенка*. Москва: Наука; 1983. 320 с. (Литературные памятники).
28. Найман АГ. О «Фламенке» – старопровансальском романе XIII в. В: Найман АГ, переводчик. *Фламенка*. Москва: Наука; 1983. с. 259–320.

References

1. Mann T. [The art of the novel]. In: Mann T. *Sobranie sochinenii. Tom 10* [Collected of works. Volume 10]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury; 1961. p. 272–287. Russian.
2. Mikhailov AD. *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French knightly romance and questions of genre typology in medieval literature]. Moscow: Nauka; 1976. 351 p. Russian.
3. Kozhinov VV. *Proiskhozhdenie romana* [The origin of the novel]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1963. 440 p. Russian.
4. Gurevich AY. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: Iskusstvo; 1984. 350 p. Russian.

5. Uc de la Bacallar. Alba. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov. Latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign Literature of the Middle Ages. Latin, Celtic, Scandinavian, Provencal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. p. 174. Russian.
6. [Bertrand, Baron of Alaman /Gaucelm Faidit]. Alba. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura srednikh vekov. Latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages. Latin, Celtic, Scandinavian, Provencal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. p. 175. Russian.
7. Eschenbach Wolfram von. [Morning song]. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov. Nemet-skaya, ispanskaya, ital'yanskaya, angliiskaya, cheshskaya, pol'skaya, serbskaya, bolgarskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages. German, Spanish, Italian, English, Czech, Polish, Serbian, Bulgarian literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1975. p. 98–99. Russian.
8. Bornelh Giraut de. Alba. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov. Latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages. Latin, Celtic, Scandinavian, Provencal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. p. 171–172. Russian.
9. [Alba. Anonymous song of the XII century]. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov. Latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages. Latin, Celtic, Scandinavian, Provencal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. p. 159–160. Russian.
10. Chrétien Troyes de. *Lancelot, ili Rytsar' Telegi* [Lancelot, or the Knight of the Cart]. Zababurova NV, Triandafilidi AN, translators. Moscow: Common place; 2013. 328 p. Russian.
11. Eschenbach Wolfram von. [Parzival]. In: Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov. Nemetskaya, ispanskaya, ital'yanskaya, angliiskaya, cheshskaya, pol'skaya, serbskaya, bolgarskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages. German, Spanish, Italian, English, Czech, Polish, Serbian, Bulgarian literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1975. p. 77–80. Russian.
12. Gottfried of Strasbourg. [Tristan and Isolde]. In: Purishev BI, compiler. [Foreign literature of the Middle Ages. German, Spanish, Italian, English, Czech, Polish, Serbian, Bulgarian literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1975. p. 81–86. Russian.
13. Zumthor P. *Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki* [Experience in building medieval poetics]. Staf IK, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2003. 544 p. Russian.
14. [Knightly morality]. In: *Iron Age* [Internet] [cited 2018 October 11]. Available from: <http://ageiron.ru/epoha-rytsarey/rytsarskaya-moral>. Russian.
15. Sappho. [It seems equal to me by happiness...]. In: Sappho. *Lira, lira svyashchennaya* [Lira, sacred lira]. Veresaeva VV, translator. Moscow: Izdatel'skii dom «Letopis'-M»; 2000. 156 p. (World of poetry). Russian.
16. Mojeiko MA. [Realism]. In: Gritsanov AA, editor. *Istoriya filosofii* [The history of philosophy]. Minsk: Interpresservis; 2002. (World of encyclopedias). p. 878–879. Russian.
17. Losev AF. *Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kniga 1* [The history of ancient aesthetics. The results of the millennial development. Book 1]. Moscow: Iskusstvo; 1992. 656 p. Russian.
18. Boetius Anicius Manlius Torquatus Severinus. «*Uteshenie filosofiei*» i *drugie traktaty* [«Consolation by philosophy» and other treatises]. Moscow: Nauka; 1990. 414 p. (Monuments of Philosophy).
19. Loris Guillaume de, Meung Jean de. *Roman o Roze. Srednevekovaya allegoricheskaya poema* [The Novel about the Rose. Medieval allegorical poem]. Smirnova IB, translator. Moscow: Gumanitarnoe izdatel'stvo stolitsy; 2007. 671 p. Russian.
20. Huizinga J. *Osen' Srednevekov'ya: issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshleniya v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh* [Autumn of the Middle Ages: a study of the forms of the life structure and forms of thought in the 14 and 15 centuries in France and the Netherlands]. Moscow: Publishing group «Progress»; 1995. 378 p. Russian.
21. Toporov VV. [Rose]. In: Tokarev SA, editor. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world. Volume 2]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1982. p. 386–387. Russian.
22. Veselovsky AN. [From the poetics of rose]. In: Veselovsky AN. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1939. p. 132–139. Russian.
23. Abramova MA. [The interaction of genre traditions in the «Book of the Heart Hugged in Love» by Rene of Anjou]. In: Kosikov GK, compiler, editor. *Skvoz' shest' stoletii: metamorfozy literaturnogo soznaniya. Sbornik v chest' 75-letiya L. G. Andreeva* [Through six centuries: metamorphoses of literary consciousness: compilation in honor of the 75th anniversary of L. G. Andreev]. Moscow: Dialog – MGU; 1997. 336 p. Russian.
24. Furnival Richard de. The bestiary of love, with the answer from the ladies [Internet] [cited 2018 November 11]. Available from: <http://literature.gothic.ru/classic/prose/furnival/text.htm>. Russian.
25. Muratova KM. *The Medieval Bestiary*. Moscow: Iskusstvo; 1984. 242 p. Russian.
26. Abramova MA. [«Love bestiary» by Richard de Furnival: the problem of genre]. *Kentavr*. 2006;3:132–146. Russian.
27. Nayman AG, translator. *Flamenka*. Moscow: Nauka; 1983. 320 p. (Literary monuments). Russian.
28. Naiman AG. [About Flamenke, an old Provencal novel of the 13 century]. In: Nayman AG, translator. *Flamenka*. Moscow: Nauka; 1983. p. 259–320. Russian.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 1(091)(4/9);1(091)

ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В РАБОТАХ Г. П. ДАВИДЮКА 1960–80-х гг.

А. Ю. ДУДЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирован процесс трансфера зарубежных концепций в работах белорусского социолога Г. П. Давидюка в период 1960–80-х гг. Продемонстрировано влияние изучения зарубежных концепций индустриального общества на профессиональное становление социологического знания и представление о нем в целом. Рассмотрена специфика советской критики буржуазной социологии как формы трансфера знания. Показана трансформация отношения к зарубежным концепциям в сторону их «нормализации» и использования ряда идей, понятий и подходов в академической и образовательной деятельности.

Ключевые слова: Г. П. Давидюк; белорусская социология; критика буржуазной социологии; трансфер знаний; ревизионизм; индустриальное общество; история зарубежной социологии.

Образец цитирования:

Дудчик АЮ. Изучение зарубежных социологических идей в работах Г. П. Давидюка 1960–80-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:93–101.

For citation:

Dudchik AY. Study of foreign sociological ideas in works of G. P. Davidyuk in the 1960–80s. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:93–101. Russian.

Автор:

Андрей Юрьевич Дудчик – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrei Y. Dudchik, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
a_dudchik@tut.by

STUDY OF FOREIGN SOCIOLOGICAL IDEAS IN WORKS OF G. P. DAVIDYUK IN THE 1960–80s

A. Y. DUDCHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The process of transfer of foreign conceptions in the works of Belarusian sociologist G. P. Davidyuk in the period of 1960–80s is analyzed. Importance of study of foreign conceptions of industrial society for his professional development and general vision of sociological knowledge is proved. Specificity of Soviet «critique of bourgeois sociology» as a form of knowledge transfer are explicated. Transformation of attitude toward foreign conceptions as a variant of «normalization» and permanent use of a number of ideas, concepts and approaches in research and education is shown.

Key words: G. P. Davidyuk; Belarusian sociology; criticism of bourgeois sociology; transfer of knowledge; revisionism; industrial society; history of foreign sociology.

Период 1960–80-х гг. обладает особым значением для истории белорусской социологии, поскольку именно в этот период происходит повторная институализация социологических исследований и социологического образования в республике. В эти годы были заложены основы социологического знания, сохраняющие свое значение и влияние и сегодня. Во-первых, стоит отметить, что белорусская социология была достаточно плотно интегрирована в общесоветскую социологию, но, будучи ее частью, она обладала и собственной спецификой. Социология в СССР изначально развивалась как прикладная дисциплина, тесно связанная с изучением конкретного региона и вписанная в местный контекст. Во-вторых, социология в Советском Союзе в целом была тесно связана с философским знанием, ее рассматривали формально как разновидность философских наук. Поэтому провести жесткое различие философского и социологического знания в ряде случаев непросто, некоторые исследователи этого периода до сих пор воспринимаются научной общественностью и, что не менее важно, самими собой и как философы, и как социологи. Одной из наиболее значимых фигур для данного периода является профессор Г. П. Давидюк, по праву считающийся патриархом белорусской послевоенной социологии. Сложно переоценить вклад этого человека в становление социологии как исследовательской деятельности и учебной дисциплины в Беларуси. В данном исследовании остановимся на одном из аспектов его работ, а именно на изучении зарубежных социологических концепций. Как будет показано, данные исследования сыграли существенную роль в профессиональной карьере ученого и явились важным фактором становления белорусской социологии.

Существует достаточно устойчивое представление о том, что советское философское и социально-гуманитарное знание существовало преимущественно герметично, было мало связано с зарубежными (прежде всего западными) идеями и концепциями. Несомненно, многочисленные формы идеологизации и политического контроля [1, с. 79–109] суще-

ственно ограничивали советское социологическое знание. Тем не менее имеющиеся сегодня данные уже позволяют говорить о достаточно высокой степени знакомства ряда советских исследователей с зарубежными концепциями и, более того, о значительном и в определенной степени конститутивном влиянии зарубежных концепций на становление советской социологии. Например, А. Ф. Филиппов отмечает: «Несмотря на то, что угроза включить социологию в сугубо идеологическое производство существовала всегда, она занимала важное место в конструкции экспертного знания советской эпохи. Социология в СССР сформировалась под влиянием и постоянно испытывала влияние мировой социологии» [2, с. 92]. Сама по себе тема влияния зарубежных концепций представляется весьма перспективной, хотя и требует исследования достаточно большого объема материалов. В настоящей статье сосредоточим внимание на процессе трансфера зарубежных концепций в белорусскую социологию в 1960–80-х гг. Основной тезис: процессы трансфера зарубежных идей и концепций являлись существенным фактором, влияющим на развитие белорусской социологии в 1960–80-е гг. Стоит отметить важность использования именно понятия «трансфер», что позволяет рассматривать не просто влияния или рецепции, но и сложный многонаправленный процесс культурного взаимодействия, подчеркнуть активное и творческое участие в этом процессе белорусской стороны. Междисциплинарная программа изучения процессов культурного трансфера активно развивается сегодня применительно к разным областям человеческой культуры и знания. На наш взгляд, данный подход вполне может рассматриваться как один из методов изучения интеллектуальной истории [3], в данном случае истории становления белорусской социологической мысли.

Международные контакты стали важным фактором возрождения социологических исследований в СССР в послевоенный период. Одним из ключевых событий в СССР историки социологии называют III Всемирный социологический конгресс,

проходивший в Амстердаме в 1956 г. и сыгравший значительную роль в легитимизации социологии в стране. Так, Л. Г. Титаренко и Е. А. Здравомыслова в работе, посвященной истории социологии в России, отмечают: «Возвратившись с Конгресса, члены делегации доложили партийному руководству, что советская идеологическая машина отстает от западной и что следует использовать потенциал эмпирических социальных исследований в соревновании двух систем и в управлении внутри страны» [4, с. 46]. После этого в Советском Союзе начинают создаваться первые центры социологических исследований, в различных республиках это происходит в разное время. Как было отмечено выше, в БССР соответствующее партийное постановление было издано в 1965 г.: постановление Президиума ЦК Компартии Беларуси от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике». Подготовкой текста во многом занимался Е. М. Бабосов [5, с. 38].

В послевоенный период социология рассматривается как разновидность философского знания. В 1970-е гг. среди специальностей из области философии появляется «Прикладная социология». Насколько можно судить по имеющимся данным, первая диссертация по этой специальности была защищена в 1977 г. [6]. Всего за 1977–1991 гг. было защищено 57 диссертаций по социологии, причем большая часть в 1980-е гг. [7]. При этом все защищенные диссертации по социологии являлись кандидатскими. Само название специальности указывает на ее прикладной характер, большинство защищенных диссертаций по прикладной социологии были посвящены изучению конкретных социальных явлений и базировались на материалах эмпирических исследований. Социологические темы, связанные с теоретическими вопросами и критикой зарубежных социологических концепций, часто могли разрабатываться в рамках других специальностей.

В БССР за 1960–80-е гг. было написано достаточно большое количество работ, так или иначе связанных с изучением зарубежных социально-философских, социологических и политологических концепций. В исследовании сосредоточимся на текстах Г. П. Давидюка – ключевой фигуры в становлении белорусской социологии в 1960–80-х гг.

Значимость зарубежных идей для профессионального становления ретроспективно подтверждается самим исследователем в позднейших интервью: «Суть социологии я узнал, часто бывая в Институте философии АН СССР, где уже в середине 1960-х гг. был сектор социальных исследований... Работая часто в читальном зале Московской библиотеки им. В. И. Ленина, я внимательно при-

слушивался к беседам об американской, немецкой социологии. Очень много о ней узнал от известных уже в начале 1960-х гг. московских профессоров Геннадия Осипова, Галины Андреевой. Моими настольными учебниками были книги Владимира Ядова “Социологические исследования. Методология. Программа. Методика” (1972), Андрея Здравомыслова “Методология и процедура социологических исследований” (1969)... Особенно меня впечатлили глубиной знаний как американской, так и советской действительности Джон Гэлбрэйт и Дэниель Белл в своих книгах “Новое индустриальное общество. Техноструктура” и “Грядущее постиндустриальное общество»» [8, с. 10]. Как видим, наряду с общением с московскими социологами и чтением пионерских советских работ по социологии профессор Г. П. Давидюк отдельно отмечает большое влияние на отечественную социологию зарубежной литературы. Он вспоминает: «Наиболее глубоко я постиг суть социологии, когда писал докторскую диссертацию “Критика теории единого индустриального общества”. Книги по этой теме были написаны в то время американскими, немецкими, польскими социологами. Переводов на русский язык данных книг в 1960-е гг. не было. Пришлось читать все в оригинале» [8, с. 10]. При этом люди, знающие несколько иностранных языков, в то время встречались достаточно редко: «...на заседании совета Института философии меня избрали зав. сектором института. Во время этого избрания произошел интересный инцидент. Когда докладчик данных о Г. Давидюке академик В. Сербен-та сказал, что Г. Давидюк свободно владеет тремя иностранными языками (английским, немецким, польским), К. Буслов¹ сразу бросил реплику: “А не потомок ли это какого-нибудь дворянского рода?”» [8, с. 9]. Ирония в последней реплике подчеркивает необычность того факта, что советский гражданин владеет несколькими иностранными языками.

В Советском Союзе существовало официальное противопоставление советской и буржуазной науки, что было особенно актуально и для социологии. Как отмечает Э. Вайнберг, «обобщая, советская концепция социологии была прямо противоположна представлениям о буржуазной социологии»² [9, р. 47]. Одновременно с этим зарубежная социология являлась объектом специального изучения, которое было институализировано под общим названием «критика буржуазной социологии» и долгое время выступало как единственный официально санкционированный вариант изучения зарубежных концепций. Как показывает исследование Л. Гринфельд, критика буржуазной социологии выступала четвертой по популярности темой социологических работ в СССР в 1970–80-х гг. [10, р. 104]. Конечно, подобные работы обладали устойчивой структурой: «данный

¹Директор Института философии и права Академии наук БССР. – А. Д.

²Здесь и далее перевод наш. – А. Д.

жанр предполагал глубокий анализ зарубежной литературы и активное восприятие западных социальных теорий. Ритуальной частью данного жанра был раздел с критикой скрытых буржуазных оснований западных теорий с позиций ортодоксального марксизма... многие из авторов, работавших в подобном жанре, принадлежали к интеллектуальной элите. Они владели иностранными языками и имели доступ к западным книгам и специализированным периодическим изданиям» [4, р. 37–38]. При этом важно отметить, что в позднесоветский период собственно критико-полемика составляющая исследования часто отходила на второй план, принимая характер воспроизведения определенных формальных схем и риторических формул. В. А. Куренной отмечает: «Поскольку... "критика" (полемика оценка рассматриваемых доктрин с марксистско-ленинских позиций) в позднесоветский период зачастую ограничивалась лишь ритуальным жестом, практика написания этих работ состояла в имманентной реконструкции соответствующих концепций. Таким образом, "стеклянный занавес" между советским и западным философским сообществом в данном случае был функционально-эквивалентен исторической дистанции» [11, с. 9].

Хронологически первой белорусской философско-социологической работой, посвященной анализу зарубежной социологии, можно считать книгу Г. П. Давидюка «Основные черты современного ревизионизма» [12], опубликованную в 1961 г. Текст книги основывается на кандидатской диссертации по философии, защищенной в Москве в 1959 г. [13]. Интересно отметить, что в этот период также выходят работы, посвященные этой теме в Москве и в Ташкенте, с фактически тождественными названиями [14; 15]. Данный факт можно объяснить как политической злободневностью самого предмета, так и плановым характером распределения тем исследований в советской системе управления научными знаниями. Борьба с ревизионизмом являлась одной из основных задач советской идеологии на международной арене в конце 1950-х гг. Как пишет Б. Ю. Кагарлицкий, «в Восточной Европе тоже происходили перемены. На фоне догматизации официальной коммунистической идеологии постоянно можно наблюдать то попытки возврата к истокам классического марксизма, то, наоборот, попытки создания новых критических концепций. С легкой руки партийных работников и тех и других, несмотря на все различия между ними, окрестили "ревизионистами". <...> В политическом плане "ревизионизм" связывали с ориентацией на коммунистическую партию Югославии, которая, взяв власть в стране, не желала подчиняться советскому руководству. <...> В Восточной Европе слово "ревизионист" в скором времени стало самоназванием» [16, с. 60–61]. Как было зафиксировано в «Декларации совещания представителей коммунисти-

ческих и рабочих партий социалистических стран», «современный ревизионизм пытается опорочить великое учение марксизма-ленинизма, объявляет его "устаревшим" и якобы утратившим ныне значение для общественного развития. Ревизионисты стремятся вытравить революционную душу марксизма, подорвать веру рабочего класса и трудового народа в социализм» [17, с. 15–16]. Теоретическим источником ревизионистских идей называется отход от принципов диалектического материализма: «Это мировоззрение отражает всеобщий закон развития природы, общества и человеческого мышления. Это мировоззрение пригодно для прошлого, настоящего и будущего. Диалектическому материализму противостоят метафизика и идеализм. Если марксистская политическая партия при рассмотрении вопросов исходит не из диалектики и материализма, то это приведет к возникновению односторонности и субъективизма, к закостенению мысли, к отрыву от практики и к потере способности давать соответствующий анализ вещам и явлениям, к ревизионистским или догматическим ошибкам и к ошибкам в политике» [17, с. 15].

Данная работа сыграла существенную (хотя и неожиданную) роль в карьерной траектории Г. П. Давидюка. Сам социолог вспоминает: «После войны я работал в административных учреждениях... О работе в науке не мечтал, и никаких мыслей у меня не было об этом. Но бывает и в ясный день гром грянет. В 1961 г. вышла моя книга "Основные черты современного ревизионизма". Югославская пресса своим журналистским корпусом обрушилась на мою книгу. В проправительственной югославской газете "Борьба" меня обвинили в клевете на югославское руководство, в том числе и на Иосифа Броз Тито. В то время я работал лектором ЦК КПБ. Где-то в начале 1962 г. позвонил мне директор Института философии и права АН БССР Казимир Буслов, пригласил на деловую беседу. В беседе он предложил мне перейти на работу в его институт и занять должность зав. сектором исторического материализма. Он сказал: "У Вас уже много публикаций: книги, журнальные и газетные статьи. Наш коллектив Вас примет хорошо". Когда я вежливо стал ему объяснять, что мне нравится нынешняя моя работа, он серьезно посмотрел на меня и сказал, что его приглашал секретарь ЦК КПБ и сказал, что им неудобно оставлять в своем аппарате Г. Давидюка в связи с таким возмущением югославов против него. В конце беседы он порекомендовал К. Буслову пригласить Г. Давидюка на работу в Институт философии, тем более там сейчас есть хорошая вакансия. После этих слов К. Буслова я все понял» [8, с. 9]. Таким образом, данный текст и вызванная им реакция оказались достаточно большое, пусть и косвенное, влияние на развитие белорусской социологии в целом.

Следует сказать несколько слов о структуре и содержании самой работы, посвященной критическо-

му анализу неортодоксальных направлений в марксизме, которые в советской традиции обозначались общим термином «ревизионизм». Книга начинается с рассмотрения истории ревизионистских течений конца XIX – начала XX в. (Э. Бернштейн, австромарксизм, «бундовцы»). Далее дается общая классификация ревизионистских работ на основании критики советского марксизма: «Одной из особенностей современного ревизионизма является то, что среди ревизионистов наших дней существует негласное разделение труда. Одни из них особенно усиленно извращают марксистско-ленинское учение об империализме, другие – научный коммунизм» [12, с. 27]. Из социальных предпосылок развития ревизионистских идей автор выделяет неоднородность партийного состава и возрастание роли интеллигенции в новых социалистических странах (Польша, Югославия). В теоретическом плане подчеркивается зависимость ревизионизма от буржуазных концепций: «современный ревизионизм имеет также идейные источники, одним из которых является буржуазная идеология. Не только идеи, но и терминология ревизионистов не представляет собой ничего оригинального... Среди ревизионистских работ нет ни одной, теоретические послышки которой не были бы заимствованы у буржуазных ученых» [12, с. 43]. Отдельный параграф посвящен философским основам ревизионизма. Автор отмечает, что «прямолинейность и односторонность, субъективизм и субъективная слепота – таковы гносеологические корни современной буржуазной философии» [12, с. 51]. Особое внимание уделяется соотношению ревизионизма и догматизма как еще одной форме неверного понимания марксистского учения: «гносеологические корни современного ревизионизма ярко обнажаются при сопоставлении его с догматизмом. По форме ревизионизм и догматизм представляют собой два противоположных друг другу способа извращения марксизма-ленинизма» [12, с. 53]. Достаточно подробно разбирается критика марксистской материалистической диалектики в работах современных исследователей (Г. Лукач, Э. Блох, А. Лефевр). Особо подчеркивается неявный идеалистический характер ревизионизма: «Подменив материализм идеализмом, ревизионисты смогли бы все пороки капитализма оправдать нравами, психикой, просвещением и т. д.» [12, с. 65]. Позже делается общий вывод о том, что ревизионизм следует рассматривать как форму буржуазного идеализма. В качестве еще одного важного недостатка ревизионизма указывается его критика принципа партийности и вмешательства философии в частные науки (в том числе и в социологию). В целом основные аргументы против ревизионизма выглядят достаточно стандартно для советской философской риторики данного периода. Для нашего исследования больший интерес представляют идеи зарубежных авторов, которые подвергаются кри-

тическому рассмотрению. Помимо уже упомянутых ранее, в книге представлено достаточно много взглядов польских (кроме достаточно влиятельных З. Баумана и Л. Колаковского, упоминается и менее известный неогегельянец Т. Кроньский) и югославских (И. Надь, М. Джилас) исследователей. Как уже отмечалось ранее, книга, изданная в 1961 г., основывается на материале диссертационной работы по философии, защищенной в 1959 г.

Следующей значимой работой, также посвященной критическому изучению зарубежных социально-политических концепций, является книга Г. П. Давидюка «Критика теории “единого индустриального общества”», изданная в 1968 г. [18]. В том же году на основании результатов этого исследования автором была защищена докторская диссертация по специальности «Диалектический и исторический материализм» [19]. Как уже отмечалось ранее, в своих воспоминаниях Г. П. Давидюк весьма высоко оценивает эту работу с точки зрения своего профессионального становления как социолога. В самой книге достаточно подробно рассматриваются взгляды большого количества зарубежных специалистов, занимавшихся разработкой вопросов, касающихся индустриального общества в целом и сходства индустриальных обществ с различными политическими и экономическими устройствами. Среди наиболее часто упоминающихся можно выделить взгляды Р. Арона, У. Ростоу, П. Сорокина, Г. Маркузе, Т. Парсонса, Дж. Форрестера, Р. Даррендорфа. Интересным образцом языка эпохи является аннотация: «Идеологи буржуазии лихорадочно изобретают теории и теориейки, которые ставят своей задачей приукрасить капиталистическое общество, затушевать пороки и отсрочить его гибель. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена критике одной из наиболее распространенных сейчас на Западе теорий такого рода – теории “единого индустриального общества”. В ней вскрыты истоки, подлинная сущность и главная задача этой концепции» [18, с. 2]. Как отмечается во введении, рассматриваемая теория «по сравнению с другими является наиболее гибкой, паразитирующей на некоторых явлениях действительности» [18, с. 9]. Особенно подчеркивается проективный характер критикуемой теории: «теория “единого индустриального общества” не только претендует на то, чтобы “дать развернутую характеристику современного общественного развития”. Это – попытка буржуазных идеологов нарисовать путь движения общества в будущем» [18, с. 13]. В качестве подтверждения последнего тезиса упоминается активное обсуждение теории «единого индустриального общества» на V и VI Всемирных социологических конгрессах в 1962 и 1966 гг. При этом отмечается, что развитие теории «единого индустриального общества» является реакцией на успехи социалистического строительства: «важнейшая

особенность теории “единого индустриального общества” – признание факта наличия существования социалистической системы и попытка решать проблемы развития общества именно с учетом этого фактора. Сущность теории “единого индустриального общества” состоит в отрицании коренных различий между социализмом и капитализмом, в стремлении доказать тождественность капиталистической и социалистической экономических систем. Из этого делаются далеко идущие выводы о перспективах развития общества» [18, с. 8].

Основные критические замечания в адрес зарубежных теорий содержатся преимущественно в первой главе и заключении, в то время как основной текст посвящен достаточно подробному анализу исследуемых концепций. Как уже отмечалось ранее, большое внимание уделяется связи теоретических построений с социально-экономической ситуацией в капиталистическом обществе и стремлению продемонстрировать классовый характер социологических теорий. При этом достаточно часто используются метафорические обозначения «приземленного» характера социологии: «корни», «методологические основы», «гносеологические источники». Вполне распространенными для советской риторики того времени являются и основные критические замечания: «метафизика», «буржуазный позитивизм», «субъективизм», «абсолютизация отдельных процессов», «отрицание классового подхода» и т. д. Следует выделить высказанный упрек в злоупотреблении количественными методами исследования: «увлечение количественными методами, выхватывание отдельных фактов» [18, с. 37].

В 1970 г. публикуется книга Г. П. Давидюка «Марксісцкая ідэалогія і буржуазная дэідэалагізацыя», в которой содержится информация об основных зарубежных центрах советологии и ключевых исследователях (Д. Белл, С. Липсет, Г. Маркузе, Дж. Гэлбрейт, З. Бжезинский), также приводятся техники идеологической индоктринации (на основе теории стереотипизации У. Литмана), концепции деидеологизации (Р. Арон, Д. Белл) [20]. Отдельный раздел посвящен проблеме конвергенции идеологий и, в частности, соотношению советской и буржуазной социологий (П. Сорокин). Несмотря на то что автор категорически отрицает возможность создания единой социологической теории, он находит определенное сходство советской и западной социологических традиций: «категории буржуазной социологии в большинстве своем похожи на названия марксистской социологии. Многие из них просто переняты из марксизма» [20, с. 71]. Основное различие видится в методологии исследования: диалектический и исторический материализм, идеализм и позитивизм соответственно. В тексте можно обнаружить достаточно позитивные оценки зарубежной социологии: «среди изданных в СССР работ буржуазных социологов есть много книг, ко-

торые содержат интересный фактический материал, описание новых методов и техники конкретно-социологических исследований. <...> Буржуазная социология старше, пока она имеет больше сторонников. Но марксистская социология имеет теоретическое и классовое превосходство» [20, с. 72]. Следует немного пояснить: в процитированном отрывке речь идет преимущественно о технических моментах, связанных с проведением конкретных исследований, поскольку социология в Советском Союзе в 1960–80-е гг. рассматривалась преимущественно как прикладная дисциплина (на что указывает и название специальности: «прикладная социология»), фактически речь идет о признании заслуг зарубежной прикладной социологии – аналога советской (подробнее о становлении белорусской социологии как прикладной дисциплины см. [21, р. 100–104]).

В 1975 г. Г. П. Давидюк публикует первый в Советском Союзе учебник по прикладной социологии «Введение в прикладную социологию», который содержит достаточно большое количество информации о зарубежных социологических концепциях, им посвящен отдельный раздел «Буржуазная социология», занимающий 89 из 199 страниц (что по объему больше раздела, посвященного истории марксистской социологии) [22]. Отдельно стоит упомянуть достаточно большой интерес к истории социологии, в этом плане можно провести определенные параллели с первыми советскими учебниками по марксистской философии, которые также основывались на историческом изложении материала [23]. Раздел, посвященный буржуазной социологии, начинается с реконструкции возникновения социологии в XIX в. в работах родоначальников дисциплины – О. Конта, Г. Спенсера. Затем проводится анализ различных социологических направлений первой половины XX в.: психологического (Л. Уорд, Г. Тард), эмпирического (Ф. Ле Пле, Э. Дюркгейм), механистического (Г. К. Керри, В. Освальд), технократического (Т. Веблен), демографического (А. Кост), формалистического (М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Тённис). В качестве основных черт зарубежной социологии данного периода названы натурализм, эволюционизм, преобладание структурно-функционального анализа, господство идеалистической методологии. Далее рассматриваются различные национальные социологические традиции и их ведущие школы и направления. В США – это чикагская школа (У. Томас, Ф. Знанецкий), школа структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон), диагностическая школа (П. Сорокин, Э. Шилз, С. Ландау), социал-дарвинизм (диалектики и гуманисты Ч. Пейдж, Р. Парк). В качестве ведущих ученых французской социологии указаны Ж. Гурвич, Ж. Фридман, А. Турен, Р. Арон, социологии Федеративной Республики Германия – Р. Даррендорф, Т. Адорно, Г. Шельски, Ю. Хабермас. Также дается

общая характеристика социологических традиций Англии, Италии и Японии. Далее приводится обзор различных направлений современной зарубежной социологии: эмпирической социологии и социометрии, технократического и психологического направлений. В конце раздела дается общий критический разбор зарубежной социологии, отмечаются такие ее черты, как отсутствие научной методологической основы, отрицание связи с идеологией, антигуманизм. Книга содержит в себе «Список рекомендованной литературы для чтения по литературе», отдельный блок посвящен зарубежным авторам (М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, Г. Тард, Р. Миллс и др.), при этом одну часть списка составляют переводные работы, изданные в советский период, а другую – дореволюционные издания. Достаточно показательна и классификация основных социологических категорий, предложенная в учебнике Г. П. Давидюка «Прикладная социология» (1979): «социальный факт, социальная среда, непосредственная социальная среда, личность, коллектив; социальные действия, связи, отношения, системы, организации; социальные структуры, классы, слои, группы, межклассовые и внутриклассовые отношения, внутриклассовая дифференциация, различия, семья; социальный прогресс, социальный процесс, социальное перемещение, мобильность и т. д.» [24, с. 11]. Как видим, терминология достаточно схожа с западными источниками и в меньшей, чем можно было бы ожидать, степени связана с марксистско-ленинским языком исторического материализма.

Еще одним шагом в направлении легитимации зарубежных идей в советском академическом дискурсе может считаться издание коллективного труда «Словарь прикладной социологии» [25], вышедший в 1984 г. под редакцией Г. П. Давидюка. Словарь содержит специальную статью «Современная буржуазная социология» [26], ряд терминов весьма схожи с зарубежными аналогами, тексты статей содержат ссылки на концепции иностранных авторов. Например, статья «Социальная мобильность» снабжена единственной ссылкой на переведенный на русский язык сборник американских социологов [27], в статье «Социальный статус» можно обнаружить анализ концепций М. Вебера и Т. Парсонса [28], а статья «Социология массовой коммуникации» отсылает к работам Р. Мертон и П. Лазерсфельда [29] и т. д. Отдельно стоит отметить, что на основании материалов исследований все три автора опубли-

ковали достаточно большое количество научно-популярных изданий (в основном брошюры общества «Знание»), многие из которых также посвящены зарубежным социологическим и политологическим концепциям и содержат ссылки на непереуведенные работы зарубежных авторов.

Таким образом, мы видим, что мнения относительно зарубежных социологических концепций претерпевали достаточно существенную трансформацию. Если работы начала 1960-х гг. носят явно выраженный полемический характер, жестко критикуя «теории и теорийки» и прямо указывая на их ненаучный характер, то уже в начале 1970-х гг. стиль описания меняется на более аналитически нейтральный. Осуществляется переход от рассмотрения отдельных проблемных областей (теории индустриального общества, научно-технической революции) к изучению зарубежной социологии в целом. При этом расширяется область применения зарубежных идей: они начинают быть представлены не только в специальных исследовательских изданиях, но и в учебной и справочной литературе, оказывая влияние на представления о социологическом исследовании как таковом. На наш взгляд, вполне продуктивным для понимания данного процесса может стать понятие «нормализация». Оно используется антропологом А. Юрчаком для анализа позднесоветских неформальных практик, которые заимствовали элементы официальной риторики и наделяли их новыми смыслами, «нормализуя» и адаптируя к повседневной жизни и неформальным речевым практикам [30]. Результаты исследования позволяют предположить, что в белорусских социальных науках (как, видимо, и в Советском Союзе в целом) постепенно происходила своеобразная «нормализация» идей, терминологии, проблематики западной социологии. Как было показано выше, процессы трансфера включали в себя большое количество работ, персоналий и направлений. Существенную роль в этом процессе сыграли и работы Г. П. Давидюка, который активно занимался изучением зарубежных социологических концепций, оказавших существенное влияние на его профессиональную деятельность. Это было отражено в целом ряде научных, научно-популярных, учебных и энциклопедических работ. Таким образом, не будет преувеличением сделать вывод о том, что изучение зарубежной социологии стало важным фактором в становлении белорусской социологической науки.

Библиографические ссылки

1. Фирсов БМ. *История советской социологии 1950–1980-х годов*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2001.
2. Филиппов АФ. Советская социология как полицейская наука. *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2014;3:91–105.

3. Дудчик АЮ. Изучение культурного трансфера как междисциплинарная область исследования. В: Лазаревич АА, Еворовский ВБ, Санько СИ, Дерман АВ, Никонович НА, Подолинская ЕО, Степаненко НА, редакторы. *Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования. Материалы Первой Международной научной конференции; 13–14 ноября 2014 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2015. с. 291–293.
4. Titarenko L, Zdravomyslova E. *Sociology in Russia: A Brief History*. New York: Palgrave Macmillan; 2017.
5. Бабосов ЕМ. Институт социологии НАН Беларуси: история создания и становления. *Социология*. 2010;1:37–42.
6. Жебит ГА. *Принципы и структура системы комплексного планирования развития коллективов и регионов (философско-социологический аспект исследования)* [автореферат диссертации]. Минск: Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина; 1977.
7. Дудчик АЮ, Верещагин ВА. Диссертационные исследования по философским наукам в БССР в 1972–90 гг: общая характеристика. В: Макарова ЕВ, Павлова ЕГ, редакторы. *Современный мир глазами гуманитариев. Сборник тезисов круглого стола молодых учёных; 11 мая 2017; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2017. с. 6–9.
8. Бабосов ЕМ. Динамизм и оптимизм – жизненное кредо профессора Г. П. Давидюка (интервью заслуженного работника БГУ, доктора философских наук, профессора Г. П. Давидюка главному редактору журнала «Социология» А. Н. Данилову). *Социология*. 2013;2:6–17.
9. Weinberg EA. *Sociology in the Soviet Union and beyond: social enquiry and social change*. Aldershot: Routledge; 2004.
10. Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union. *Annual Review of Sociology*. 1988;14:99–123.
11. Куренной В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии. *Логос*. 2004;3–4:3–29.
12. Давидюк ГП. *Основные черты современного ревизионизма*. Минск: Издательство Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования СССР; 1961.
13. Давидюк ГП. *Основные черты современного ревизионизма* [автореферат диссертации]. Москва: Академия общественных наук при ЦК КПСС; 1959.
14. Бутенко АП. *Основные черты современного ревизионизма*. Москва: Политиздат; 1959.
15. Водозаский А. *Основные черты современного ревизионизма*. Ташкент: Объединение издательств «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока», «Узбекистони сурх»; 1959.
16. Кагарлицкий БЮ. *Марксизм. Введение в социальную и политическую теорию*. Москва: Либроком; 2012.
17. Декларация совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. В: *Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года*. Москва: Госполитиздат; 1957. с. 3–18.
18. Давидюк ГП. *Критика теории «единого индустриального общества»*. Минск: Наука и техника; 1968.
19. Давидюк ГП. *Критика буржуазной теории «единого индустриального общества»* [автореферат диссертации]. Минск: Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина; 1968.
20. Давидюк ГП. *Марксісцкая ідэалогія і буржуазная дэідэалагізацыя*. Мінск: Беларусь; 1970.
21. Dudchik A. The birth of sociology from the spirit of (critique of bourgeois) philosophy? The Belarusian case in the 1960s through 1980s. *Stan Rzezy*. 2017;2(13):93–117.
22. Давидюк ГП. *Введение в прикладную социологию*. Минск: Вышэйшая школа; 1975.
23. Дудчик АЮ. Трансфер западного философского знания в Беларуси в 1920-е гг. (на примере курсов диалектического материализма). *Философия и социальные науки*. 2015;1:32–35.
24. Давидюк ГП. *Прикладная социология*. Минск: Вышэйшая школа; 1979.
25. Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984.
26. Дунаев ВА, Лимаренко АП, Ручка АА. Современная буржуазная социология. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 151–155.
27. Гребенников РВ. Социальная мобильность. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 170–172.
28. Кочергин ВЯ. Социальный статус. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 208–209.
29. Писаренко ИЯ. Социология массовой коммуникации. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 232–233.
30. Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014.

References

1. Firsov BM. *Istoriya sovetsoi sotsiologii 1950–1980-kh godov* [History of Soviet sociology in 1950–1980s]. Saint Petersburg: Publishing House of European University at Saint Petersburg; 2001. Russian.
2. Filippov AF. Soviet sociology as police science. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2014;3:91–105. Russian.
3. Dudchik AY. [Study of cultural transfer as interdisciplinary area]. In: Lazarevich AA, Evorovskii VB, San'ko SI, Derman AV, Nikonovich NA, Podolinskaya EO, Stepanenko NA, editors. *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: istoki, traditsii, metodologiya issledovaniya. Materialy Pervoy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii; 13–14 noyabrya 2014 g.; Minsk, Belarus* [Intellectual culture of Belarus: origins, traditions, methodology of research. Materials of the 1st International scientific conference; 2014 November 13–14; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2014. p. 291–293. Russian.
4. Titarenko L, Zdravomyslova E. *Sociology in Russia: a Brief History*. New York: Palgrave Macmillan; 2017.
5. Babosov EM. Institute of sociology NAS of Belarus: history of creation and development. *Sociologiya*. 2010;1:37–42. Russian.
6. Zhebit GA. *Printsipy i struktura sistemy kompleksnogo planirovaniya razvitiya kollektivov i regionov (filosofsko-sotsiologicheskii aspekt issledovaniya)* [Principles and structure of complex planning of development and regions] [dissertation abstract]. Minsk: V. I. Lenin's Belarusian State University; 1977. Russian.

7. Dudchik AY, Vereschagin VA. [Dissertations in philosophy in BSSR in the 1972–90: general analysis]. In: Makarova YV, Pavlova YG, editors. *Sovremennyy mir glazami gumanitariyev. Sbornik tezisev kruglogo stola molodykh uchonykh; 11 maya 2017 g.; Minsk, Belarus* [Contemporary world seen by humanities. Abstract of young scientists round table; 2017 May 11; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 6–9. Russian.
8. Babosov EM. Dynamism and optimism is life credo of professor G. P. Davidyuk (interview given by BSU honored scholar, doctor of philosophy, professor G. P. Davidyuk to the editor-in-chief of the Sociology journal, professor A. N. Danilov) *Sociologiya*. 2013;2:6–17. Russian.
9. Weinberg EA. *Sociology in the Soviet Union and beyond: social enquiry and social change*. Aldershot: Routledge; 2004.
10. Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union. *Annual Review of Sociology*. 1988;14:99–123.
11. Kurennoy V. [Notes on some problems in domestic history of philosophy]. *Logos*. 2004;3–4:3–29. Russian.
12. Davidyuk GP. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism]. Minsk: Publishing House of Ministry of Higher, Secondary Specie and Vocation Education of the USSR; 1961. Russian.
13. Davidyuk GP. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism] [dissertation abstract]. Moscow: Academy of Social Sciences at the Central Committee of the CPSU; 1959. Russian.
14. Butenko AP. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism]. Moscow: Politizdat; 1959. Russian.
15. Vodolazsky A. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism]. Tashkent: United Publishing Houses «Kuzul Yzbekistan», «Yzbekistoni surkh», «Kuzul Yzbekistan»; 1959. Russian.
16. Kagarlitsky BY. *Marksizm. Vvedenie v sotsial'nyu i politicheskuyu teoriyu* [Marxism. Introduction into social and political theory]. Moscow: Librokom; 2012. Russian.
17. [Declaration of the Communist and workers parties of socialist countries meeting]. In: *Dokumenty soveshchaniy predstaviteley kommunisticheskikh i rabochikh partiy, sostoyavshikhsya v Moskve v noyabre 1957 goda* [Documents of meetings of representatives of the communist and workers parties, held in Moscow in November 1957]. Moscow: Gospolitizdat; 1957. p. 3–18. Russian.
18. Davidyuk GP. *Kritika teorii «edinogo industrial'nogo obshchestva»* [Criticism of the theory of the 'single industrial society']. Minsk: Nauka i tekhnika; 1968. Russian.
19. Davidyuk GP. *Kritika burzhuaaznoi teorii «edinogo industrial'nogo obshchestva»* [Criticism of bourgeois theory of the 'single industrial society'] [dissertation abstract]. Minsk: V. I. Lenin Belarusian State University; 1968. Russian.
20. Davidyuk GP. *Marksistskaya ideologiya i burzhuaaznaya djeidjealogizatsiya* [Marxist ideology and bourgeois deideologization]. Minsk: Belarus; 1970. Belarusian.
21. Dudchik A. The birth of sociology from the spirit of (critique of bourgeois) philosophy? The Belarusian case in the 1960s through 1980s. *Stan Rzezy*. 2017;2(13):93–117.
22. Davidyuk GP. *Vvedenie v prikladnyu sotsiologiyu* [Introduction into applied sociology]. Minsk: Vysheishaya shkola; 1975. Russian.
23. Dudchik A. Transfer of the Western-European philosophical knowledge in Belarus in the 1920s (The case of courses in dialectical materialism). *Philosophiya i sotsialnye nauki*. 2015;1:32–35. Russian.
24. Davidyuk GP. *Prikladnaya sotsiologiya* [Applied sociology]. Minsk: Vyshheishaya shkola; 1977. Russian.
25. Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. Russian.
26. Dunaev VA, Limarenko AP, Ruchka AA. [Contemporary bourgeois sociology]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984:151–155. Russian.
27. Grebennikov RV. [Social mobility]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. p. 170–172. Russian.
28. Kochergin VY. [Social status]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. p. 208–209. Russian.
29. Pisarenko IY. [Sociology of mass communication]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. p. 232–233. Russian.
30. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.11.2018.
Received by editorial board 09.11.2018.

УДК 316.34

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾, М. И. ЗАСЛАВСКАЯ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Ереванский государственный университет, ул. Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения

Рассматриваются процессы интеграции систем высшего образования Республики Беларусь и Республики Армения в европейское пространство высшего образования. Проводится сравнительный анализ достигнутых сегодня результатов этого процесса двух стран с учетом того, что Армения вступила в европейское образовательное пространство в 2005 г., а Беларусь присоединилась лишь в 2015 г. Выявлены некоторые общие проблемы и трудности процесса европейской интеграции. Обе системы высшего образования не в состоянии полностью принять правила, навязываемые им болонскими соглашениями, желают сохранить собственные национальные образовательные приоритеты и получить выигрыш от европейской интеграции. Результаты исследований свидетельствуют о том, что любые образовательные союзы становятся сегодня политическим инструментом, поэтому присоединение к Европейскому пространству высшего образования без адаптации его принципов к социально-исторической специфике страны не способствует практическому росту конкурентоспособности систем высшего образования Армении и Беларуси и не повышает качество образования. Полученные результаты демонстрируют новый (европейский) статус систем высшего образования двух постсоветских республик, не подкрепленный ростом экспорта их образовательных услуг или видимым улучшением качества образования.

Ключевые слова: система высшего образования; европейская интеграция; Беларусь; Армения; модернизация; конкурентоспособность.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г17АРМ-017) и Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Армения (грант № АБ16-11), а также программ развития Научно-исследовательской работы Российско-Армянского университета.

EUROPEAN INTEGRATION OF THE SYSTEMS OF HIGHER EDUCATION OF BELARUS AND ARMENIA

L. G. TITARENKO^a, M. I. ZASLAVSKAYA^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bYerevan State University, 1 Manukyan Street, Yerevan 0025, Armenia

Corresponding author: L. G. Titarenko (larissa@bsu.by)

The paper is focused on the processes of integration of the systems of higher education in the Republic of Belarus and Republic of Armenia into the European educational space. The aim of the article is the comparative analysis of the present results of these processes reached by two countries. This analysis revealed some common problems and difficulties in the

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ, Заславская МИ. Европейская интеграция систем высшего образования Республики Беларусь и Республики Армения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:102–112.

For citation:

Titarenko LG, Zaslavskaya MI. European integration of the systems of higher education of Belarus and Armenia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:102–112. Russian.

Авторы:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Мария Игоревна Заславская – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры прикладной социологии.

Authors:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

larissa@bsu.by

Maria I. Zaslavskaya, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of applied sociology.

zslavm1@gmail.com

European integration of these two countries, regardless of the fact that Armenia joined the European educational space in 2005 while Belarus joined only in 2015. Both systems of higher education cannot completely accept the rules imposed by European educational space, as they want to keep their own national educational priorities and get the benefits from the European integration. The research results show that any educational unions are becoming today a political tool, therefore joining the European educational space without adapting its principles to the socio-historical specifics of each country does not contribute to a practical increase in competitiveness of higher education systems in Armenia and Belarus and does not improve the quality of education. The obtained results demonstrate the new (European) status of the higher education systems of the two post-Soviet republics, not supported by the growth of exports of their educational services or by a visible improvement in the quality of education.

Key words: system of higher education; European integration; Belarus; Armenia; modernization; competitiveness.

Acknowledgement. The article was prepared with the financial support of Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. Г17APM-017) and State Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia (grant No. АБ16-11), and Program of Development of scientific research, Russian-Armenian University.

В современном мире контекст глобализации чрезвычайно важен для понимания процессов, идущих в мировом образовательном пространстве, где глобализация экономики и глобализация сферы образования происходят одновременно. В связи с этим осмысление европейской образовательной интеграции и вступления в нее государств, находящихся за пределами Евросоюза, включая Беларусь и Армению, необходимо для ответов на вопросы, какое место могут занять эти страны в *глобализации высшего образования* [1] в результате присоединения к Болонскому процессу и к каким последствиям этот шаг может привести для национального продвижения по пути построения общества знаний. В условиях глобализации становится очевидным, что «современное общество знаний заинтересовано в серьезных структурных изменениях в рамках образовательной системы, вектор которых должен определяться с учетом государственных и общественных интересов» [2, с. 172]. Любые изменения в системе высшего образования становятся инструментом государственной политики и мягкой силой [2, с. 172]. В то же время большинство развитых, а также ряд развивающихся стран осознали необходимость модернизировать свои национальные системы образования с учетом общемировых тенденций.

Республика Армения и Республика Беларусь, как и все постсоветское пространство, вынуждены участвовать в разнообразных процессах образовательной интеграции, поскольку без определенной институциональной унификации в современных условиях невозможно конкурировать на рынке образовательных услуг или стать сколько-нибудь значимым участником глобальных и даже региональных процессов, среди которых образование занимает почетное место. Западные эксперты считают, что успехи образования в XXI в. являются чуть ли не решающими в продвижении стран на уровень четвертой промышленной революции, построении «индустрии 4.0», а затем и переходе на пятый и шестой уровни технико-экономического развития [3].

В XXI в. обе республики рассматривают присоединение к европейскому пространству высшего образования (т. е. Болонскому процессу) как часть стратегии реформирования национальных систем высшего образования с учетом проводимой государствами модернизации экономики. Стратегическая цель состоит именно в повышении конкурентоспособности систем образования и росте качества образования для последующего наращивания экспорта образовательных услуг, а также обеспечения стран высококвалифицированными кадрами. Проблема осложняется тем, что обе страны одновременно включены в другие интеграционные процессы, во-первых, в рамках ЕАЭС (как часть стратегии построения общего рынка товаров, услуг и капиталов стран-участниц), во-вторых, в восточном направлении – с Китаем, Таджикистаном, Туркменистаном, странами Ближнего Востока, заинтересованными в экспорте образовательных услуг из Армении либо Беларуси. В настоящее время именно восточное направление обеспечивает основной экспорт образовательных услуг Армении и Беларуси. Единой интерпретации приоритетов развития систем высшего образования в этих странах нет, тем не менее каждая страна провозгласила в качестве незыблемого приоритета развитие национальных традиций, сохранение накопленного положительного опыта в сфере образования [4; 5]. Цель статьи – сравнительный анализ достижений Армении и Беларуси в продвижении по пути европейской образовательной интеграции. На примере двух стран будут рассмотрены наиболее значимые проблемы реформирования систем высшего образования в постсоветском регионе.

На постсоветском пространстве сохраняются важные факторы, которые обусловлены общим прошлым стран, проявляющимся в их социально-культурном и образовательном поле, и сходным образом влияют на механизмы реорганизации систем высшего образования. Все страны ЕАЭС внедряют определенные изменения в национальные институты высшего образования в соответствии с болон-

скими принципами, поскольку одновременно являются и членами европейского пространства высшего образования. Главные изменения касаются введения двухуровневого образования и кредитной системы, независимый контроль качества образования, расширение мобильности, свободное трудоустройство выпускников, академические свободы. Специфика процесса в том, что каждая страна интерпретирует и внедряет эти принципы по-своему.

История болонских преобразований в Армении началась в 2005 г., когда Армения присоединилась к Болонскому договору. Попытки реорганизовать систему высшего образования Армении делались еще в 1990-х гг. Беларусь присоединилась к Болонскому процессу в 2015 г. последней из стран восточного партнерства. Как показало проведенное двумя авторскими коллективами в 2018 г. исследование¹, несмотря на эти различия в сроках имплементации принципов Болонского процесса, у обеих стран остается много общего. Опираясь на результаты сравнительного анализа эмпирических исследований, покажем, в чем состоят общие и специфические результаты присоединения систем высшего образования Армении и Беларуси к европейскому образовательному пространству и какие достижения в сфере высшего образования можно считать следствиями этого процесса.

В Армении общий дискурс об оценках болонских преобразований весьма позитивный, сам процесс уже приобрел символическое значение как обязательная и неотъемлемая часть процесса реформирования системы образования, безотносительно к конкретным последствиям этого процесса. По словам одного из экспертов, *«Болонский процесс стал лейблом, который ставят на все, но на самом деле большая часть преобразований может не иметь никакого отношения к Болонскому процессу»*².

Анализируя внедрение стандартов Болонского процесса в систему высшего образования Армении, отметим, что оно осложняется рассогласованностью вузовской системы в стране и отсутствием единого подхода к имплементации этих стандартов. Отдельные учреждения высшего образования (УВО) не признают кредиты, полученные студентами в другом учебном заведении, а стандарты обучения государственных и частных УВО не соответствуют друг другу (они отличаются количеством часов для одного кредита, принципами оценивания). Только систем оценки знаний студентов в университетах Армении по меньшей мере четыре, диапазон измерения для которых варьируется

от четырех до ста баллов. Более того, УВО Армении ориентированы на стандарты разных стран. Так, образовательная среда Российско-Армянского университета ориентирована на российские стандарты, а Европейский университет и Американский университет Армении – на европейские и американские соответственно. В связи с этим возникает существенная проблема качественных различий между государственными и частными учреждениями высшего образования. Есть много частных УВО, не способных подготовить необходимые стране кадры. Фактически сложилась ситуация, когда, исходя из нужд коммерциализации образования, частные УВО вынуждены принимать на обучение тех абитуриентов, которые не добрали баллы для поступления в государственные учреждения, что негативно сказывается на качестве высшего образования в целом по стране. Такие студенты не ориентированы на знания, им нужен только диплом [6].

Главной проблемой по-прежнему остается узость финансовых возможностей для развития системы высшего образования при существующем переизбытке УВО на образовательном рынке Армении: 63 заведения на неполных 82 тыс. студентов [7, с. 117]. Скудость финансовых возможностей не позволяет УВО обеспечивать высокий научный уровень преподавательского состава, регулярность участия преподавателей в международных конференциях, возможность подавать публикации в платные рейтинговые журналы и т. п.

Болезненный вопрос внедрения болонских принципов – академическая мобильность. В условиях, когда УВО страны не могут составить достойную конкуренцию европейским учреждениям, а у населения нет денег на финансирование учебы детей за границей (о чем свидетельствует тот факт, что две трети студентов не участвуют в программах по обмену), академическая мобильность выражается фактически в мощный фактор утечки умов. Весной 2018 г. студенческая молодежь выразила недовольство отсутствием достойных финансов на образование и неспособностью правящих элит решать экономические проблемы Армении. Массовыми протестами студенты выступили против власти, фактически выталкивающей своей социальной политикой молодежь в эмиграцию [8, с. 89–90]. Финансовая скудость – основная социально-экономическая проблема страны. В сфере академической мобильности она дополняется бюрократичностью процесса: даже когда армянские студенты выезжают в зарубежные страны по официальной

¹В Армении был проведен экспертный опрос (20 экспертов, представлявших международные организации, администрацию учреждений высшего образования, профессорско-преподавательский состав) и качественный анализ документов, в том числе публикаций, связанных с проблемами высшего образования. В Беларуси в аналогичном опросе было задействовано 15 экспертов, проведен качественный анализ законодательных документов и контент-анализ материалов средств массовой информации, а также опрос студентов (по 420 человек в 2017 и 2018 гг.).

²Здесь и далее курсивом и в кавычках даны материалы экспертных интервью, взятых авторами (из личного архива). – Л. Т., М. З.

программе образовательного обмена, возвращаясь домой они обязаны за короткий срок сдавать в своем УВО экзамены по всем пропущенным предметам из-за несоответствия программ армянских и зарубежных учреждений. В социологическом исследовании, проведенном в четырех постсоветских республиках – участницах Болонского процесса в 2016 г., признание кредитов, полученных за рубежом, отмечали только четверть армянских студентов, участвовавших в обменах в 2012–2014 гг. ежегодно (около 2 % всех армянских студентов) [9]. Еще одной причиной является слабое знание иностранных языков. Точной официальной статистики участия студентов в программах обмена нет, поскольку многие уезжают самостоятельно. По примерным расчетам армянских экспертов, число таких студентов составляет около 1000 человек в год. Учитывая незначительность этого числа для страны, можно говорить о том, что мало и влияние студенческих обменов на качество образования.

В ходе имплементации реформ возникли новые трудности. Так, студенты лишены возможности использовать нелинейные траектории в образовании: они не могут изучать курсы по выбору, если курсы читаются в разных УВО одного города, несмотря на то, что это предусмотрено введенной кредитно-рейтинговой системой. Такая возможность возникает только при переходе студента из бакалавриата в магистратуру. Однако появляется иная проблема: поскольку в магистратуру принимают даже бакалавров, обучавшихся по другим специальностям, студентам приходится осваивать совершенно новую специальность на уровне магистратуры. Гипотетическая возможность сдавать вступительные экзамены в магистратуру студентами, не имеющими первоначальной подготовки по данной специальности, дискредитирует идею бакалавриата как ступени, необходимой для получения магистерского образования. Следствием этого стало появление в магистратуре разнородных по составу групп, в которых преподаватель вынужден обучать индивидуально каждого студента в соответствии с уровнем знаний последнего и спецификой прежнего образования. Приходится часто отказываться от групповой работы с магистрантами, что не способствует повышению качества образования [10]. Уместно привести мнение координатора Московского государственного института международных отношений по Болонскому процессу профессора Г. И. Гладкова, высказанное в отношении образования социологов: «Не может ли сложиться так, что, к примеру, социолог в одной стране будет знать одних авторов и их теории, а в другой – совсем иных и другие социологические теории, и потом, когда два бакалавра окажутся за одним столом в магистратуре, они почти не будут профессионально понимать друг друга?» [11, с. 79–80]. Если же за одним столом встречаются студенты фактически разных по

содержанию специальностей, то вопрос становится еще более проблемным. На наш взгляд, к числу причин, по которым возникла данная ситуация, можно отнести погоню студентов за получением «модных» специальностей, которые легко приобрести на платной основе в условиях чрезмерной коммерциализации университетов. Повсеместно складывается практика, когда в сложных финансовых условиях УВО вынуждено заботиться о количестве студентов на обеих ступенях образования, не учитывая качество подготовки и тем самым ставя его под вопрос. Многими экспертами отмечалось, что неконтролируемость рынка образовательных услуг приводит к тому, что на рынке труда появляется излишек «модных» специалистов и недостаток кадров, обладающих другими, важными для страны специальностями.

Несмотря на указанные проблемы, сегодня переход к системе шестилетнего цикла образования (четыре года бакалавриата и два года магистратуры) и некоему аналогу кредитно-рейтинговой системы в Армении формально уже окончен. Завершается реорганизация цикла аспирантуры с переходом на кредитно-рейтинговую систему. Однако до сих пор не прекращаются споры по поводу эффективности подобных реорганизаций особенно с учетом того, что не все западные университеты приняли новую модель образования и отказались от пятилетнего обучения на первой ступени. В медицинском образовании Армении также нет дифференциации бакалавра и магистра, ибо определение компетенций врача-бакалавра весьма проблематично. На рынке труда сложилась парадоксальная ситуация, когда компетенции бакалавра и магистра практически не различаются работодателями. Магистратура несет, скорее, ценностно-символический смысл, поскольку по ее окончании можно получить более престижную по сравнению с бакалавром степень, но выпускники магистратуры не имеют даже формальных преимуществ практически на всем рынке труда.

Что касается внедрения болонской системы академических степеней, то Армения изначально приняла как неизбежность ломку старой системы. Однако ученые степени «кандидат наук» и «доктор наук» сохранены, поскольку существует негативный пример радикального отказа от них в Грузии, где Высшей аттестационной комиссией и учеными советами университетов было разрешено присуждать новую единую степень доктора философии (PhD), как в американских университетах. В результате «докторская степень в Грузии полностью утратила квалификационное значение... авторитет степеней, полученных до реформы, возрос... и есть лишь один диплом, имеющий квалификационное значение, – магистерский» [12].

К сожалению, в Армении практически не проводились научные исследования того, как влияют реформы высшего образования на его качество. Не-

смотря на целевую установку Болонского процесса на рост качества образования, предлагаемые критерии оценки спорны, слабо разработаны и расплывчаты. Поэтому то, как реально повлияли реформы на качество образования, неизвестно. Индекс уровня образования в странах мира (*Education index*), используемый как комбинированный показатель Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), показывает быструю динамику роста уровня образования в ряде стран ЕАЭС, которая напрямую не связана с интеграционными процессами и дает лишь количественную оценку охвата населения образованием. Данный индекс, зачастую преподносимый как важный мировой образовательный рейтинг страны, измеряет достижения с точки зрения уровня образования населения по двум основным показателям: индекс грамотности взрослого населения и индекс доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образования. Колебания по индексу образования вряд ли связаны с нахождением страны в Болонском процессе. Так, Армения с 2012 по 2013 г. снизила свой показатель, опустившись с 56-го на 63-е место, но в 2017 г. заняла 45-е место. Беларусь поднялась в рейтинге с 52-го в 2012 г. на 21-е место в 2013 г., не вступая в болонскую систему образования, и опустилась на 29-е место в 2017 г., будучи ее членом. Кыргызстан за 2012–2017 гг. поднялся с 77-го на 54-е место, Казахстан – с 35-го на 31-е место. Россия улучшила свой показатель с 49-го в 2012 г. до 27-го места в 2017 г. [13]. Однако в самой России оценка результатов проводимых болонских реформ весьма противоречива, как и в ряде других стран.

В Беларуси Болонский процесс только набирает обороты, причем некоторыми белорусскими авторами европейская интеграция преподносится как панацея, способная поднять существующую систему высшего образования на «европейский уровень». Однако такого единого абстрактного уровня не существует: в Европе, в Америке и в других регионах есть всемирно известные престижные университеты, диплом которых сам по себе является для выпускника залогом успешного начала карьеры, например Гарвардский университет, Калифорнийский университет в Беркли, Оксфордский университет, Национальный университет Сингапура, Токийский университет и др. Вместе с тем имеется немало университетов, включая европейские, не пользующихся известностью и разительно отличающихся от престижных [12]. На какой из этих уровней может выйти система высшего образования Беларуси, даже если она успешно и полностью интегрируется в Болонский процесс? Проводя те или другие изменения, в Республике Беларусь пытаются найти ту золотую середину, которая позволит, с одной стороны, взять на вооружение передовой иностранный (и не только западный) опыт, а с другой – учесть свои собственные национальные интересы.

Отметим, что официальную позицию Республики Беларусь на международной арене можно сформулировать как стремление не совершать «ложный выбор» между Западом и Востоком. Комментируя позицию Беларуси по вопросу ее взаимоотношений с Россией и Евросоюзом, в рамках которых развивается и образовательная стратегия страны, первый заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь отметил, что страна хочет иметь равноправные партнерские отношения с обеими сторонами [14]. На принципе равенства строится позиция Беларуси по отношению к Болонскому процессу. Интересы страны определяются тем, что ее включение в процесс европейской образовательной интеграции приведет к признанию белорусских дипломов и росту престижа учебных заведений. Ожидалось, что не только белорусские студенты поедут учиться в страны Евросоюза, но и из Европы будет приезжать больше студентов и преподавателей. Однако пока далеко до того, чтобы эти ожидания оправдались.

Европейская образовательная интеграция изначально выполняет задачи, связанные с повышением конкурентоспособности стран Евросоюза в эпоху глобализации, поэтому они «не могут быть отделены и рассматриваться вне процесса глобализации, информатизации и виртуализации человеческого общества. Это части не только экономической и политической глобализации, но и процессы взаимопроникновения экономической, политической и культурной глобализации» [1]. На первый взгляд, эти задачи должны оказывать положительное воздействие и на рост конкурентоспособности Беларуси после ее вступления в Болонский процесс. Однако на практике все намного более сложно и запутанно. Европейская образовательная интеграция – часть интеграционной стратегии Евросоюза. Другие страны, вступающие в Болонский процесс, могут стать поставщиками специалистов именно для европейского рынка труда без каких-либо национальных изменений (если не считать таковыми дипломы единого образца, общую схему образования и новую национальную рамку квалификаций). Что касается развития академической мобильности, то без достаточного финансового подкрепления на национальном уровне она остается незначительной, а полученные студентами за рубежом знания не всегда могут быть применены в Беларуси по многим причинам.

Умеренный темп адаптации белорусского высшего образования к Болонским соглашениям постоянно критиковался независимыми экспертами, поскольку принципы дорожной карты были имплементированы в Беларуси за три года (2015–2018) не в полном виде. Члены Общественного Болонского комитета оценили продвижение страны на этом пути в 30 %, а некоторые принципы, по их мнению, нарушались (обязательное распределение, дисба-

ланс финансовых льгот для выпускников бюджетной и платной форм обучения, сохранение пятилетнего обучения по ряду специальностей и др.) [15; 16]. Однако интеграция не может произойти в короткие сроки. Существуют объективные факторы, тормозящие внедрение болонских принципов. Кроме того, Беларусь, как и Армения и большинство других стран – членов Болонского процесса, придерживается курса на сохранение и усиление национальной компоненты в системе образования. В связи с этим подчеркивается: «Беларусь развивает свою систему высшего образования в соответствии с болонскими принципами и с учетом национальных интересов» [17].

Реалистический подход к Болонским соглашениям вполне допускает, что не все принципы будут применены к той или иной национальной системе высшего образования. Белорусские реалии делают полную адаптацию этих принципов невозможной, и болонские соглашения не требуют этого. В Западной Европе ряд университетов отказались от принципов Болонского процесса или используют их выборочно, с учетом своих интересов и в своей интерпретации. Результативность некоторых принципов неочевидна. Можно напомнить, что профессор Венского университета К. П. Лисман много лет назад предупреждал, что болонских реформ недостаточно для того, чтобы уменьшить неравенство учреждений высшего образования и отдельных стран [18, S. 64–65].

Опрошенные нами белорусские эксперты придерживаются такой же позиции: «Наше присоединение к Болонскому процессу не означает, что мы отказываемся от качества, содержания и форм национального образования»; «мы не копируем Болонью, а сохраняем свои приоритеты: традиции, которыми мы гордимся и от которых не откажемся».

Изучение мнения студентов о вступлении Беларуси в Болонский процесс показало, что многие знают об этом лишь с чужих слов. Проведенные нами опросы студентов пяти столичных университетов подтвердили, что респонденты плохо осведомлены о Болонском процессе. Больше всего их привлекает программа обмена. Почти половина считает, что вступление в Болонский процесс имеет как плюсы, так и минусы. Каждый пятый не смог дать оценку вступлению Беларуси в Болонский процесс, потому что не владел достаточной информацией. Сходные данные были получены и в опросе, проведенном в 2017 г. по заказу Общественного Болонского комитета [19].

В оценке имплементации Болонского процесса очень важно знать также и мнения профессоров, занятых в системе высшего образования. Данные экспертного опроса показывают, что у белорусской профессуры есть как позитивные, так и негативные мнения об имплементации принципов Болонского

процесса в системе высшего образования Беларуси. Одной из главных причин медленного реформирования белорусской высшей школы была названа высокая степень бюрократизированности всего образовательного процесса: «...основное внимание администрация университетов уделяет соблюдению формальных процедур Болонского процесса, мало связанных с обеспечением качества подготовки выпускников», идет «постоянное переписывание, обновление, актуализация учебно-методической документации». Общая экспертная оценка вступления Беларуси в Болонский процесс, скорее, положительная, хотя эксперты видят пока больше проблем и возможностей, чем реальных изменений. Причина понимается почти всеми одинаково: «Отсутствие четкого видения, что именно и для чего модернизируется. Не понятен окончательный, прогнозируемый итог».

В ходе экспертных интервью были неоднократно высказаны сомнения в целесообразности внедрения ряда принципов. Не все эксперты приветствуют выборность ректоров учебных заведений, ссылаясь на неудачный опыт в начале 2000-х гг., и предлагают ограничиться выборностью деканов. Экспертам не представляется обоснованным сокращение обучения на первой ступени до четырех лет по ряду естественно-научных специальностей, поскольку невозможно вместить в четырехлетние программы обучения весь объем знаний и практик, необходимых будущим специалистам. Не все эксперты поддерживают полную свободу выбора студентами дисциплин, которые относятся к дисциплинам по выбору и на сегодня определяются, как правило, решением деканата факультета. Опыт УВО, в которых такая свобода была дана студентам, показал, что учащиеся часто выбирают либо самые легкие, на их взгляд, дисциплины, либо руководствуются своими симпатиями и антипатиями к конкретным преподавателям. Во многих УВО Беларуси не принимают идею массовых академических обменов со странами Европейского союза и даже на уровне межвузовского обмена внутри страны, поскольку финансовые и организационные механизмы таких обменов не прописаны в инструкциях. Один эксперт отметил, что в его областном университете уже нельзя найти достаточного количества студентов, желающих поехать учиться по обмену в университеты Евросоюза на один или два семестра, поскольку по возвращению, независимо от введения кредитно-рейтинговой системы, студентам необходимо будет сдавать экзамены по всем пропущенным дисциплинам. Как и в Армении, многие белорусские студенты не могут финансировать те стороны академических обменов, которые не покрываются грантом.

Экспертный опрос выявил, что одной из главных нерешенных проблем, возникших в связи с вступлением Беларуси в Болонский процесс, является неопределенность места магистратуры в новой струк-

туре высшего образования. Один из весьма уважаемых экспертов высказал общее мнение таким образом: «Мы ввели магистратуру, но она пока не наполнена конкретным содержанием, ее место четко не определено. Пока законодательно не указано, кто может занимать должности только с дипломом магистра, а кто нет, и в каких вузах надо открывать магистратуру, а где не следует этого делать». Не до конца прояснена структура дисциплин в магистратуре. По содержанию, как отмечали многие эксперты, магистратура часто дублирует курсы, которые уже преподавались на первой ступени образования, что вызывает неудовлетворенность магистрантов. По этой причине некоторые студенты даже уходят из магистратуры, проучившись один семестр. В качестве недостатка отмечалась несогласованность и очередность изучения дисциплин, которыми заведения наполняют содержание магистратуры на первом и втором году обучения, а также тот факт, что магистратура по одной и той же дисциплине может сильно различаться в разных УВО. Неопределенность места магистратуры связана прежде всего с тем, что пока ни бакалавр, ни магистр не востребованы на белорусском рынке труда. Как правило, они не готовы к экономически эффективной трудовой деятельности и поэтому часто доучиваются на первом рабочем месте, что снижает престиж магистратуры в целом.

Важной нерешенной проблемой эксперты считают реальное внедрение в практику образования системы кредитов. В настоящее время кредиты выставляются в зачетную книжку, однако практически бесконтрольно проходит самостоятельная подготовка студентов, фиксируемая в часах и кредитах. Эксперты уверены: без повышения статуса этого вида деятельности (самостоятельной работы студентов) и определения четких критериев ее контроля, значимость кредитной системы и магистратуры в целом снижается. Только когда новая национальная рамка квалификаций будет внедрена и станет гарантировать выпускникам-магистрам более привлекательное трудоустройство, чем диплом специалиста, магистратура станет престижной.

Экспертами были выявлены и другие проблемы, обострившиеся в связи с болонскими реформами и во многом сходные с теми, что имеются в Армении. Материалы экспертных интервью позволяют сделать вывод о том, что встраивание белорусской системы высшего образования в европейскую идет, но более медленными темпами, чем рассчитывали страны – участницы болонской системы в 2015 г. Несмотря на это, белорусская сторона, по мнению экспертов, и в дальнейшем не будет поступаться своими национальными приоритетами в сфере образования ради соблюдения буквы болонских соглашений, поскольку считает возможным и необходимым гибкое следование этим принципам. Вступление в Европейское пространство высшего образования не означает, что этому направлению интеграции в Беларуси отдан приоритет и что другие направления (прежде всего интеграция в рамках ЕАЭС) будут меньше развиваться. Доминирование какого-либо одного направления привело бы страну к противоречащему с ее национальными интересами положению. Беларусь хочет развивать и европейское, и евразийское, и иные направления образовательной интеграции, сохраняя при этом собственные национальные приоритеты.

Если сравнивать успехи развития систем высшего образования Армении и Беларуси, то окажется, что, несмотря на более положительное отношение к внедрению болонских реформ в Армении, ряд общих показателей развития системы высшего образования Беларуси выше. Вполне возможно, что это не связано напрямую с успехами европейской интеграции, однако данный факт дает основание полагать, что имплементация болонских реформ не продвинула Армению далеко вперед. Так, государственные расходы Беларуси на высшее образование, по данным Межгосударственного статистического комитета СНГ, выше, чем в Армении, хотя траты обеих стран невелики (табл. 1). При этом не следует забывать, что в Армении намного больше негосударственных УВО, а это – дополнительное к государственному финансирование высшего образования.

Таблица 1

Государственные расходы на образование, % к ВВП

Table 1

State expenditure on education, % of GDP

Страны СНГ	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Беларусь	5,4	4,8	5,1	5,2	5	4,9
Азербайджан	2,8	2,4	2,7	2,5	2,6	3
Армения	2,8	2,8	2,4	2,3	2,4	2,4
Казахстан	3,5	3,6	4	3,3	3,3	3,3

Окончание табл. 1
Ending table 1

Страны СНГ	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Кыргызстан	5,4	6,4	7	6,1	5,6	6
Молдова	9,1	8,3	8,4	7	7	6,9
Россия	4,2	4,0	4,1	4,1	3,9	3,8
Таджикистан	3,1	4,8	4,3	5	5,1	5,1
Украина	7,4	6,6	7	6,9	6,3	5,8

Источник: система образования Республики Беларусь в цифрах [20, с. 4].

Ввиду несоизмеримости численности населения двух стран то, что число студентов в учреждениях высшего образования Беларуси превышает их число в Армении, не вызывает удивления, хотя общая численность УВО в Беларуси меньше (табл. 2). Почти в три раза больше в Беларуси численность

профессорско-преподавательского состава и почти в четыре раза – выпускников [20, с. 16]. При этом в государственных учреждениях высшего образования Беларуси примерно половина студентов обучаются за счет средств бюджета [20, с. 52], что больше, чем в Армении.

Таблица 2

**Число учреждений высшего образования
и численность студентов на начало учебного года**

Table 2

**Number of institutions of higher education and number
of students at the beginning of the academic year**

Страны СНГ	Учебный год							
	2013/14		2014/15		2015/16		2016/17	
	УВО	Студенты, тыс. чел.	УВО	Студенты, тыс. чел.	УВО	Студенты, тыс. чел.	УВО	Студенты, тыс. чел.
Беларусь	54	395	54	363	52	336	51	313
Азербайджан	52	151	53	158	54	161	51	164
Армения*	63	86	65	94	63	97	67	93
Казахстан	128	527	126	477	127	459	125	477
Кыргызстан	55	223	53	214	52	200	50	175
Молдова	32	97	31	90	31	82	30	75
Россия	969	5647	950	5209	896	4766	818	4399
Таджикистан	34	159	38	165	38	177	39	187
Украина	325	1 724	277	1438	288	1375	287	1369

Источник: система образования Республики Беларусь в цифрах [20, с. 16].

*Данные, приведенные для Армении, не полностью совпадают с национальной статистикой и не претендуют на абсолютную достоверность.

Что касается иностранных студентов, обучающихся в Беларуси, то в 2016/17 учебном году их было 10 601 человек, большинство из Туркменистана [20, с. 53]. В Армении в том же году численность таких студентов составила 3794 человек, большинство из России и Индии [7, с. 140–141]. При расчете пропорции общего числа иностранных студентов Армения оказалась впереди Беларуси, однако этот результат достигнут благодаря не Европейской образовательной интеграции в Армении, а экспорту образовательных услуг, осуществляемому в рамках ЕАЭС и стран Востока, а также наличию обширной

диаспоры за пределами страны. Такая же тенденция имеет место и в Беларуси, где студентов по обмену из стран Евросоюза считанные единицы.

В официальных программах обмена в Беларуси и Армении участвует пока мало студентов. По данным исследований программы *Eurostudent*, осуществленных в 2012–2014 гг., когда Армения впервые участвовала в студенческих обменах, количество студентов, принявших в них участие, составило 4 % от числа респондентов, выразивших свое желание участвовать (56 % студентов), из них 4 % участвовали на уровне бакалавриата и 6 % – маги-

стратуры. Эта цифра была ниже, чем в России и Грузии, но выше, чем в Украине [9]. Однако из общего числа участвовавших в обменах армянских студентов только 27 % выехали по программам Евросоюза, предоставленным болонскими соглашениями, остальные выезжали по другим программам или по частным договоренностям (своей инициативе). В целом в настоящее время в обеих странах количество студентов, выехавших на учебу за границу, значительно превышает уровень академических обменов по официальным программам, доступным благодаря болонским соглашениям. Так, на полный срок обучения за границу в 2016/17 учебном году из государственных УВО Беларуси были направлены всего 147 студентов и магистрантов республики [20, с. 53], а обучалось за рубежом более 35 тыс. человек [21].

Можно сделать вывод о том, что количественные показатели развития национальных систем высшего образования двух стран, несколько отличаясь между собой, значимо не изменились после присоединения к болонским соглашениям, хотя Армения продвинулась намного дальше. По мнению армянских экспертов, несмотря на то что проблемы на глобальном уровне оказывают негативное влияние на имплементацию проводимых болонских реформ, главные причины недостаточно успешного продвижения реформ внутренние: отсутствие целостного видения целей и задач образования в целом, отсутствие новой образовательной парадигмы, неумение просчитать те или иные результаты изменений образовательного процесса. И все же большинство экспертов подчеркивали преобладающее влияние экономических факторов на эффективность проводимых реформ. Многие также отмечали, что причины замедления изменений во многом связаны с тем, что реформирование проводилось «сверху вниз», а не было инициировано «снизу» [22, с. 19]. В Беларуси невысокий уровень имплементации болонских реформ связан прежде всего с трехлетним временным интервалом от начала их внедрения, а также с национальными приоритетами системы высшего образования, обуславливающими необходимость корректировки любых реформ.

Подведем итоги рассмотрения проблем и достижений систем высшего образования двух стран, связанных с их европейской интеграцией. Реформирование систем высшего образования Армении и Беларуси проходит во многом противоречиво. Требуется обратить более пристальное внимание государственных и общественных структур на анализ последствий, к которым привели реформы в рамках европейской интеграции этих стран, а также на эффективность и качество высшего образования.

Оценка Арменией успехов европейской интеграции исходит из того факта, что интеграция в лю-

бом случае необходима. Однако есть понимание того, что непродуманное реформирование без учета местной специфики может привести к коллапсу всей системы без повышения ее конкурентоспособности. Поэтому идет поиск креативных подходов к европейской интеграции. Тем не менее пока позитивные результаты интеграции незначительны, реформы тормозятся дефицитом финансов. Готовность продолжать проведение реформ велика, но как будут развиваться события – неясно. В Беларуси официальная оценка данного направления интеграции более умеренная и в то же время позитивная, несмотря на критику со стороны независимых экспертов. Европейская интеграция в Республике Беларусь также будет продолжаться.

Примеры опыта европейской интеграции Армении и Беларуси в рамках настоящей статьи были проанализированы как типичные для постсоветского пространства. Было выявлено, что эти страны, несмотря на географическую отдаленность, имеют целый ряд общих социальных, экономических, политических проблем, возникающих в процессе продвижения по пути европейской интеграции. В то же время были выявлены их особенности: разный уровень имплементации болонских принципов, разная степень политизации этого процесса, а также допуск на внутренний рынок образовательных услуг иностранных УВО. Накопленный этими странами опыт интеграции пока не позволяет давать прогнозы о том, насколько присоединение к Болонскому процессу будет стимулировать глобальную конкурентоспособность в будущем и поможет поднять качество образования.

Трудно не согласиться с мнением российского эксперта в сфере образования профессора А. И. Иванчика, обладающего огромным международным опытом, который считает, что постсоветским странам при реформировании высшего образования «следует опираться в первую очередь на опыт стран... с большой ролью государства и патерналистскими (или, если угодно, социальными) традициями» [12] и ни в коем случае бездумно не реформировать свои институты только ради реформирования. Очевидно, что процесс европейской интеграции и реформирования систем высшего образования Армении и Беларуси будет продолжаться, однако с учетом его национальной корректировки и региональных условий. К сожалению, пока обе республики не имеют достаточных финансовых средств для проведения качественных реформ с опорой на положительный опыт стран со сходными традициями, а прямой перенос чужих моделей себя не оправдывает. Вряд ли можно ожидать скорого изменения места Беларуси и Армении в глобальной и даже региональной образовательной конкуренции, что не мешает этим странам наращивать экспорт образовательных услуг в других направлениях.

Библиографические ссылки

1. Маркович ДЖ. Экономика образования и социология образования перед вызовами глобализации и виртуализации образования. В: *Всероссийская социологическая конференция «Образование и общество»; 20–22 октября 2009 г.; Москва, Россия* [Интернет]. Москва: Институт социологии Российской академии наук; 2009 [протитировано 18 августа 2018]. Доступно по: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/Docladd/markovich.pdf>.
2. Воевода ЕВ, Белогуров АЮ. Аксиология образования в дискурсе современной политики. *Полис*. 2018;6:172–179.
3. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions on a renewed EU agenda for higher education [Internet] [cited 2018 September 18]. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1542026634911&uri=CELEX:52017DC0247>.
4. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 [Интернет] [протитировано 10 февраля 2016]. Доступно по: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2/>.
5. Аветисян ПС, Заславская МИ, редакторы. *Модернизация системы высшего образования Армении в контексте интеграционных процессов*. Ереван: Российско-Армянский университет; 2017.
6. Закарян Л. Развитие системы образования Армении в контексте Болонского процесса. *Регион и мир*. 2015;2:78–84.
7. *Статистический ежегодник Армении 2017*. Ереван: Национальная статистическая служба Республики Армения; 2018.
8. Атанесян АВ. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности. *Полис. Политические исследования*. 2018;6:80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.
9. Chvorostov A, Hauschildt K. *International student mobility in Armenia, Georgia, Russia, and Ukraine* [Internet]. 2016 November [cited 2017 June 5]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/310843013_International_student_mobility_in_Armenia_Georgia_Russia_and_Ukraine/figures?lo=1.
10. Аветисян ПС, Галикян ГЭ, Заславская МИ. О некоторых проблемах реформирования сферы высшего образования в странах постсоветского пространства в свете евразийской интеграции. *Научная мысль*. 2016;4(22):5–15.
11. Гладков ГИ. Болонский процесс в России: дорожная карта. В: Белов ВА, Энтин МЛ, Гладков ГИ, Колесов ВП, Ткаченко ЕЛ, Яковлев СМ, Черковец МВ. *Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе*. Москва: Российско-Европейский центр экономической политики; 2005. с. 68–80.
12. Иванчик АИ. *Реформы образования и науки в России и в Грузии: кому надо и кому не надо подражать* [Интернет]. 20 февраля 2013 [протитировано 20 марта 2015]. Доступно по: <http://archives.colta.ru/docs/14183>.
13. Рейтинг стран мира по уровню образования. 2018 [Интернет] [протитировано 22 ноября 2018]. Доступно по: <https://nonews.co/directory/lists/countries/education>.
14. Толкачева Е. *Первый замглавы МИД про отношения Беларуси с Россией и ЕС: Танго в одиночку не станцуешь* [Интернет]. 5 ноября 2018 [протитировано 5 ноября 2018]. Доступно по: <https://news.tut.by/economics/614380.html>.
15. Спасюк Е. *Образование в Беларуси: одной ногой в Болонском процессе, другой в СССР* [Интернет]. 21 марта 2017 [протитировано 22 марта 2017]. Доступно по: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/alena-spasjuk/belarus-mejdu-bolonskim-processom-sssr>.
16. Спасюк Е. *Кто вбивает последний гвоздь в крышку гроба белорусского образования?* [Интернет]. 26 ноября 2017 [протитировано 26 ноября 2017]. Доступно по: <http://naviny.by/article/20171126/1511689817-kto-vbivaet-posledniy-gvozdz-v-kryshku-groba-belorusskogo-obrazovaniya>.
17. Минобр: Беларусь развивает свою систему образования в соответствии с болонскими принципами [Интернет]. 29 мая 2018 [протитировано 29 мая 2018]. Доступно по: <https://news.tut.by/society/594667.html>.
18. Liessmann KP. *Theorie der Unbildung. Die Irrtümer der Wissensgesellschaft*. Wien: Zsolnay; 2006.
19. Шелест О. *Социальная база программ трансформации в Беларуси* [Интернет]. 13 марта 2017 [протитировано 11 февраля 2017]. Доступно по: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2017/03/13>.
20. Ажероник ИД, Денищик НА, Нестеров АП. *Система образования Республики Беларусь в цифрах*. Минск: Учреждение «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь»; 2018.
21. Спасюк Е. *Почему белорусские студенты бегут из страны* [Интернет]. 30 ноября 2016 [протитировано 14 февраля 2017]. Доступно по: <https://naviny.by/article/20161130/1480485195-pochemu-belorusskie-studenty-begut-iz-strany>.
22. Заславская МИ. О некоторых проблемах реформирования системы высшего образования Армении в контексте системных интеграционных процессов. *Сотис*. 2018;5:15–22.

References

1. Markovich DJ. [Economics of education and sociology of education in front of the challenges of globalization and virtualization of education]. In: *Vserossiiskaya sotsiologicheskaya konferentsiya «Obrazovanie i obshchestvo»; 20–22 oktyabrya 2009 g.; Moskva, Rossiya* [Report at the All-Russian sociological conference «Education and Society»; 2009 October 20–22; Moscow, Russia] [Internet]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2009 [cited 2018 August 18]. Available from: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/Docladd/markovich.pdf>. Russian.
2. Voevoda EV, Belogurov AJu. [Axiology of education in the discourse of modern politics]. *Polis*. 2018;6:172–179. Russian.
3. Communication from the commission to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions on a renewed EU agenda for higher education [Internet] [cited 2018 September 18]. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1542026634911&uri=CELEX:52017DC0247>.
4. State Program of the innovation development of the Republic of Belarus for 2016–2020 [Internet] [cited 2016 February 10]. Available from: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/innovation/inn2/>. Russian.
5. Avetisyan PS, Zaslavskaya MI, editors. *Modernizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya Armenii v kontekste integratsionnykh protsessov* [Modernization of the system of higher education of Armenia in the context of integration process]. Yerevan: Russian-Armenian University; 2017. Russian.

6. Zakaryan L. The reform of the educational system in the Republic of Armenia from the view of the Bologna process. *Region i mir*. 2015;2:78–84. Russian.
7. *Statistical yearbook of Armenia* 2017. Yerevan: National Statistical Service of the Republic of Armenia; 2018.
8. Atanesyan AV. «Velvet revolution» in Armenia: potential, achievements and risks of the political protest activity. *Polis. Political studies*. 2018;6:80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.
9. Chvorostov A, Hauschildt K. *International student mobility in Armenia, Georgia, Russia, and Ukraine* [Internet]. November 2016 [cited 2017 June 5]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/310843013_International_student_mobility_in_Armenia_Georgia_Russia_and_Ukraine/figures?lo=1.
10. Avetisyan PS, Galikyan GE, Zaslavskaya MI. [On some problems of reforming higher education in the post-Soviet countries in the light of Eurasian integration]. *Nauchnaya mysl'*. 2016;4(22):5–15. Russian.
11. Gladkov GI. [Bologna process in Russia: «road map»]. In: Belov VA, Entin ML, Gladkov GI, Kolesov VP, Tkachenko EL, Yakovlev SM, Cherkovets MV. *Bolonskii protsess i ego znachenie dlya Rossii. Integratsiya vysshego obrazovaniya v Evrope* [Bologna process and its meaning for Russia. Integration of higher education in Europe]. Moscow: Russian-European Centre for Economic Policy; 2005. p. 68–80. Russian.
12. Ivanchik AI. *Reforms of education and science in Russia and Georgia: who needs and who should not be imitated* [Internet]. 2013 February 20 [cited 2018 March 20]. Available from: <http://archives.colta.ru/docs/14183>. Russian.
13. Ranking of world countries by education. 2018 [Internet] [cited 2018 November 22]. Available from: <https://nonews.co/directory/lists/countries/education>. Russian.
14. Tolkacheva E. *First Deputy Foreign Minister about Belarus's relations with Russia and the EU: Tango alone will not dance* [Internet]. 2018 November 5 [cited 2018 November 5]. Available from: <https://news.tut.by/economics/614380.html>. Russian.
15. Spasiuk E. *Education in Belarus: one foot in the Bologna process, the other in the USSR* [Internet]. 2017 March 21 [cited 2017 March 22]. Available from: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/alena-spasjuk/belarus-mejdu-bolonskim-processom-sssr>. Russian.
16. Spasiuk E. *Who is driving the last nail into the coffin of the Belarusian education?* [Internet]. 2017 November 26 [cited 2017 November 26]. Available from: <http://naviny.by/article/20171126/1511689817-kto-vbivaet-posledniy-gvozd-v-kryshku-groba-belorusskogo-obrazovaniya>. Russian.
17. Minobr: Belarus develops its education system in accordance with the Bologna principles [Internet]. 2018 May 29 [cited 2018 May 29]. Available from: <https://news.tut.by/society/594667.html>. Russian.
18. Liessmann KP. *Theorie der Unbildung. Die Irrtümer der Wissensgesellschaft*. Wien: Zsolnay; 2006.
19. Shelest O. *Social base of transformation programs in Belarus* [Internet]. 2017 March 13 [cited 2017 February 11]. Available from: <https://cet.eurobelarus.info/ru/library/publication/2017/03/13>. Russian.
20. Azheronok ID, Denishchik NA, Nesterov AP. *Sistema obrazovaniya Respubliki Belarus' v tsifrakh* [System of education of the Republic of Belarus in numbers]. Minsk: Establishment «Chief Information and Analytical Center of the Ministry of Education of the Republic of Belarus»; 2018. Russian.
21. Spasiuk E. *Why Belarusian students flee the country* [Internet]. 2016 November 30 [cited 2017 February 14]. Available from: <https://naviny.by/article/20161130/1480485195-pochemu-belorusskie-studenty-begut-iz-strany>. Russian.
22. Zaslavskaya MI. [On some problems of reforming the system of higher education in Armenia in the context of system integration processes]. *Sotis*. 2018;5:15–22. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.12.2018.
Received by editorial board 11.12.2018.

УДК 316.65

ПОКОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ ПОД ПРИЦЕЛОМ «ОРГАНИЗОВАННОГО СКЕПТИЦИЗМА»

Ж. М. ГРИЩЕНКО¹⁾, Т. В. ЩЕЛКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлено логическое продолжение темы характерологических особенностей постсоветского поколения студенческой молодежи, социализация которого проходила в условиях тотальной аномии в обществе. В центре исследовательского интереса на сей раз – проблема самореализации современного студенчества, представленная как поиск путей и средств осуществления программы личного жизненного успеха. Эмпирический базис объективированных тенденций включает в себя результаты количественных и качественных методов исследования с фокусировкой на смыслах, программирующих актуальные паттерны поведения поколения Z. Продолжается дискуссия о методологических особенностях современной социологии, реактивности ее инструментария и апробации методик по повышению чувствительности инструментария к замеру смыслов.

Ключевые слова: означаемое-означающее (смыслы); социальная аномия; трансцендентность социального; латентность; типологические особенности; гуманитарный континуум; организованный скептицизм; коммуникативная адекватность; инструментальная ценность; мотивационная разбалансировка; раскол культурных традиций; травмирующий эффект; культурный код; импринтинговый эффект.

GENERATION OF SOCIAL ANOMIE AT THE SIGHT OF «ORGANIZED SKEPTICISM»

Z. M. GRISHCHENKO^a, T. V. SCHOLKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus
Corresponding author: Z. M. Grishchenko (zhanna0607@mail.ru)

The article is a logical continuation of the theme of the characterological features of the post-Soviet generation of students, whose socialization took place in the conditions of total anomie in society. In the center of research interest this time-the problem of self-realization of modern students, presented as a search for ways and means of implementation of the program of personal success in life. The empirical basis of the trends objectified in the article includes the results of quantitative and qualitative research methods with a focus on the meanings programming the actual patterns of behavior of generation Z. in Parallel, the discussion on the methodological features of modern sociology, the reactivity of its tools and the approbation of techniques to increase its sensitivity to the measurement of meanings.

Key word: meaning-meaning (meanings); social anomie; transcendence of social; latency; typological peculiarities; humanitarian continuum; organized skepticism; communicative adequacy; instrumental value; motivational imbalance; split of cultural traditions; traumatic effect; cultural code; imprinting effect.

Образец цитирования:

Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Поколение социальной аномии под прицелом «организованного скептицизма». Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;1:113–123.

For citation:

Grishchenko ZM, Scholkova TV. Generation of social anomie at the sight of «organized skepticism». *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:113–123. Russian.

Авторы:

Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Татьяна Викторовна Щелкова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Zhanna M. Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

zhanna0607@mail.ru

Tatiana V. Scholkova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

tanar2002@tut.by

Когда сталкиваешься с представителями неожиданно повзрослевшего нового поколения молодежи, уверенно выдвигаемого на авансцену истории, закономерно встает вопрос: «Насколько новая поколенческая реальность совпала с нашими ожиданиями?». Психологи утверждают, что предвосхищающая результат визуализация мечты – первый серьезный шаг к ее объективации. Но таким ли мы представляли на заре перестройки это поколение миллениалов, которым суждено было появиться на свет на рубеже веков, ознаменовав безвозвратный уход старого мира и аккумулировав в себе мощный энергетический заряд подлинно независимых и свободных людей, которым в нашем воображении предстояло жить в новом справедливом и демократическом веке? Попытки найти ответы на сформулированные вопросы порождают вполне обоснованный скептицизм...

С одной стороны, что мы, собственно, могли сказать тогда о поколении миллениалов? И каким конкретным содержанием мы были в состоянии наполнить визуализацию желаемого образца? Личный опыт не исключал, конечно, возможности непосредственно наблюдать за собственными детьми, детьми соседей, друзей, позволяя понять неординарность разворачивающихся событий. Но, ограниченные личным опытом, мы не могли оценить масштабы тех процессов, которые закономерно и необратимо зарождались на наших глазах и при нашем участии в первом постсоветском поколении. К тому же категоричность императива о *преемственности поколений*, прямо скажем, успокаивала и обнадеживала особо озабоченных неблагополучием развивающихся событий. А как иначе? Ведь каждое молодое поколение, вступающее в самостоятельную жизнь, привносит в мир инновационные изменения, соответствующие духу эпохи. Более того, эти закономерные коррекции уходящей эпохи, несмотря на изначальный нигилизм представителей старших поколений, как правило, завершаются признанием последними своей неправоты. А выдвигаемые на авансцену истории молодежные ценности приобретают *инструментальную* значимость двигателей прогресса. Так вошли в историю, например, поколение шестидесятников, отмеченное своеобразием привнесенной субкультуры с выраженной саморефлексией и попытками стать оппозицией режиму, и поколение семидесятников с характерным для него развенчанием иллюзий по поводу «хрущевской оттепели» и переходом значительного творческого потенциала в формат андеграунда.

С другой стороны, мы явно недооценили масштабы *социальной трансцендентности*, имманентно характерной для любого процесса социализации.

В силу направленности на формирование интерсубъективного мира со своими смыслами и значениями, мотивами и целями, а также коллективными представлениями процесс социализации по опре-

делению носит преимущественно *латентный* характер. В связи с этим перманентно ускользающий от непосредственного визуального восприятия и оценки происходящего наш личный опыт начинает приобретать более или менее реалистичные очертания не в ходе социализации, особенно не на начальных этапах, а при их промежуточном завершении. Вероятно, именно поэтому чем больше временной интервал между нами и «лихими» 90-ми, тем глубже мы понимаем драматический смысл того десятилетия с его революционным пафосом социальной реконструкции 1/6 суши. В особенности это касается молодого поколения, начальные этапы социализации которого совпали с исторически неблагоприятными обстоятельствами взросления в условиях трансформирующегося мирового порядка. В этом хаосе и воцарившейся всеобщей растерянности, в ореоле туманности и неопределенности настоящего, в возрастающей непредсказуемости будущего мы, озабоченные собственными проблемами адаптации к изменяющемуся миру, непросто редко задумывались о судьбе детей эпохи *тотальной социальной аномии*. Надо признать, что до определенного момента данное поколение вообще оставалось вне исследовательской фокусировки, что решающим образом сказалось на продолжительной пролонгированности нашего пребывания в режиме трансцендентности социального. Лишь 20 лет спустя, когда первая постсоветская генерация заявила о своей самостоятельности во взрослой жизни, горизонты нашего восприятия проблемы расширились, получив осязаемую подпитку опытом непосредственного столкновения с детьми эпохи социальной аномии.

Качественное своеобразие и принципиальное отличие этого поколения от предшествующих позволили соотнести его с культурологическим архетипом, названным поколением Z. Однако если для западных традиций межпоколенческой дифференциации принципиальными остаются критерии идентификации данного поколения с эпохой цифровых технологий и вытекающих из этого последствий [1; 2], то наши реалии не исчерпываются, к сожалению, критериями технического прогресса. Несмотря на то что отечественная модернизация носит догоняющий характер, надо признать, что молодежный сегмент, о котором пойдет речь, окунулся в инновационные реалии технического прогресса с рождения, оперативно усвоив все тонкости уже в младшем школьном возрасте, даже не успев осознать революционный смысл инноваций. Куда более принципиальной для отечественного поколения цифровых технологий стал сопутствующий взрослению социальный контекст, предполагающий радикальную перестройку всей социальной системы. Именно данное обстоятельство очередного революционного этапа отечественной истории закономерно повлекло за собой пребывание первого постсоветского поколения молодежи в идеологиче-

ском, нравственном и культурном вакууме, сопряженном с затянувшимся системным кризисом всех сфер жизнедеятельности общества. Именно с обозначенным драматическим социальным контекстом мы попытаемся связать *типологические* особенности данного поколения, вступающего сегодня в самостоятельную жизнь. Данное целеполагание послужило логическим основанием для вычленения относительно самостоятельного сегмента поколения цифровых технологий на основе осознанного ограничения его интервальных границ социализации рамками единого пространственно-временного *гуманитарного континуума*, названного «тотальная аномия».

Перед нами, таким образом, современная студенческая молодежь эпохи социальной аномии в чистом виде, рождение и социализация которой проходили вне социализма и вне его категорических императивов, в том числе идеологических. Объект нашей исследовательской фокусировки – молодежь, не испытывавшая на себе эффект социальной травмы (в отличие от родителей), потому что ее представители родились и выросли уже в объективно сложившейся ситуации травмированного общества, явившегося следствием непродуманных общественных реконструкций.

Молодежь, обладающая полным набором инновационных гаджетов, не задумывается, что может быть как-то иначе.

Именно непосредственное столкновение с обозначенным сегментом в исследовательской практике позволило оживить в памяти идею Р. Мертоня об *организованном скептицизме* как о факторе развития науки [3] и посмотреть через призму своего объекта на ряд проблемных сторон прежде всего самой социологии, активно популяризирующей результаты массовых социологических опросов с навязчивой риторикой, завораживающей своим оптимистичным прогнозом: «Все путем!». Говорят, идет закономерный процесс смены поколений с необходимо вытекающими из него противоречиями, но завершающийся, как обычно, преемственностью традиционно-нормативной модели ценностей, да еще с облагораживающим инновационным эффектом – двигателем социального прогресса. Приблизительно такой вердикт выносит современная социология на обозрение широкой научной (и не только) общественности.

Между тем своеобразие, о котором громко заявляет вступающее в жизнь молодое поколение конца 1990-х гг., бросает вызов обществу и параллельно науке об обществе, призванной этот прогрессирующий хаос социальной системы как-то осмыслить и концептуально организовать, несмотря на оптимистические заверения авторитетных методологов относительно перспектив *самоорганизации* социальной системы [4]. Тем более именно социология призвана ответить на вопросы: «Куда же эта само-

организующаяся реальность движется?»; «Какой вектор ее саморазвития уже сегодня и сейчас берет верх и задает конкретные параметры направленности этого движения в будущем?». И, если ответ на вопрос: «Что с нами будет?» – предполагает наличие у исследователя эвристического мышления, благодаря чему он способен угадать наличие некоторой совокупности латентных (скрытых) закономерностей нашего продвижения, то на вопрос: «Что мы представляем из себя сегодня?» – вполне может быть найден ответ с учетом непосредственно наблюдаемых и осязаемых, а потому явных эмпирических релевантов нашего настоящего. В контексте заявленного целеполагания принципиальной остается проблема функциональности традиционной социологической методологии с учетом современных тенденций.

Возьмем, к примеру, проблему *коммуникативной адекватности* в отношениях между обоими коммуникантами исследовательского поля – самим исследователем и респондентом в лице современного представителя эпохи цифровых технологий. Многолетний исследовательский опыт позволяет утверждать, что недооценка обозначенной проблемы и, как следствие, просчеты методологического характера создают эффект постоянно ускользающей натуры объекта в облике постсоветской студенческой генерации. Представим, что этот среднестатистический представитель новой эпохи возникнет перед вами в лице рядового респондента. Вы принимаете соответствующие попытки наладить коммуникационное взаимодействие, лежащее в основе любого социологического метода. В частности, задаете открытый вопрос, сформулировав его, как вам кажется, в терминах лексической адекватности респондента. Является ли данный факт достаточным основанием для убежденности в том, что он вас поймет? А если поймет и даже ответит, то где гарантии того, что его ответ не станет экспрессивной реакцией? Когда в уме находится что-то глубоко личное и потаенное, а в риторике ответа – что-то в лучшем случае ироничное, а в худшем – саркастичное, пропущенное сквозь призму усвоенного нигилизма или даже цинизма? Например, реакция на открытый вопрос анкеты: «Кто твой идеал?» – вызывает у поколения эпохи аномии практически однозначную негативную экспрессию выраженного категорического толка: «Идеалов нет и быть не может!». Это вполне закономерно с учетом взросления респондентов в ситуации системной аномии, сопровождаемой перманентной переоценкой страниц истории и ее героев, сносом памятников, переименованием улиц и городов. Поэтому выраженные в ответе саркастические нотки направлены, скорее всего, именно на исследователя, обнажившего своим вопросом очевидность того, что он работает в другой смысловой парадигме, олицетворяющей *архаику* прежних лет, ничего общего не имеющей

с актуальным мировоззрением повзрослевших детей периода социальной аномии. В связи с этим стоит хотя бы в малом задуматься о целесообразности использования в современной исследовательской практике арсенала привычных методических клише с учетом принципиально иной, в том числе и в социологическом плане, культуры мышления повзрослевшей генерации.

Не говоря уже о самой незначительной из улавливаемых тенденций – вероятностном *семантическом смещении* коммуникации, продиктованном спецификой лексической вооруженности представителя эры цифровых технологий. Когда может случиться так, что ряд понятий, которыми он оперирует, и стоящих за этими понятиями лексических значений, просто не входят в словарный запас самого исследователя. Это, например, глаголы «банить», «троллить», «хейтить», «чатить» или существительное «флешмоб», а также ряд других слов, типичных для виртуального мира молодого респондента поколения Z. В любом случае очевидный дисбаланс между преимущественно *виртуальным* миром респондента и вашим *реальным* миром сигнализирует о принципиальной разнице ваших повседневностей, включая и ее семантическую определенность.

Куда более драматично в связи с проблемой коммуникативной адекватности выглядит ситуация с традиционными массовыми опросами, предварительный набор которых предполагает обязательную редукцию теоретических исследовательских концептов к операциональным определениям, а формулировка – перевод на язык повседневности. С учетом специфики объекта сразу возникает проблема *ценностной разбалансировки* исходных установок исследователя, олицетворяющего, как правило, иной поколенческий и культурологический архетип с присущим ему значением традиционной нормативной модели ценностей, и тех ценностей, которые настойчиво транслируют современные представители эпохи миллениума. Надо признать, наконец, что между этими исходными ценностными моделями, как показывает опыт, бездна прямого и косвенного несоответствия. В итоге предложенная исследователем социологическая анкета заводит респондента поколения Z в лабиринт чужих смыслов, из которого надо найти выход. Респондент справляется с этой задачей, причем достаточно успешно, выбирая из списка предложенных социологической анкетой альтернатив те значения, которые *ожидает* исследователь, ибо он их и формулирует. Личностные смыслы респондента при этом остаются «за кадром», объективируя эффект целенаправленного осознанного конструирования *артефактов*. Поколение цифровых технологий, а особенно такой его сегмент, как студенческая молодежь, характеризуется достаточной компетентностью для того, чтобы легко сориентироваться в расставленных исследователем традиционных

(если не банальных) логических ловушках, сочетающих в одном смысловом блоке прямые, косвенные и контрольные вопросы, а также чтобы уловить необходимость логической согласованности своих ответов. Тем более что жесткие методические правила социологического инструментария обязывают в преамбуле к анкете сформулировать цели и задачи исследования, что уже служит *подсказкой*, которая усиливает эффект, названный психологами «каузальная атрибуция»: респондент вполне осознанно принимает навязанные исследователем правила игры и свое когнитивно обоснованное содержание исходной теоретической исследовательской парадигмы прочтение ситуации. Тогда как реальность испытуемого в своем «турбулентном воплощении» все чаще находится в отрыве от формулируемых традиционных постулатов и заменяется иррациональным выбором. Соответственно, актуальные смысловые паттерны поведения современного студента тоже в значительной степени иррациональны. При всем желании студент не сможет идентифицировать свои иррациональности (на то они и иррациональности) и уместить их в строгое логическое русло предложенной анкеты. Поэтому современный респондент в облике студента эпохи миллениума ощущает себя при заполнении предложенной ему анкеты приблизительно так же, как при разгадывании дома на диване кроссворда. Угадает ли он ваши теоретические конструкты, релевантно представленные в эмпирических признаках, да еще сформулированные в серии вопросов простым языком повседневности? Скорее всего, да, с большим или меньшим успехом. Однако это не решает проблему полученного в итоге артефакта. Так как в результатах не представлена, к сожалению, аутентичность (подлинность) респондента с его личным габитусом, через который отвечающий воспринимает и прочитывает окружающий мир, а попутно и содержание предложенной ему анкеты, стараясь вписаться в ее содержание и логику. При этом респондент осознанно абстрагируется от богатой палитры собственных наполовину иррациональных смыслов, пытаясь угадать заданные и сформулированные исследователем смыслы, опираясь на свою рационализирующуюся в ходе опроса компетентность. Как ни парадоксально, но порой строгое соблюдение прописанных во всех учебниках методических правил и принципов организации социологического исследования не гарантирует *валидность* полученных результатов. В конечном счете *тиражирование научных артефактов может быть обусловлено результатами массовых опросов, выстроенных в режиме абсолютной методологической строгости*. Вот почему из года в год в них повторяются одни и те же смысловые блоки, шаблонные вопросы, идентичные шкалы и сомнительные истины о безусловной приверженности молодого поколения традиционной модели ценностей. А вре-

мя между тем закономерно выдвинуло на передний план отечественной истории принципиально иной культурологический архетип – поколение социальной аномии, отчуждение которого от нормативной традиционной ценностной модели становится очевидным даже на визуальном уровне. Это уже не латентная определенность характеристики объекта, которую необходимо угадать и предвосхитить через набор адекватных и явных эмпирических индикаторов. Это в настоящем – очевидная и непосредственная реальность, достаточно выразительно представленная в актуальной повседневности и легко фиксируемая визуально через поведение, отношение и реакции представителей обозначенного возрастного сегмента на все, что происходит вокруг и что транслирует на практике социология жизни.

Проблема *реактивности* социологического инструментария в общем не нова! В исследовательской практике социолог постоянно к ней апеллирует, пытаясь ее разрешить (или нивелировать) филигранными изысками своих преимущественно методико-процедурных разработок. Вместе с тем актуальность момента, продиктованная обстоятельствами вхождения в исследовательское поле принципиально иного специфического объекта, т. е. представителя генерации Z и попутно продукта пролонгированной на десятилетия отечественной социальной аномии, заставляет посмотреть на проблему реактивности социологического инструментария с иных позиций. Определяющим здесь является факт раскола культурных традиций между самим исследователем, воспитанным в традиционной парадигме и эксплицирующим понятные ему ценности в своих осмысленных теоретических конструкциях, и молодым респондентом эпохи миллениума, культивирующим совершенно иную ценностную модель с учетом тех смыслов, которые он в нее вкладывает. Порой этот дисбаланс между прошлым и настоящим ощущим настолько, что возникает закономерный вопрос: «Не сигнализирует ли это новое поколение Z о начале перекодировки культуры нации в принципе?» В связи с этим опосредованность результатов исследовательского поля инструментарием, крайне нечувствительным к улавливаю смыслов именно нашей повседневности, ставит мощный барьер продуктивности всех исследовательских методик, какими бы строгими, нормативными или талантливыми они не были. В первую очередь эта разрешающая способность социологического инструментария касается тех жизненных смыслов, которые запечатлены в формирующихся «ментальных трассах» детей аномии, уже в настоящем определяющих реальный вектор духовного развития общества.

Попытки экспериментально апробировать различные методические подходы к исследованию обозначенного нами сегмента обнажили целый ряд

гносеологических противоречий. Не претендуя на всеобъемлющий характер сделанных выводов, обращаем внимание на их экспериментальную направленность с точки зрения повышения *разрешающей способности* используемых методик к улавливанию смысловой акцентуализации традиционной модели ценностей современным поколением студентов, сидящих сегодня в вузовской аудитории. Бесспорным остается приоритетность принципа триангуляции, позволяющего сочетать количественные и качественные методы, комплексно повышающие эффект конечного результата – эмпирической параметризации жизненных смыслов современного студенчества.

Например, попытки реализовать известный социологии метод свободных ассоциаций в современной студенческой аудитории посредством стимулирования респондентов свободно саморефлектировать в ситуации произвольной презентации себя при ответе на вопрос: «Кто ты?» – показали резкое сужение (по сравнению с результатами традиционных массовых опросов, включающих в себя до 15 наименований) набора доминирующих в студенческой среде ценностей [5], которые, по существу, свелись к четырем: самореализация, учеба, семья, любовь (дружба). Заметим, что все указанные ценности оказались практически эквивалентными по весу в обозначенном студентами ролевом повседневном наборе, смысловая коннотация которого позволяла исследователю достаточно уверенно и вполне обоснованно идентифицировать его с традиционной, хотя и обедненной, ценностной моделью. Сам факт наличия ограничивающего эффекта при произвольном «назывании» в случае свободных ассоциаций, а не при сознательном «выборе» из перечня, предложенного социологической анкетой, очевиден и, собственно, на это и рассчитан. Однако даже эта усеченная ценностная модель оставалась закрытой по отношению к реальным смыслам, вкладываемым респондентом в ту или иную ценность.

Это противоречие между формально означаемым и личностно означающим, хорошо известное философии и психологии, в социологии уходит в сферу *феноменологии* и анализа повседневности через рефлексию обыденных практик, где означающее (смысл) выводится из сознания субъекта, ему же приписывается конструирование самой социальной реальности [6–8]. Поэтому методико-процедурная проработка социологического инструментария в заданном направлении имела своей целью уловить глубинные эмоционально-когнитивные различия трактовок традиционного ценностного набора в прошлом и настоящем, фиксируемые на уровне выраженного в ментальности эффекта смысловых *запечатлений* (*импринтингов*).

Использованный в качестве эксперимента метод *тестирования* с набором произвольно представлен-

ных для оценки студенческой аудиторией суждений, эмпирически верифицированных с позиции гомогенности смыслового плюрализма четырех традиционных ценностей – самореализация, учеба, семья, любовь (дружба) – приоткрыл завесу тайны. Несмотря на количественную статусную определенность метода тестирования факт сопряженности в едином эмпирическом поле комплекса устойчивых для современного поколения студентов смысловых импринтингов позволил уловить как внутриспоколенческие, так и межпоколенческие принципиальные разногласия в прочтении и оценке традиционной ценностной модели.

Возьмем, к примеру, ценность личностной *самореализации* как наиболее объемную по содержанию, охватывающую все сферы жизнедеятельности, к тому же допускающую широкую вариативность средств для достижения цели и тем самым задающую жизненные стратегии поведения. Результаты тестирования обнажили ряд закономерностей, раскрывающих смысловую нагруженность процесса самореализации для студента эпохи цифровых технологий. Скажем сразу: они неоднозначны, но обладают явно выраженным центром притяжения, резко отличающим современную генерацию студенчества от предшественников.

Во-первых, усвоенная модель самореализации обнаруживает выраженное тяготение к *персонализации*, сопряженной с обязательностью *социального признания*. Практически три четверти принявших участие в эксперименте студентов (всего 300 человек) обнаруживают устойчивый импринтинговый эффект смысловой направленности на самоутверждение собственного *Я*.

Во-вторых, само понимание личности крайне индивидуализировано и трактуется большинством в узких рамках *личностной автономии*. В результатах тестирования мы получили единодушную поддержку смысловой идентификации понятия «личность» с «возможностью оставаться собой».

В-третьих, озабоченные отстаиванием собственной автономии повзрослевшие дети социальной аномии не приемлют никаких примеров для подражания, рассматривая данную альтернативу как вероятную угрозу собственной автономии. Причем неприятие авторитетов для подражания распространяется не только на известных исторических героев, культ которых за последние два десятилетия основательно развенчан, но и на современных кумиров, чья успешная самореализация могла бы служить ориентиром хотя бы с точки зрения *технологии* выстраивания программы достижения жизненного успеха. Так, включенный в набор тестовых суждений пример с Аллой Пугачевой, олицетворяющей собой успешную профессиональную самореализацию со всеми преимуществами звездного статуса и атрибутами материального благополучия, получил поддержку очень незначительной части

студенческой аудитории (12 % против 86 %). Аналогично практически не прослеживаются попытки брать пример жизненного успеха с собственных родителей, педагогов УВО, учителей школы, просто знакомых, литературных персонажей или киногероев.

Оказавшиеся в идеологическом вакууме, отчужденные от идеалов для подражания предшествующих поколений, вооруженные нигилизмом в оценках прошлого и цинизмом по отношению к настоящему, дети социальной аномии, таким образом, поставили в центр внимания собственное *Я*, пытаясь сохранить и утвердить свой жизненный мир как *независимую автономию* и реализовать свою личную индивидуальную программу жизненного успеха, чувствуя себя абсолютно свободными от всех социальных условностей, нравственных обязательств и тем более от чувства долга.

Но какова цена вопроса? Или каков инструментальный набор стратегий и тактик достижения этого жизненного успеха? Надо сказать прямо, что, несмотря на заметную расширительную трактовку (в сравнении с предшествующим поколением) инструментальных подходов к личностной самореализации, их доминантная часть остается в рамках стабильной традиционности. Это связи (64 %), деньги (60 %), карьера (50 %), власть (26 %). Среди постсоветской студенческой молодежи заметно возрастает, по сравнению с предшествующими поколениями, предпочтительность социально традиционных механизмов самореализации. Последнее свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости обозначенных алгоритмов достижения успеха в обществе, несмотря на заявленное перепрограммирование (в ходе перестройки) его целевых стратегических ориентаций и социальных установок, а с другой стороны, о том, что зафиксированный прирост приоритетности традиционных ставок в личностных стратегиях самореализации является следствием очевидного снижения порога чувствительности постсоветского поколения студентов к традиционным нравственным критериям, т. е. чувству долга, совести, ответственности перед обществом, патриотизму. Современная генерация студенчества несравнимо более свободна в своем самоопределении, что позволяет ее представителям абстрагироваться от идеологических установок прежних лет и делать ставки на те алгоритмы реализации успешного жизненного проекта, которые были недоступны предшествующим поколениям. Например, перспектива выезда за рубеж с целью заработать или продолжить учебу обнаруживает импринтинговую выраженность у подавляющей части (80 %) протестированной студенческой аудитории с оговоркой «в случае появления реальных возможностей». Поскольку растет мобильность студенческих передвижений, стимулируемых к тому же извне (например, внедряемым в образование

Болонским процессом), обозначенные тенденции вряд ли вызовут у кого-либо удивление. Как ни парадоксально, но привычные выводы нашего стереотипизированного сознания о непатриотичности современной молодежи вряд ли окажутся достаточно убедительными. Более того, если вы отважитесь открыто инкриминировать представителям поколения цифровых технологий постсоветского образца то, что их установки непатриотичны, то, скорее всего, они даже не поймут этого и будут в подавляющей своей массе правы, так как, наряду с готовностью выехать за пределы родины при условии появления соответствующих возможностей, они искренне любят ее: смысловой импринтинг «Я белорус и горжусь этим!» характерен для 61 % студентов. В связи с этим надо признать, что современное поколение студенчества живет совершенно в иных реалиях, выезд за границу (на отдых, учебу, работу, в командировку и др.) для них не несет смысловой нагрузки непатриотичности, с чем сталкивались предшествующие поколения. Освободившись (в силу специфики сложившихся социальных обстоятельств) от нравственного и идеологического прессинга со стороны общества, постсоветское поколение молодежи стало более *технологично* в своих предпочтениях. Поэтому они менее всего подходят к перспективе выезда за рубеж с точки зрения оценки патриотичности, а исходят из выраженного *прагматического интереса* к расширению возможностей осуществить успешный жизненный проект. Рационализация прагматизма, столь характерная поколению детей социальной аномии, возможно, как раз и стала следствием той возрастающей компетенции поколенческого архетипа, которой озабочена наша образовательная система последние два десятилетия. Следует добавить факт наличия выраженной дегуманитаризации и коммерциализации образования, что не могло не отразиться на общей духовной составляющей целого поколения.

С точки зрения усвоенного прагматизма оценивается и институт семьи. Еще на первом этапе исследовательских работ мы столкнулись с очевидностью того факта, что современное поколение студентов, оценивая семью в качестве ценности, ассоциирует ее с родительской семьей, которая ценна своей материальной и моральной поддержкой именно в студенческие годы.

Вот, к примеру, наиболее типичное для современной студенческой среды описание понимания семьи, данное в эссе на заданную тему, которое было предложено написать в ходе исследования: *До трепета в душе обожаю, когда мама готовит завтрак по утрам, аромат которого заставляет немедленно бежать на кухню, чтобы успеть попробовать раньше всех ее новое блюдо. А еще семья – это*

*то, когда мама гладит папе рубашки, а он в благодарность целует ее нежно в щеку. Наверное, сейчас меня поймут многие, ведь я думаю, что все мы любим эти душевные разговоры по вечерам с мамой за чашкой чая. Именно в такие вечера мы рассказываем то, что не можем рассказать всем остальным и понимаем, что нам очень повезло с родителями*¹.

Очевидно, что родительская семья ассоциируется с целым рядом эпитетов (душевное общение, доверительные отношения, эмоциональные эмпатии и др.), свидетельствующих о комфортности и важности семейных отношений. При этом нет никаких подтверждений закономерности переноса этих критериев на собственную семью в дальнейшем. Результаты исследования зафиксировали, что лишь треть студентов остаются в рамках привычной традиционности в понимании и трактовке семейно-брачных отношений. Например, тестовое суждение «Признаю лишь официальный брак с печатью в паспорте» получает согласие лишь у 40 %, а «Главный смысл брака – рождение и воспитание детей» – только у 34 %. Очевидно, что современные паттерны поведения молодежи, связанные с популярностью гражданского брака, исключающего взаимную ответственность (моральную и материальную), а также нежеланием обременять себя детьми, создают совершенно иную модель брачных отношений, никак не вписывающуюся в традиционную ценностно-нормативную трактовку.

Результаты, полученные в ходе студенческих эссе, дополнили наши представления и объяснили, в чем причины характерной для современной студенческой среды тенденции, которую мы классифицировали как «начало конца традиционной семьи», опираясь при этом на данные выстроенной в ходе исследования эмпирической модели [9]. Традиционная семья воспринимается постсоветской генерацией студенчества как фактор угрозы личностной автономии, способный ее разрушить и стать тормозом на пути реализации успешного жизненного проекта. Приведем отрывок из студенческого интервью, который наиболее выразителен своей прагматической смысловой направленностью: *В термин «семья» я не вкладываю каких-либо отношений, кроме родственных, ибо каких-либо особенных отношений семья не несет в себе, все те отношения, которые характерны ей, я могу встретить и за ее пределами. Считается, например, что семья воспитывает людей, но, на мой взгляд, она делает это косвенно, и, скорее, если и идет воспитание, то это перекладывание своих ценностей на другого человека, что не всегда приводит к хорошему результату. Как итог: для меня семья – круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, которые вытекают из брака, род-*

¹Здесь и далее курсивом даны тексты из личного архива авторов, сохранены языковые особенности оригинала. – Ж. Г., Т. Ш.

ства и усыновления. А другие определения и подходы отменяются мной фактом того, что люди могут быть не связаны какими-либо отношениями, кроме родственных, люди в ней не всегда несут взаимную ответственность, не имеют психической, духовной и эмоциональной близости, да, исполняют обязанности, но они могут и не выполняться. Стоит понимать то, что для отдельных индивидов семья не приносит в их личную жизнь ничего, кроме груза ответственности, которого лучше избежать!

Симптоматично, что именно поколение, воспитанное в рамках социальной анонимии, когда институт семьи первым принял на себя удар непродуманных социальных реконструкций, оказалось в авангарде нивелирования веками складывающихся семейных традиций.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на некоторые смысловые предпочтения, явно выпадающие из обозначенной традиционности социальных алгоритмов самореализации. Например, на выраженную тенденцию предпочтительности института власти как реального социального механизма, гарантирующего достижение успеха в жизни. Практически каждый четвертый респондент (26 %) из протестированного массива постсоветского поколения студенчества не скрывает своей ориентации на «вхождение» во власть как на реальный шанс достичь жизненного успеха. С учетом типологических особенностей постсоветской молодежи – ее рационализирующейся компетентности и прагматической технологичности подходов, сопряженных к тому же с отсутствующими рамками идеологического и нравственного ограничений, – новое поколение руководителей способно породить определенные зоны социального риска. В первую очередь это касается гуманитарной составляющей управленческого процесса, который в случае внедрения абсолютизированного инструментального подхода к делу новой волны молодых руководителей потенциально ориентирован на авторитарный стиль руководства, предполагающий персонализацию статусной позиции и отношение к рядовым исполнителям не иначе как к средству закрепления личностного авторитета, что не может не усиливать вертикальную конфликтность в трудовом коллективе.

Параллельно обращает на себя внимание ряд существенных типологических особенностей поколения миллениалов. В частности, четко фиксируется резкое повышение порога актуализации мотива личного первенства. Например, более 70 % протестированных студентов отождествили себя со смысловым импринтом, отраженным в тестовом суждении «Сколько себя помню, всегда хотел быть лучшим».

Мотив личного первенства, как известно, всегда служил энергетической подпиткой для успешной личностной самореализации. Это в принципе характеризует молодую студенческую генерацию с лучшей стороны. В конце концов, классическая

установка А. С. Пушкина «Желаю славы я!» создала личность гения русской литературы. Но это в том случае, если мотив личного первенства, ориентированный исключительно на успех, реализуется в сферах профессионального интереса, творческих способностей или в любой другой социально полезной сфере деятельности. В случае с генерацией постсоветского студенчества актуальное поле самореализации менее всего ориентировано на социально значимый, а более – на личностно предпочтительный или выгодный вариант. В этом смысле можно говорить о беспрецедентности сложившейся ситуации. Нет, в какой-то мере данные тенденции были характерны и для части предшествующих поколений студенчества, не все представители которых бросились на освоение целины. Но в нашем случае речь может идти об отсутствующей моральной мобилизации целого поколения, прагматизм которого способен абстрагироваться от социально значимых приоритетов в принципе. И надо честно признать, наши ожидания того, что для современных студентов предпочтителен выбор учебного процесса как сферы преломления мотива достижения личного первенства, оправдываются крайне редко. Результаты глубинных интервью с преподавательским составом обнажают общую озабоченность фактом демотивированности подавляющей части современных студентов учебным процессом и профессиональным ростом. Фактически в любой студенческой группе, по мнению преподавателей, можно насчитать сегодня в лучшем случае не более одной четверти студентов с выраженной мотивацией на достижение успехов в учебе. И здесь встают закономерные вопросы: «Почему?»; «Где в этом случае реализуется неудовлетворенное желание достичь личного первенства, если не в основной для студента сфере деятельности – учебе?». Наблюдаемая разбалансировка мотивационной сферы современного студента может иметь целый ряд оснований, сигнализирующих, кстати говоря, о различных аспектах проблемного поля нашей повседневности.

С одной стороны, логическая рассогласованность внутренне сформированной и фактически нереализованной мотивации для большинства задана внешними обстоятельствами, неблагоприятными условиями, сложившимися в самой системе образования. Причем речь идет прежде всего об отсутствии системности в отношениях между средним и высшим звеньями образовательного процесса в целом, находящимися к тому же в режиме затянувшегося реформирования. В глубинном интервью преподаватель ГУО с солидным опытом работы поясняет проблему следующим образом: *«Дело в том, что на завершающем этапе обучения в школе (9 класс) детей дифференцируют, к примеру, на два класса по критерию успеваемости, где в классе «А» сосредотачиваются лучшие по результатам учебы дети, а в классе*

«Б» – сравнительно менее успешные. Соответственно обозначенным уровням формируются программы обучения, где классу «А» предлагается усложненный вариант, а классу «Б» – упрощенный. Однако этот разноуровневый принцип подготовки школьников никак не влияет на статусное определение лучших учеников как на одном, так и на другом качественных уровнях. Хорошо, если дети отдают себе отчет в том, что в первом случае это будут лучшие среди лучших, а во втором варианте срабатывает принцип «молодец среди овец». В любом случае, независимо от уровня их самокритичности в обстоятельствах доступности высшего образования в студенческой аудитории за одной скамьей оказываются все вместе: и лучшие среди лучших, и лучшие среди худших, и даже худшие среди худших. Уже результаты первой сессии «высвечивают», кто есть кто, а мотивация достижения личного первенства в учебе остается актуальной для очень небольшого круга наиболее подготовленных студентов. Для подавляющей части студенческой группы она переключается на иные сферы активности: общественная работа, спорт, художественная самодеятельность и тому подобное. Это в лучшем случае. А в худшем вообще «уходит» за пределы вузовского пространства и остается малоконтролируемой.

Таким образом, столкнувшись со своей неконкурентоспособностью с дееспособным меньшинством уже на начальных этапах обучения в УВО, современная студенческая молодежь осознает факт неадекватности актуальной вузовской среды по отношению к удовлетворению потребности достижения персонализированного личностного первенства в учебе и переключается в большинстве своем с мотива достижения успеха на мотив избегания неудачи, потенциально сопутствующей любому учебному процессу. Так, 80 % задействованных в тестировании студентов признали факт своего «эмоционального переживания за исход экзаменационной сессии». Но лишь в четверти случаев это обусловлено мотивом достижения лучшего результата и подтверждения адекватности своей высокой самооценки в студенческой среде. Для большинства же определяющими становятся аргументы недопустимости «завала» или пересдачи, не говоря уже о перспективе отчисления. Можно ли утверждать, что обозначенные тенденции трансформации мотивационной сферы взаимоисключают друг друга по смысловой определенности, формирующей отношение к учебе? Вряд ли. В любом случае, идет ли речь о мотивации на достижение личного первенства или о мотивации на избегание неудач, мы имеем дело с позитивной мотивацией, способной подпитать интерес к учебному процессу. Однако, как утверждают психологи, каждый из указанных мотивов в отдельности настраивает личность на принципиально разные стратегии самореализации: в первом случае – на креативно-творческую страте-

гию, а во втором – на консервативно-приспособленную. Последняя в конечном итоге и становится для детей социальной аномии определяющей, а линия разграничения отсекает в эту сторону приблизительно две трети численного состава. Таким образом, большая половина студенчества остается на периферии мотивационной заряженности на учебный процесс уже на первом году обучения и освоения профессии.

Попытки углубиться в смысловую палитру реальных паттернов поведения современного студенчества по-прежнему выводят нас на факторы экономического порядка. В частности, к огромной силе демотивационным последствиям для студенческой среды приводит сегодня разбалансировка рынка трудовых ресурсов по линии несоответствия образовательных возможностей подготовки специалистов и их востребованности на рынке труда. Современные экономические реалии не дают прочных гарантий трудоустройства по профессии, поэтому 60 % протестированных считают проблему трудоустройства в профессии одной из самых злободневных. Параллельно с этим 40 % обнаруживают устойчивый, заключенный в ментальности эффект индифферентности к избранной профессии: «Меня не волнует, буду ли я работать в профессии»; а 27 % конкретизируют свою позицию откровенным признанием того, что «пришли сюда ради диплома, а не ради знаний».

Следовательно, сформированный предшествующим этапом социализации (детство, семья, школа) мотив личного первенства должен находить «подпитку» в иной сфере, причем необязательно в основной. Неконтролируемость данного процесса вне стен вузовского образования создает реальные социальные риски развития девиантного поведения, позволяющего утвердить и персонализировать свое Я порой в крайне опасных для общества формах. Примером может служить получивший широкую огласку прецедент «керченского стрелка», которому сопутствовала демонстрация соответствующего видеоролика. Это не может не вызвать пропагандистский эффект, в особенности для сегмента молодежи нашего исследовательского интереса. Пока мы говорим о единичных фактах, но перспектив расширения фронта девиаций для постсоветской генерации молодежи сегодня более чем достаточно.

Очевидно, что актуальная для детей социальной аномии вузовская среда оборачивается витком травмирующих фрустраций, привнося в повседневность современного поколения принципиально новые смыслы, способные дать выход аккумулярованной в потребности самореализации позитивной энергии, но, к сожалению, не укрепить социальный оптимизм. Напротив, годы обучения в УВО усиливают ощущение неопределенности, отсутствия четких ориентиров и растерянности перед будущим. Это охватившее студентов эмоциональное

разочарование в решающей степени было предопределено фактором наступившей зрелости и первыми робкими попытками самостоятельно найти ответ на вопросы взрослой жизни, на которые чуть раньше отвечали родители и худо-бедно школа. Логика данного процесса хорошо прослеживается в данных, полученных в ходе реализованных нами нарративных интервью с представителями постсоветской студенческой молодежи. Вот, например, одно из них, наиболее рельефно обнажающее неопределенность сложившейся социальной ситуации и ее демотивирующий эффект: *Еще можно было бы сказать про страх. Никогда неизвестно, что же находится там, где ничего не видно, где нет четкой структуры, которая бы подсказывала, куда нужно идти, где нет четкого представления о будущем, неважно, будь оно ближайшее или далекое, ибо в темноте все сливается воедино. Это страх перед неизвестным. Когда я поступал, мой период юношеского максимализма и нонконформизма еще только-только начинал заканчиваться, но, тем не менее, я был окрылен теми возможностями, которые должен был дать мне университет. Хотя я и понимал, что это сказки, которыми нас «травили» в школе и всякие другие «мудрые» взрослые про то, что сейчас без диплома никуда. Это очень вдохновляет и придает заряд энергии. И таким вот образом, окрыленный и заряженный энергией, внезапно влетаешь головой прямо в стену, а жизнь подрезает крылышки... Можно ли ожидать, что я реализую себя в профессии? Печально, что этот вопрос я задаю себе именно ближе к концу обучения. Я уверен, что именно учеба в университете, при всех ее минусах и плюсах, дала мне возможность приблизиться к тому моменту своей жизни, когда я смогу назвать себя умным человеком. Моя профессиональная реализация – это формирование меня самого как человека умного и умеющего управлять своим знанием. Направлять это знание в нужное мне русло. Именно такая установка является гарантией достижения успеха в будущем и победы над тем страхом, который постоянно выжидает, чтобы совершить последний удар. Именно такая установка может дать возможность для достижения счастья, каким бы оно не было.*

Внутрипоколенческое расслоение студенчества по критерию качества самореализации нарушает привычную гомогенность студенческой среды, делая заложниками, как ни странно, как одну, так и другую сторону. Преподаватель вынужден лавировать между двумя сегментами разного уровня

качества самореализующихся интенций, по необходимости ориентируясь на доминирующее большинство и по существу сознательно блокируя потенциал творческого роста подающего надежды студенческого меньшинства. Последнее незамедлительно порождает со стороны талантливых студентов неудовлетворенность процессом обучения в принципе. Параллельно большинство в лучшем случае дотягивает до формальных среднестатистических критериев, позволяющих получить диплом и направить свои самореализующиеся интенции в иные сферы деятельности, не забывая о целеполагании в формате успешного жизненного проекта. Поэтому ожидать от постсоветской генерации роста потенциала творческо-креативной и новаторско-инновационной самореализации вряд ли правомерно. Скорее всего, доминантные в обществе процессы пойдут в направлении адаптации малообразованных (в силу формального подхода к обучению) выпускников с неудовлетворенными амбициями. Эти специалисты, скорее всего, не упустят возможности попасть во властные структуры и получить в них сатисфакцию своих амбиций, а также компенсировать неудачи вузовского этапа самореализации. По всей видимости, это и определит смыслообразующий вектор нашего социального развития на ближайшие десятилетия.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть главное. Если посмотреть на полученные нами в ходе исследования данные с точки зрения пусть незначительного, но все же прироста знаний (по конкретизации повседневных жизненных смыслов студенческой молодежи постсоветской эпохи), то надо признать опосредованность исследований фактором сознательного отхода от устоявшихся методологических стереотипов социологии и смещением акцентов в качественную парадигму.

В связи с этим на ум приходит тезис Г. Н. Батыгина, записанный им еще в конце прошлого века: «Этот мир предстает перед нами как мир определенных смыслов. Умея распознавать смыслы и оперировать ими, человек может считать, что понимает происходящее. Если же он не видит, кто есть кто и что есть что, мир становится бессмысленным, чужим и жестоким» [10].

От себя добавим, что вне обозначенного контекста социология вообще теряет свою основную концептуальную линию понимающей социологии и тем самым загоняет себя в тупик.

Библиографические ссылки

1. Исаева М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоуа. *Знание. Понимание. Умение*. 2011;3:290–295.
2. Ожиганова ЕМ. Теория поколений Н. Хоуа и В. Штрауса. Возможности практического применения. *Бизнес-образование в экономике знаний*. 2018;3(11):94–97.
3. Сторер Н. Социология науки. В: Воронин ВВ, Зиньковский ЕВ, переводчики. *Американская социология: перспективы, проблемы, методы*. Москва: Прогресс; 1972. с. 253.
4. Степин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–13.

5. Данилов АН, Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;1:109–118.
6. Александер Дж. *Смыслы социальной жизни: культурсоциология*. Ольханов ГК, переводчик. Москва: Практикс; 2013. 640 с.
7. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Ахасов АЯ, переводчик. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2003. 336 с.
8. Тощенко ЖТ. *Социология жизни*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2016. 399 с.
9. Данилов АН, Грищенко ЖМ, Щелкова ТВ. Студенчество цифровых технологий: смысловые инварианты духовных практик. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:125–134.
10. Батыгин ГС. *Лекции по методологии социологических исследований* [Интернет] [процитировано 1 февраля 2018]. Доступно по: <https://www.twirpx.com/file/71915/>.

References

1. Isayeva M. Crisis and rice generation in W. Stauss and N. Howe's theory. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2011;3:290–295. Russian.
2. Ozhiganova EM. Staus Howe generation theory. Opportunities of practical application generations N. Howe and V. Strauss. Practical application possibilities. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*. 2018;3(11):94–97. Russian.
3. Storer N. [Sociology of science]. In: Voronin VV, Zinkovsky EV, translators. *Amerikanskaya sotsiologiya: perspektivy, problemy, metody* [American sociology: prospects, problems, methods]. Moscow: Progress; 1972. 253 p. Russian.
4. Stepin VS. Civilization in the eroch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarussian State University. Sociology*. 2017;3:6–13. Russian.
5. Danilov AN, Grishchenko ZM, Shcholkova TV. Generation of Z: split of traditions or code conversione of culture. *Journal of the Belarussian State University. Sociology*. 2017;1:109–118. Russian.
6. Alexander J. *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya* [Meanings of social life: cultural sociology]. Ol'khanov GK, translator. Moscow: Praxis; 2013. 640 p. Russian.
7. Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The Semantic structure of everyday world: essays on phenomenological sociology]. Akhasov AY, translator. Moscow: Institute Foundation «Obshchestvennoe mnenie»; 2003. 336 p. Russian.
8. Toschenko ZT. *Sotsiologiya zhizni* [Sociology of life]. Moscow: YUNITI-DANA; 2016. 399 p. Russian.
9. Danilov AN, Grishchenko ZM, Shcholkova TV. Students of the digital technologies: semantic invariants of spiritual practices. *Journal of the Belarussian State University. Sociology*. 2018;1:125–134. Russian.
10. Batygin GS. *Lectures on the methodology of sociological research. Textbook for students of humanitarian universities and postgraduates* [Internet] [cited 2018 February 1]. Available from: <https://www.twirpx.com/file/71915/>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.10.2018.
Received by editorial board 15.10.2018.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

ЛИНГВОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БЕЛОРУССКО-РУССКОЙ СМЕШАННОЙ РЕЧИ В БЕЛАРУСИ

A LANGUAGE SOCIOLOGICAL STUDY OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN MIXED SPEECH IN BELARUS

Kittel B., Lindner D., Brüggemann M., Zeller J. P., Hentschel G. **Sprachkontakt – Sprachmischung – Sprachwahl – Sprachwechsel. Eine sprachsoziologische Untersuchung der weißrussisch-russisch gemischten Rede «Trasjanka» in Weißrussland.** Berlin : Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2018. 338 p.

Данная книга является результатом научно-исследовательского проекта по изучению белорусско-русской смешанной речи (трасянки), который на протяжении более пяти лет проводился под руководством доктора филологических наук профессора Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого Г. Хентшеля. Работа получила активную поддержку со стороны ка-

федры истории белорусского языка филологического факультета БГУ (С. Н. Запрудский) и Центра политических и социологических исследований БГУ (Д. Г. Ротман). В рамках исследования авторы (Б. Киттель, Д. Линднер, М. Брюггеманн, Я. П. Целлер, Г. Хентшель) выделяют три языковых кода: белорусский язык, русский язык, белорусско-русская смешанная речь, – и изучают взаимозависимость между использованием определенного языка, социальным позиционированием и формированием коллективной идентичности в Беларуси как стране с двумя государственными языками.

Книга выделяется оригинальной конструкцией, логикой построения. Она состоит из 10 глав, каждая из которых несет свою смысловую нагрузку. В сумме все главы представляют собой крупномасштабное исследование языковой ситуации в современном белорусском обществе сквозь призму социально-политических и культурно-идентификационных аспектов.

Вполне естественно, что лингвосоциологическое исследование белорусско-русской смешанной речи начинается с определения перспектив анализа языка, обоснования его выбора и анализа изменений в социальном контексте. В данной главе вводится определение В. Гумбольдтом понятия «язык». Основополагающим является описание социологических объяснительных моделей, которые исследуют влияние социальных факторов на речевое поведение (Э. Дюркгейм, Дж. Г. Мид, А. Шюц, Т. Лукман, Ф. Шютце, М. Вебер, Х. Эссер и др.).

Во второй главе внимание исследователей переходит от языковых сообществ и языковой политики к целям языковых действий. Объяснение языкового поведения осуществляется с социологической перспективы таким образом, что макро-, мезо- и микро-социальные факторы определенного языкового поведения могут анализироваться отдельно. На построение данной объясняющей модели решающее влияние оказала теоретическая концепция П. Бурдьё. Тем не менее авторы также представляют еще одну объяснительную перспективу: их интересуют в большей степени мотивы людей, говорящих на том или ином языке.

В третьей главе авторы рассматривают наиболее значимые ценности (атрибуты) языка, такие как

экономическая (в данном случае язык оказывает влияние на социальное позиционирование говорящего) и символическая значимости. Соединение нескольких различных перспектив в одну социологическую объяснительную модель дает ответ на вопрос о том, как рамки языковой политики в Беларуси, с одной стороны, и ценности (атрибуты) языка, с другой стороны, влияют на языковое поведение индивидуумов и тем самым приводят к наблюдаемой языковой структуризации Беларуси.

Название четвертой главы – «Историко-политическое развитие, язык и языковая политика в Беларуси». В ней авторы рассматривают различные аспекты конструирования белорусской идентичности и развитие языковой политики в исторической, политической, религиозной и социокультурной перспективах. Вводится понятие белорусско-русской смешанной речи как результата русско-белорусских языковых контактов, которая анализируется в следующей, пятой главе в рамках исторического развития и социоэкономического контекста. Также в пятой главе авторы знакомят читателя с гипотезами, затрагивающими контекст использования определенного языка, региональные, возрастные, гендерные, образовательные, религиозные и иные аспекты, которые в последующих главах подтверждаются или опровергаются на основе данных социологических исследований.

О дизайне, операционализации основных понятий, описании выборочной совокупности и сборе данных социологических исследований, которые были проведены под руководством Центра социологических и политических исследований БГУ и легли в основу анализа, подробно и детально идет речь в шестой главе. В седьмой, восьмой и девятой главах представлены основные результаты исследований. В седьмой главе рассматриваются социально-структурные факторы использования языка, в том числе распространение смешанной речи, языковая социализация, использование определенного языка в разных контекстах на основе регионального и поколенческого анализа. В восьмой главе взгляд авторов фокусируется на языковом поведении в контексте экономической, символической значимости, а также культурной идентичности, выводы в данной главе основаны на результатах количественного социологического анализа. В девятой главе на основе собранных качественных социологических данных делается акцент на языковой идентичности, прежде всего на идентичности людей, использующих белорусско-русскую смешанную речь. Кроме того, авторы анализируют три типа идентичности белорусов. На основе социологических данных исследователи делают выводы о том, что языковые коды имеют значение в зависимости от контекста: например, в общественном пространстве доминирует русский язык, а белорусско-русская смешан-

ная речь чаще, чем считалось ранее, используется в частном (приватном) пространстве (особенно среди представителей старшего поколения).

Десятая глава содержит основные выводы авторов, краткое описание развития языковой ситуации в Беларуси, а также квинтэссенцию ответов на три основополагающих для книги вопроса: «Насколько распространены языки или коды, на которых говорят в Беларуси (имеются в виду белорусский и русский языки, а также белорусско-русская смешанная речь)?»; «Насколько социальные факторы могут объяснить использование этих кодов?»; «Какая индивидуальная значимость (например, экономическая, символическая ценность) лежит в основе использования того или иного кода?».

Отвечая на вопрос о распространенности трех языковых кодов, авторы на основе проведенных исследований делают вывод о том, что очень немногие респонденты никогда не использовали русский язык или белорусско-русскую смешанную речь. При этом примерно половина респондентов не использует белорусский язык активно. Лингвосоциологическая интерпретация результатов исследования заостряет внимание на том, что структурное сходство белорусского и русского языков обеспечивает в значительной степени взаимопонимание двух собеседников – носителей двух языков в чистой форме. Белорусско-русская смешанная речь занимает промежуточную позицию с точки зрения лингвистической структуры.

Некоторые социально-демографические факторы могут объяснить использование трех языковых кодов. Авторы подтверждают существующее мнение о том, что миграция сельского населения в города (особенно крупные), где доминировал русский язык, способствовала развитию смешанной формы речи. Тем не менее представители среднего и старшего поколения (32 года и старше) указывают в качестве своего первого языка, на котором они общались в детстве, белорусско-русскую смешанную речь, в то время как для молодого поколения таковым является русский язык. Что касается гендерных различий, то они играют незначительную роль: женщины старшего поколения чаще, чем мужчины того же возраста, используют белорусско-русскую смешанную речь, в то время как девушки используют русский язык чаще, чем юноши. Наиболее важным фактором является контекст социализации: значительно выше вероятность использования белорусско-русской смешанной речи теми людьми, чье детство прошло в сельской местности, чем теми, кто вырос в городе.

По поводу доступности белорусско-русской смешанной речи для других носителей языка авторы делают вывод о том, что белорусско-русская смешанная речь имеет наибольший коммуникационный потенциал, за ней практически вровень идет

русский язык, в то время как белорусский играет маргинальную роль по данному критерию. С точки зрения символической значимости языка, которая имеет важное значение для формирования индивидуальной и коллективной идентичности, наблюдается несколько иная картина: белорусский язык имеет самую высокую значимость. Несмотря на все эти аспекты авторы предсказывают русскоязычно ориентированное будущее Беларуси, чему способствует то, что носителями русского языка являются в основном молодые люди, первым языком также чаще всего становится русский, знание которого из поколения в поколение улучшается. Все эти тенденции ведут к тому, что русский язык используется не только в официальном контексте, но и переходит в частное общение, в котором, по мнению авторов, доминирует белорусско-русская смешанная речь. Таким образом, в этом поле «напряженности», как это часто случается в многоязычных обществах с контекстно-зависимым использованием языков, различное индивидуальное использование языковых кодов можно понимать как тенденцию к лингвистической однородности, достигаемой посредством контекстно-специфической адаптации.

Авторы выражают мнение о том, что данное распределение (русский язык – официальный контекст, белорусско-русская смешанная речь – частный контекст) вероятно сохранится и в будущем, если белорусский язык не получит серьезной государственной поддержки. Авторы, следовательно, выделяют языковую политику государства как значимый фактор, влияющий на развитие языковых изменений и выбор типа языковой интеграции.

Монографию можно характеризовать как строгую, рациональную, содержащую теоретические перспективы социологического анализа языкового поведения и результаты практических социологических исследований, отражающую взгляд со стороны на языковую ситуацию и политику в Беларуси сквозь призму историко-политического и социально-культурного развития страны. Книга будет интересна специалистам в области социолингвистики, филологии, социологии, политологии, руководителям разных уровней, научным сотрудникам, преподавателям высшей школы, магистрантам, аспирантам, докторантам, студентам, изучающим социальные дисциплины.

*Е. А. Данилова*¹

¹Екатерина Александровна Данилова – кандидат социологических наук; научный сотрудник факультета языкознания и наук о культуре Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого.

Ekaterina A. Danilova, PhD (sociological sciences); researcher at the school of linguistics and cultural studies, the Carl von Osietsky University of Oldenburg.

E-mail: katyadanilova@bk.ru

**ДИССЕРТАЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ,
УТВЕРЖДЕННЫЕ ВАК РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2018 г.**

**DISSERTATIONS ON SOCIOLOGY,
VALIDATED BY THE HAC OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN 2018**

Казун Екатерина Юрьевна. «Экологическое поведение студенческой молодежи Республики Беларусь: социологический аспект» (специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – Л. Г. Титаренко, доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета.

Моисеенко Владимир Григорьевич. «Формирование патриотических ценностей военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь: социологический аспект» (специальность 22.00.05 – политическая социология), Минск, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Научный руководитель – И. В. Котляров, доктор социологических наук, профессор; директор Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Пацеева Анастасия Георгиевна. «Профессиональная культура врача: социологический анализ» (специальность 22.00.06 – социология культуры), Минск, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Научный руководитель – В. Я. Кочергин, кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Смыкова Евгения Юрьевна. «Потребление музейных услуг в современном белорусском обществе: социологический анализ» (специальность 22.00.06 – социология культуры), Минск, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси. Научный руководитель – И. В. Лашук, кандидат социологических наук, доцент Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Гаврилик Оксана Николаевна. «Деньги в системе социальных отношений: социологический анализ» (специальность 22.00.01 – теория, методология и история социологии), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – Л. В. Филинская, кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии Белорусского государственного университета.

Щербинин Сергей Николаевич. «Рационалистическая модель управленческого решения в сфере малого предпринимательства: социологический подход» (специальность 22.00.08 – социология управления), Минск, Белорусский государственный университет. Научный руководитель – Д. К. Безнюк, доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 316.77(075.8)

Сидорская И. В. **Теория медиакоммуникаций** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 81 08 «Медиакоммуникации» / И. В. Сидорская, А. И. Соловьев ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 153 с. : ил. Библиогр.: с. 150–153. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215042>. Загл. с экрана. Деп. 19.02.2019. № 001619022019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 1-23 81 08 «Медиакоммуникации». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов, касающихся медийных коммуникаций, в частности, связанных с общими принципами и моделями коммуникации, основными историческими вехами развития средств коммуникации, синтезом знаний в области теоретических интерпретаций медиа и культуры, общими принципами работы и типологией традиционных и новых медиа.

УДК 316.77(075.8)+659(075.8)

Колик А. В. **Брендинговые корпоративные коммуникации** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 81 08 «Медиакоммуникации» / А. В. Колик ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 40 с. Библиогр.: с. 35–39. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215016>. Загл. с экрана. Деп. 20.02.2019. № 001720022019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 1-23 81 08 «Медиакоммуникации». Содержание ЭУМК предполагает изучение истории развития брендинга, общих принципов и моделей брендинга, бренда как категории социально-гуманитарного знания, бренд-менеджмента, рекламных и публичных релейшнз коммуникаций брендов, коммуникаций брендов в интернете.

УДК 316.77(075.8)+070.41(075.8)

Явинская Ю. В. **Эффективный медиатекст** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 81 08 «Медиакоммуникации» / Ю. В. Явинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 69 с. Библиогр.: с. 63–68. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215046>. Загл. с экрана. Деп. 20.02.2019. № 001920022019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 1-23 81 08 «Медиакоммуникации». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов теории и практики создания медиатекста, связанных с общими принципами и моделями медиакоммуникации, дискурсивными тактиками журналистской и рекламной деятельности, а также PR-деятельности.

УДК 316.772:001(075.8)

Научная коммуникация [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для магистрантов спец. 1-23 81 08 «Медиакоммуникации» / сост. Л. Г. Дуктова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 48 с. Библиогр.: с. 45–48. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215071>. Загл. с экрана. Деп. 21.02.2019. № 002021022019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 1-23 81 08 «Медиакоммуникации». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: наука

как социальный институт; взаимодействие структурных компонентов; взаимодействие института науки, органов государственной власти и бизнес-структур; научная коммуникация внутри профессионального сообщества; специфика подачи информации о результатах научной деятельности в текстах массмедиа; особенности организации работы PR-специалиста в научной организации (учреждении); планирование, подготовка и проведение специальных (научно-популярных) мероприятий; правовые нормы научной коммуникации; этика в научной коммуникации и т. д.

УДК 316.77(075.8)+659.441(075.8)

Стратегический медиарилейшнз [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для магистрантов спец. 1-23 81 08 «Медиакоммуникации» / сост. Л. Г. Дуктова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 34 с. Библиогр.: с. 29–34. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/215074>. Загл. с экрана. Деп. 21.02.2019. № 002121022019.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 1-23 81 08 «Медиакоммуникации». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: основные принципы деятельности медиарилейшнз, место и роль стратегических корпоративных коммуникаций, стратегические задачи медиарилейшнз, основные требования к содержанию текстовой информации для массмедиа при реализации PR-стратегий (эффективные приемы работы с текстом) и т. д.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Щеткина М. А., Данилов А. Н.</i> Реализация Целей устойчивого развития в Беларуси: Повестка дня до 2030 г.	4
<i>Коршунов Г. П.</i> Цифровая трансформация общества – проблемы и перспективы социологического изучения.....	12
<i>Смирнов В. Э.</i> Диалектика социального института.....	23

ЦИФРОВАЯ ПОВЕСТКА ДЛЯ МЕДИАПРОСТРАНСТВА

<i>Карлюкевич А. Н.</i> XIII Белорусский международный медиафорум: современное медиапространство и новые подходы к социологическому исследованию СМИ.....	34
<i>Бузовский И. И.</i> Средства массовой информации в структуре общественных процессов	36
<i>Посталовский А. В.</i> Средства массовой информации и дестабилизация общества: аспекты взаимосвязи.....	45
<i>Алимбекова Г. Т., Шабденова А. Б.</i> Медиапредпочтения населения стран Средней Азии: результаты социологических исследований	52
<i>Лордкипанидзе А. В., Пачулия М. Р., Чуйко А. В.</i> Инновационный комбинированный подход к анализу традиционных медиа на примере анализа медиапространства Грузии («ТВ-Граф»).....	61

ДИСКУССИЯ

<i>Шубрт Иржи.</i> Пересматривая теорию структуризации Э. Гидденса	69
<i>Поликаров В. А.</i> Политика как игра: основное психологическое отношение	74

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Черный ящик: вдали от потока сознания, или Отчего рыцари плачут	80
--	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Дудчик А. Ю.</i> Изучение зарубежных социологических идей в работах Г. П. Давидюка 1960–80-х гг.	93
<i>Титаренко Л. Г., Заславская М. И.</i> Европейская интеграция систем высшего образования Республики Беларусь и Республики Армения	102
<i>Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В.</i> Поколение социальной аномии под прицелом «организованного скептицизма».....	113

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилова Е. А.</i> Лингвосоциологическое исследование белорусско-русской смешанной речи в Беларуси	124
Диссертации по социологии, утвержденные ВАК Республики Беларусь в 2018 г.	127
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	128

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Shchetkina M. A., Danilov A. N.</i> Implimentation of the Sustainable Development Goals in Belarus: an Agenda until 2030.....	4
<i>Korshunov G. P.</i> Digital transformation of society – problems and prospects of sociological study.....	12
<i>Smirnov V. E.</i> Dialectics of social institute	23

DIGITAL AGENDA FOR MEDIA SPACE

<i>Karliukevich A. N.</i> XIII Belarusian international media forum: modern media space and new approaches to the sociological study of the media	34
<i>Buzovsky I. I.</i> The media in the structure of social processes	36
<i>Postalovsky A. V.</i> Means of mass information and destabilization of society: the aspects of interrelation	45
<i>Alimbekova G. T., Shabdenova A. B.</i> The media-preferences of the population of Central Asian countries: the results of sociological research.....	52
<i>Lordkipanidze A. V., Pachulia M. R., Chuyko A. V.</i> Innovative combined approach to the analysis of traditional media on the example of Georgia's media space analysis («TV-Graph»).....	61

DISCUSSION

<i>Šubrt Jiří.</i> Reconsidering Giddens' theory of structuration	69
<i>Polikarpov V. A.</i> Politics as a game: the main psychological attitude	74

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> A Black box: away from the stream of consciousness, or Why knights cry	80
---	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Dudchik A. Y.</i> Study of foreign sociological ideas in works of G. P. Davidyuk in the 1960–80s.....	93
<i>Titarenko L. G., Zaslavskaya M. I.</i> European integration of the systems of higher education of Belarus and Armenia.....	102
<i>Grishchenko Z. M., Scholkova T. V.</i> Generation of social anomie at the sight of «organized skepticism»....	113

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Danilova E. A.</i> A language sociological study of the Belarusian-Russian mixed speech in Belarus.....	124
Dissertations on sociology, validated by the HAC of the Republic of Belarus in 2018	127
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	128

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 1. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы О. А. Бабашова, С. Е. Богуш
Технический редактор Ю. А. Тарайковская
Корректор К. Б. Скакун

Подписано в печать 29.03.2019.
Тираж 125 экз. Заказ 108.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 1. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors O. A. Babashova, S. J. Bohush
Technical editor Y. A. Taraikouskaya
Proofreader K. B. Skakun

Signed print 29.03.2019.
Edition 125 copies. Order number 108.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019